ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 10 (4504)

5 марта 1975 г. СРЕДА

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

СЛАВНЫЕ ДОЧЕРИ РОДИНЫ

8 МАРТА — МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

С. С. СМИРНОВ

...ИВОТ снова март. Яркое солнце. Хрупкие ветки мимозы. Первые цветы. Милые, улыбающиеся лица женщин. Пройдет несколько дней, и мужское население с радостью поздравит женщин с весенним праздником — 8 Марта, Международным женским днем.

Поэты разных времен и народов воспевали и прославляли женщину-мать, женщину-труженицу. Но самый вдохновенный гимн женщине сложил социализм. Социалистический строй впервые в истории коренным образом изменил положение женщин в обществе, обеспечил реальные условия для расцвета их способностей и талантов. В Стране Советов наравне с мужчинами они участвуют в создании материальных и духовных ценностей, в общественной и культурной жизни.

Через революционные баррикады, незабываемые годы гражданской войны, сквозь бушующее время первых пятилеток, суровую страду Великой Отечественной шли и сейчас в рядах строителей коммунизма идут рядом с мужчинами наши прекрасные женщины. Среди правофланговых пятилетки, с честью несущих эстафету ударного труда, — их тысячи и тысячи. Это и прядильщица Фурмановской фабрики Елена Амосова, и перемотчица поселка Энгельсского комбината химического волокна Анастасия Когачева, и доярка из эстонского совхоза «Вильянди» Лейда Пайлс, самоотверженный труд которых так высоко оценил в обращенных к ним письмах Леонид Ильич Брежнев.

Высокая судьба моей счастливой соотечественницы — надежда и пример для женщин всего мира.

В нынешнем году Международный женский день совпал с Международным годом женщины и с еще одной, очень дорогой всем нам датой — 30-летием Победы в Великой Отечественной войне, и потому сегодня мне особенно хочется вспомнить о женщинах-фронтовичках.

Женщина-воин! Нам, мужчинам — солдатам и по природе своей, и по многовековой традиции — в минувшей, жесточайшей войне было очень и очень нелегко. Женщинам же — во сто крат труднее. И тем не менее более восьмисот тысяч женщин в годы Великой Отечественной доблестно, бок о бок с отцами, братьями, мужьями и сыновьями сражались с фашизмом.

Овладев почти всеми военными специальностями, женщины практически представляли все службы в наших Вооруженных Силах. Они водили в бой самолеты и танки, стояли у пулеметов и зенитных орудий, были работниками штабов и политорганов, обеспечивая руководство войсками и воспитание боевой стойкости воинов. Особенно огромной была армия медицинских сестер, санитарок, врачей, чьи заботливые, ласковые руки выносили раненых солдат с поля боя, врачевали их и возвращали к жизни и борьбе. Традиционно женской за годы войны стала профессия связиста — тысячи телефонисток и радисток обеспечивали устойчивую, бесперебойную связь всех звеньев многосложного военного организма.

Женщины шагали рядом с мужчинами кровавыми дорогами войны, боролись в партизанских отрядах, в подполье. Они воевали на земле, в небе, на море. Никогда еще мир не видел такого массового героического участия женщин в священной войне за свою Родину.

Сегодня «Литературная газета» публикует снимки нескольких участниц Великой Отечественной войны. Все они сделаны на разных фронтах, в разное время военным фотокорреспондентом Евгением Халдеем и необычайно дороги нам своей достоверностью, документальностью. Через годы Е. Халдей решил разыскать бывших фронтовичек, узнать, как сложилась их жизнь. И вот рядом с военными фотографиями появились новые кадры. Биография за биографией. Судьба за судьбой. Одна прекраснее другой...

...Марию Шальневу, фронтового регулировщика, Е. Халдей заснял 1 мая 1945 года на Александерплац в Берлине. Воронеж — Берлин — таков фронтовой путь Марии. Сейчас Шальнева — мать двоих детей. Вся ее семья — муж, сын и дочь — работает авиаконструкторами на воронежском заводе. На снимке вы видите Марию Шальневу с дочерью Татьяной.

...Командиром дальномерного отделения зенитной батареи была на войне Татьяна Шморгунова. Со своими боевыми товарищами она прошла дорогами войны от Брянска до Одера. На берегу знаменитой реки в 1945 году и был сделан этот снимок. После победы Татьяна вернулась домой, в Житомирскую область, где живет и работает по сей день.

...Любимицей моряков, умелой, чуткой медицинской сестрой и бесстрашной разведчицей была в батальоне морской пехоты Азовской, а затем Дунайской военной флотилии знаменитая Катюша — главстаршина Катя Михайлова, о которой я когда-то писал в «Правде». Она начала свой воинский путь в 16 лет и закончила его в 20 коммунистом и прославленной на флоте героиней. На снимке Е. Халдея Катя Михайлова запечатлена в 1943 году в боях на Керченском плацдарме в Крыму. Сейчас Екатерина Илларионовна Михайлова (Демина) работает врачом в одной из заводских поликлиник подмосковского города Электросталь. Она кавалер двух орденов Красного Знамени, ордена Отечественной войны и множества медалей.

...В 1943 году в батальоне морской пехоты Е. Халдей сфотографировал известную разведчицу Нину Марухно. И вот почти через три десятилетия в Новороссийске на празднований, посвященном юбилейной дате освобождения города, встретились друзья фронтовых лет — командир батальона, Герой Советского Союза Василий Ботылев и Нина Марухно, которая работает сейчас на Кубани.

Так бы и продолжать фоторассказ о счастливых судьбах. Но... рядом со снимком, с которого смотрит на нас снайпер 255-й бригады морской пехоты Лиза Миронова, не поместишь ее послевоенную фотографию. Отважная защитница Севастополя, ученица и подруга Героя Советского Союза Людмилы Павличенко, она потом сражалась на Малой земле и пала смертью храбрых при штурме Новороссийска. Лиза Миронова — одна из тех двадцати миллионов не вернувшихся с войны, над могилами которых сегодня горят торжественные огни Вечной славы и не увядают цветы — символ благодарной народной памяти.

...И вот снова март. Первый весенний праздник. Мы дарим Тебе цветы, мы славим Тебя, мы кланяемся Тебе — Женщина, дарующая земле Жизнь, Радость, Счастье.

стр. 2

Мария Шальнева, 1945 г.

Мария Шальнева с дочерью Татьяной, 1970 г.

«ВЕСНА-75»

— так называется выставка, посвященная Международному году женщины, которая открылась в Доме дружбы с народами зарубежных стран.

На выставке экспонируются работы фотожурналистов Нины СВИРИДОВОЙ и Дмитрия ВОЗДВИЖЕНСКОГО. Некоторые из этих работ мы воспроизводим сегодня.

ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ПУТЯХ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

стр. 12

ПРИРОДА И МЫ

МИНИСТР ОТВЕЧАЕТ ПИСАТЕЛЮ

стр. 13

ЖЕНЩИНЫ В ЖИЗНИ И В ЛИТЕРАТУРЕ

ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ МАЯНЫ ГАНИНОЙ И СОЦИОЛОГА ВИКТОРА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

стр. 4

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Зульфии (Исраиловой Зульфии) орденом Дружбы народов

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писательницу Зульфию (Исраилову Зульфию) орденом Дружбы народов.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 28 февраля 1975 г.

Татьяна Шморгунова, 1945 г.

Татьяна Шморгунова (в центре), 1970 г.

ВСЕСОЮЗНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В МИНСКЕ

БЕССМЕРТНОМУ ПОДВИГУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

СВЫШЕ ста писателей, представителей всей многонациональной советской литературы, приехали в город-герой Минск на Всесоюзное творческое совещание, тема которого — «Бессмертный подвиг народа в Великой Отечественной войне и советская литература» — звучит особенно актуально в эти дни, в преддверии 30-летия Великой Победы.

С первых дней Великой Отечественной войны, буквально с первых ее часов советские писатели встали в строй защитников Отечества. Профессиональные поэты и прозаики становились фронтовыми корреспондентами, солдатами и офицерами, а некоторые участники войны еще не догадывались тогда, что в мирные дни они станут писателями, войдут в литературу так называемым «военным поколением» и будут рассказывать миру о подвиге и славе, о беспримерном мужестве и стойкости советского народа. Таких большинство среди участников совещания, и их нетрудно узнать по орденским колодкам, по Золотым звездам героев, по седине или проседи, которые тоже стали заметным знаком отличия ветеранов войны...

Встречаются бывшие фронтовики, партизаны, и потому, должно быть, так много в Минске неожиданных объятий, дружеских рукопожатий, радостных и волнующих слов — для них, ветеранов, это ведь и встреча со своей боевой молодостью, с товарищами по оружию. К. Симонов провел в Белоруссии самые первые и, пожалуй, самые тяжкие дни войны — об этом мы знаем и по его фронтовым корреспонденциям, и по его широкоизвестным романам, созданным уже в мирное время. Татарский поэт Заки Нури сражался здесь в знаменитой партизанской бригаде Константина Заслонова. В партизанских лесах Белоруссии воевал и калмыцкий поэт М. Хонинов. Русский прозаик, Герой Советского Союза В. Карпов разведчиком прошел десятки белорусских сел,

стр. 3

ВСЕГО ОДИН ДЕНЬ...

В канун праздника — Международного женского дня 8 марта мы обратились к женщинам, авторам известных читателям романов, повестей, стихов, с просьбой рассказать на страницах газеты об одном из самых памятных, счастливых дней своей жизни.

Сильва КАПУТИКЯН

ЯРКОЙ ГРАНЬЮ МАЯ

КОГДА мне позвонили из «Литературной газеты» и предложили ответить на вопрос: «Какой день самый счастливый в вашей жизни?» — ответ уже сразу был у меня на устах. Но с другого конца провода я услышала: «Мы решили в этом году обратиться к женщинам-писателям не со стандартным вопросом «Над чем вы работаете?», а, если можно так сказать, с более «женским» — о счастье, о радостях души. Напишите странички три».

«Три страницы?! Наберется ли в моей жизни три страницы счастья?» — сострила я и насторожилась: ведь ответ, который уже был у меня на кончике языка, не очень-то «женский». Может, мне думать о другом? Как-никак лирическая поэтесса, прожила не такую уж тусклую жизнь...

Расследовала я свою память, но ничего равного не нашла, и вот я пишу о том, что в первый же момент телефонного разговора возникло во мне.

Самый счастливый день в моей жизни — это 9 мая 1945 года, День Победы. Наверное, некоторые подумают, что, мол, мой ответ слишком «общественен», что я настраиваюсь на юбилейную военную дату, но у меня есть «вещественное» доказательство. Оно на 207-й странице моей книги «Караваны еще в пути», где рассказывается, как в Каире на тот же вопрос корреспондентки газеты «Аль-Ахрам» я отвечаю тем же.

Слов нет, я многое видела на своем веку, много сздила, познала счастье, как говорится, и в личной жизни, и в труде, притом, признаться, со значительным перевесом в последнем. Немало было творческих радостей, незабываемых встреч, но все равно ничто, никакой день не может сравниться с теми предрассветными часами, когда я, услышав по радио о Победе, как безумная, выскочила из дома и на весь наш длинный-предлинный старо-ереванский дворик закричала: «Война кончилась! Война кончилась!» И, не ожидая отклика, выбежала на улицу, и, смешавшись с такими же безумцами, со всеми обнимаясь и целуясь, я продвигалась на Ленинскую площадь, а там народу уже было полно. Стекались со всех улиц старики, молодые, женщины, дети. Тут и там раздавались звуки зурны, вихрем кружилась пляска, неслись песни, люди передавали друг другу кувшины с вином. И я ходила одна и со всеми вместе, пьяная от счастья, от наплыва надежд. И так целый день, так — второй, так — третий...

О, эти три дня счастья, слившиеся в один, низывавшийся Днем Победы! Он может заполнить не три страницы, а целое тридцатилетие. Он прошел через всю мою дальнейшую жизнь. Великий, общечеловеческий, он жил во мне как нечто мое, личное, он стал радостью, грустью, светом, стал стихотворением:

Ты отливаешь яркой гранью мая,
Светящийся, наш драгоценность, день.
Мы помним о тебе с такой любовью,
С такой тоской и нежностью высокой,
Как два седых усталых человека
Безмолвно помнят свой венчальный трепет...
Поцеловались небо и земля,
Заминув головы в сиянье фейерверка.
И добрыми губами океанов
Сомкнулись полушария Земли.
Обнялись с войсками целовались громко,
И нам веревки, спутались, смешались
Железные границы государств.
Поцеловались радиоволнами
Потрескавшиеся губы городов.
Целовались улица и площадь
Сверкающими толпами людей...
Стал небосвод объятием бездонным,
А горизонты — тонкими руками.
Они в одно кольцо соединились
И взяли человечество в свой круг.
Оно смеялось громко, простодушно,
Его страданья сделали ребячьим, —
И вот оно опять готово верить.
День ласки, перемирья и доверья,
День до конца оправданных надежд!
Ты — самый яркий среди всех прошедших,
Ты — самый щедрый среди всех минувших,
Неповторимый, самый невозвратный,
Не знающий подобных,
День Победы!..

(Перевела с армянского Юнна МОРИЦ)

ЕРЕВАН

На снимке: Сильва Капутикян (в центре) и труженики совхоза «Кулундинский» Алтайского края

Римма КАЗАКОВА

ОЧЕНЬ ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

НЕСКОЛЬКО лет назад Хабаровское радио послало меня в командировку на станцию Бира. Там, на этом маленьком таежном островке, в его пахнущих смолой, дымом костров, прелым листом и свежим тесом дебрях жила участница Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Вера Кащеева — Вера Сергеевна, как в мыслях уже обращалась я к ней, засыпая на жесткой полке общего вагона. Свое для меня более чем высокое звание она, я недавним прошлом санинструктор, получила за форсирование Днепра. Вагон качался, и в моем неспокойном сне взрывалась разрывами снарядов черная полоса реки, мелькали закопченные, искаженные усталостью лица и всплывали — очень почему-то белые — женские руки, белые, как бинты, белые, как хлопья снега, как окно в мирный зимний день.

И все же я совершенно не представляла себе, какая она, какой может быть женщина-герой. Осознает она значительность своей личности сейчас, спустя годы после войны? Ходит по земле, как живой памятник, или, спрятав награду в заветное место, проживает на заурядной станции, в заурядном поселке заурядную жизнь? По молодости и неопытности я к тому же еще и не знала, как должен петь себя человек с героическим прошлым и как петь себя с ним окружающим.

А Вера Сергеевна оказалась молодой, очень женственной, очень мягкой. Мое появление она встретила без энтузиазма, но и удивления своего не выказала. Во всем, что она делала и говорила, как двигалась и молчала, было то, что мы называем чувством собственного достоинства, которое, когда оно подлинное, проявляется и в ненавязчивом уважении не только к себе, но и к собеседнику.

Прежде всего я установила, что Вера Сергеевна заведует детским садом. Для начала она поводила меня по пустовавшим столовой и двум комнаткам, пустым, потому что дети спали: был мертвый час. Потом мы с ней попили чаю и поговорили о войне. Я стеснялась расспрашивать ее о подробностях военной жизни и той ночи, которая была расценена потом как подвиг. На ячейке вертелись, как назло, какие-то стандартные, совершенно не монтирующиеся с домашним, спокойным и милым лицом Веры фразы типа: «Что вас толкнуло...» и «Как вы совершили...». Но Вера сама рассказала мне все, что я хотела от нее услышать. Оказалось, можно было бы уйти с той подосочки земли, которую требовалось удержать до утра. Бойцы и санинструктор не знали, доживут ли до рассвета. Но Вера, как она мне объяснила, понимала, что солдатам придает немало силы то, что она, хрупкая женщина, с ними. Да и жалела она их какой-то внезапно проснувшейся материнской жалостью, которая, наверное, рождается вместе с женщиной и дремлет до поры даже в маленькой девочке.

Очень простая история. Вроде бы и ничего особенного. Но из таких крохотных отрезков времени и пространства, видимо, — как постепенно стала прозревать я во время нашего тихого чаепития — складывалась драматическая картина войны, медленно и нечеловечески трудно приближалась победа.

И мне стало понятно то, что не принялось сначала: почему Вера Сергеевна живет в маленьком уголке необъятного Союза, а не в каком-то крупном столичном городе, почему заведует рядовым детским садом, растит самых обычных детей, в общем тех, чьи родители волею судьбы оказались ее соседями, а не преподает в интернате для особо даровитых и необыкновенных уроки мужества и героизма. Да еще, как она пожаловалась, шифер для крыши никак не может выбить у районного начальства. А крыша течет...

— Вот помогли бы мне с шифером, не знала б уж и как вас благодарить.

Потом мы еще ходили по саду, знакомились с уже проснувшейся детворой, о чем-то разговаривали, но шифер, как помнится, был уже главным содержанием наших разговоров. Вера Сергеевна, казалось, окончательно для себя определила смысл моего явления к ней, разом отбросив все, что касалось ее самой и прошлого, что создавало, видимо, для нее некоторое неудобство, стесняло, смущало. Теперь ей стало легко со мной общаться, и мы очень хорошо простились, условившись, что о шифере я похлопочу.

Мой очерк о Герое Советского Союза Вере Кащеевой был написан и прочитан мною же по радио. Это был очерк и о дальневосточной земле, и о нашей земле вообще, и это был один из первых для меня уроков понимания жизни и того самого, что зовут гражданственностью и профессиональным долгом. Я пыталась разобраться в природе подвига, и во мне зрело ощущение необходимости для каждого совершать безнаградно, по совести, ежедневный подвиг для людей, как моя Вера Сергеевна на узкой полоске приднепровской земли, как моя милая Вера Сергеевна в неведомой миру Бире.

Прошло какое-то время, и я получила письмо от Веры Кащеевой «Сама я ваше выступление по радио не слышала,— писала Вера, — но его слышала моя мама. Спасибо вам за все добрые слова, а главное — спасибо за то, что после вашего очерка с шифером все утряслось...»

Никогда, ни до ни после, не испытывала я такой огромной радости, как в тот миг, когда впервые в жизни поняла, что и я пером совершила пусть маленькое, но деяние. Я поняла, что это оружие дано нам в руки не для того, чтобы обнаружить литературное дарование, поразить им, самоутвердиться и самовознестись. И на долгие годы муки слова стали для меня прежде всего муками души, жаждущей поступков, что-то меняющих в жизни к лучшему.

А ведь в жизни у человека, если он действительно живет и если он человек, каждый новый день — это тревожная вода за спиной и узкая полоска простреливаемой земли, которую надо удержать до утра.

На снимке: Римма Казакова на встрече с читателями

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

«ЖИТЕЙСКОЙ РАДОСТИ ЦВЕТЫ»

Я ПРОЖИЛА много лет. Были горести, беды, утраты... Но и счастливых дней было немало.

Помню 9 мая 30 лет назад. Многотысячную, ликующую, гремящую музыкой и песнями Москву, слезы и смех, объятья на улицах, скорбь об ушедших и несравненную гордую любовь к великому нашему Отечеству.

Совсем другой день. Иное чувство, пронзившее всю меня, полонившее навсегда, — острое, нежное материнское чувство. Родился первый сын.

Но разве была я менее счастлива в день рождения второго?

А первая книга? Это произошло ранней весной, и ручьи в тот день шумели звонче, и ребячьи бумажные кораблики неслись в их студеных струях куда-то далеко и зовуще.

А другая моя книга, гораздо позднее, о Человеке, в котором так могуче сошлось все прекрасное, человеческое!

А орден Ленина, которым меня наградило правительство, а Государственная премия, чудесная премия имени Надежды Константиновны Крупской? Я горжусь и волнуюсь оттого, что за книгу о В. И. Ленине получила именно премию Н. К. Крупской.

Подумайте, разве все это не есть счастье, которому радоваться да радоваться и благодарить судьбу! Я благодарю судьбу за то, что она отпустила мне труд бесконечно ценный — писательство. Хорошо я пишу или плохо — бывает и то, и другое, увы! — люблю сесть за стол, взять перо...

Я люблю товарищей из нашей писательской среды, ценю и глубоко уважаю их. Сегодня особенно благодарно мне вспоминаются женщины, в первую очередь, естественно, женщины нашего творческого объединения детских и юношеских писателей. Разные. Хочется каждой отдать поклон и улыбнуться.

Александрова Зинаида. Лирик. Это ее запомнившиеся на всю жизнь строки:

Урал, Урал-река...
До красных отрядов,
река, добеги,
Скажи, что любимый
Чапаев погиб.
Пусть конница мчится,
пусть пули свистят,
Пусть красные белым
за все отомстят!
Урал, Урал-река...

Лирика З. Александровой гражданственна и женственна одновременно.

А вот писательница более старшего поколения и совсем иного толка. Прозаик Александра Ареншгейн 40 лет — вдумайтесь: 40! — отдала изучению «Искры». Немало повестей и рассказов об искровцах написано ее трудолюбивым пером.

Историко - революционная тема привлекала и привлекает не одну писательницу. Рядом с прочно, хотя и не так давно вошедшей в литературу Зоей Воскресенской, рядом со своеобычной и темпераментной Ириной Гуро мы встретим Веру Морозову, которая свой дар отдает созданию книг о женщинах-революционерках: Людмила Сталь, Коннордия Самойлова, Клавдичка Кирсанова, Татьяна Людвинская и другие — ее героини.

Книги о труде, если это хорошие книги, встречаются детским читателем с понятным интересом. Превосходные повести о колхозном труде «Внучек Ваня», «Сад под облаками» Любови Воронковой заслуженно удостоены на недавнем конкурсе первой премии.

А возможно ли представить детскую литературу без лауреата Ленинской премии Агнии Барто?

А Елена Благинина, поэт, в творчестве которого органически уживается народность с глубоко интимной лиричностью, поэт талантливого и щедрого сердца!

А вот на моих полках две книги. Одна — торжественная, с великолепными иллюстрациями В. Фаворского «Наша древняя столица» Натальи Кончаловской. Рядом «Дар бесценный» — биографическое, историческое, эстетическое исследование жизни и творчества ее знаменитого деда художника В. Сурикова. Не все знают либретто Натальи Кончаловской для опер и оперетт. Но кто, полюбив, не запомнил славные песни в последних фильмах ее сыновей Кончаловских-Михалковых?!

...Если бы вы были на творческой встрече с нашей старейшей писательницей Аллой Макаровой, вы, наверное, заметили среди других трех старенькых седоволосых женщин в белых блузках с высокими воротничками. Какая-то одухотворенность, интеллигентность, спокойное достоинство манер — это бестужевки, подруги нашей Аллы Макаровой. И представилось: Васильевский остров прошлого века, бегущие на лекции Ольга и Анна Ульяновы, сестры Невзоровы... О многом вспоминалось и говорилось на творческом вечере Аллы Макаровой, чей перевод с английского «Всадника без головы» выдержал 18 изданий, а чудесные книги открытого и переведенного ею индейского писателя Серой Совы почитаются и любятся нашими юными читателями.

Хочется мне назвать верного и одаренного исследователя интернациональной темы Анну Кальма, автора многих книг о негритянских, американских, французских детях и, конечно, русских. Люблю автора популярнейших комсомольских повестей. Агнию Кузнецову, сказочницу Софью Прокофьеву, поэта, прозаика, переводчика Ирину Токмакову...

Почти треть всего коллектива московских детских писателей составляют женщины. Сколько голосов! Вслушайтесь: у каждой свой. Громче или тише, звонче или глуше, но свой. Как обеднела бы детская литература, не звучи в ней эти добрые, трогательные и мужественные женские голоса! Мужественные и отважные, но непременно добрые, ибо нет истинной литературы для детей без нежности и доброты. Повторим за Еленой Благининой:

А мы, не мудрствуя лукаво,
Стоим на страже простоты,
Даря налево и направо
Житейской радости цветы.

Пусть будет в нашей жизни как можно больше счастливых дней!

Эмэ БЭЭКМАН

И ВДРУГ УЛИЦА ОЗАРИЛАСЬ...

МНЕ КАЖЕТСЯ, целый день—слишком большой отрезок времени для того, чтобы можно было сказать: он весь, с восхода до заката, был наполнен счастьем. Если бы мы попытались при помощи слов зафиксировать все передуманное за день, описать картины, возникшие в воображении, потоки ассоциаций и переживаний, о чем говорили или на чем по той или иной причине остановился взор, — то на телеграфной ленте получился бы очень длинный ряд. Кто знает, расстояние между какими отдаленными друг от друга географическими точками можно было бы показать при помощи него. Быть целый день монотонно счастливым — означало бы отключить мозг, подавить все другие эмоции и уединиться в безвоздушном пространстве. Никто никогда не объявлял: тот или иной день да будет в равной степени счастливым для всех близких, друзей, знакомых, для всего мира; в тот или иной день не случится несчастий, землетрясений, наводнений либо прочих катастроф; никто и знать не будет о болезнях, и воцарится всеобщее умиротворение — а поскольку все это попросту невозможно, мы никак не сможем оставаться глухими ко всему окружающему нас и в одиночестве восседать возле собственного счастья.

Я бы скорее поразмышляла о счастливых мгновениях — и поистине беден тот день, на протяжении которого человек где-то между ранним утром и полуночью не уловил, хотя бы единого мига, когда он почувствовал себя легко и радостно. Воздух наполнен счастливыми мгновениями, как летний полдень жужжащими пчелами. Надо иметь желание замечать светлые мгновения, счастье нужно ловить.

Мы привыкли по случаю отмечать: это большое счастье. Я никогда не слышала, чтобы кто-то назвал счастье небольшим. В таком случае просто говорят: повезло. Счастье всегда бывает большим, потому что оно переполняет человека, ощущающего себя счастливым. Это своеобразное психофизическое состояние — подъем, взлет. Причем совершенно безразлично, сколь незначительным казался бы постороннему взгляду повод для ощущения счастья. Как ни странно, причины могут быть в равной степени как исключительно важные, крупные, занесенные в хронику времени, так и очень маленькие, сугубо личные. Иногда достаточно бывает одного-единственного сумеречного мгновения, когда природа отливает перламутром.

Если можно было бы собрать воедино счастливые мгновения всех людей, то выяснилось бы, что любое из этих мгновений — не свое лицо, и это количество, которое не выразить никакими цифрами, решительно не поддается систематизации. В этой хаотичности именно и выражаются величайшая привлекательность счастливых мгновений, их неповторимость. В миг счастья каждый человек становится великим творцом, а его инструментами являются собственные сердце и разум.

Мы — люди торопливого времени. Мы заняты своими собственными проблемами, и в то же время мы принимаем живейшее участие в мировых проблемах. Нередко возникает ощущение, что нам становится непосильно переварить все идущие на нас потоком события. Мы спешим и поэтому не обращаем среди общей суеты достаточного внимания на счастливые мгновения. А может, все же стоило бы каждый вечер мысленно обращаться в день минувший и, кроме прочего, задаваться вопросом: в какова моя нынешняя находка, что мне принесло сегодня ощущение счастья?

Счастливые мгновения отнюдь не остались главным образом в прошлом, как нам порой кажется. В минуты грусти я говорю себе: да, я была счастлива в саду моего детства, где кроны деревьев срастались над головой в зеленеющий свод и яблоки со стуком падали в росную траву. Только ведь для того, чтобы испытать миг счастья, достаточно бывает и чего-гораздо более косвенного, нежели такое классически личное воспоминание. Иной раз следует вдуматься и в такие ставшие тривиальными выражения, как, например: он справился со своей работой, она превозмогла свою беду, им удалось предприятое. Либо: какая интересная мысль! Сколь удачна концепция! Удивительно талантливая книга! Кто-то напрягает волю, превзошел сам себя, поборол что-то — и не только результат содеянного важен, но самим этим усилием рождена и новая ценность — счастливое мгновение.

Однажды я в мрачном настроении шла узкой темной улочкой старого Таллина. Посреди булыжной мостовой, подпрыгивая и пританцовывая, навстречу мне шел один молодой поэт. В руках он держал свою первую книжку. Он просто-напросто излучал свое счастливое мгновение для всех, кто только был готов заметить это. И миг счастья умножился. Вдруг вся улица озарилась им.

ТАЛЛИН

СЛАВНЫЕ ДОЧЕРИ РОДИНЫ

Екатерина Михайлова. 1943 г.

Екатерина Михайлова-Демина. 1974 г.

Нина Марухно. 1943 г.

Нина Марухно и Василий Ботылев. 1968 г.

Лила Миронова. 1943 г. С войны не вернулась.

БЕССМЕРТНОМУ ПОДВИГУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

выполнял ответственное задание командования. Санинструктор Юлия Друнина с пехотным батальоном шла по здешним фронтовым дорогам, здесь она написала одно из первых стихотворений. Украинский писатель, Герой Советского Союза Ю. Збанацкий не раз выходил со своими бойцами из Черниговщины в соседние с ней районы Белоруссии — вот он беседует сейчас с белорусским поэтом Г. Нехаем, который был в его партизанской бригаде разведчиком-радистом...

Глубокий символический смысл был в том, что местом проведения такого всесоюзного совещания писателей и критиков избран город-герой Минск, столица Советской Белоруссии. Огромен вклад, который внес белорусский народ в великое дело победы над гитлеровским фашизмом; современная белорусская литература вписала немало ярких страниц в летопись героической борьбы советских людей в годы Великой Отечественной войны.

— Мы собрались на земле орденоносной Белоруссии, мощным форпостом которой высятся бессмертные стены Брестской крепости, — сказал, открывая совещание, секретарь правления Союза писателей СССР В. Озеров. — На земле, которая на протяжении всей мрачной ночи гитлеровской оккупации огнем горела под ногами захватчиков. На земле, где с таким размахом и мастерством была осуществлена знаменитая победоносная операция «Багратион». На земле, где каждый четвертый заплатил своей жизнью за победу. От имени писательских делегаций всех республик страны разрешите выразить чувство нашего глубочайшего уважения к белорусскому народу, героически участвовавшему в разгроме фашизма.

Мы искренне благодарны Центральному Комитету Компартии Белоруссии, правительству республики, Союзу писателей БССР за приглашение провести наше совещание в городе-герое Минске.

Программа писательского форума не ограничилась рамками совещания, она была насыщена многочисленными встречами с читателями, с теми, кто сражался на войне и кто сегодня трудится во имя мира.

В первый день гости знакомились с белорусской столицей, побывали в районах новой застройки, посетили Дом-музей Первого съезда РСДРП, осмотрели священные реликвии Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. Незабываемое впечатление произвела на писателей, участников совещания, поездка к мемориалу «Хатынь» и кургану Славы.

В Центральном Комитете Компартии Белоруссии состоялась встреча кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПБ товарища П. М. Машерова с руководителями Союза писателей СССР и писательских организаций ряда республик. В ходе товарищеской беседы речь шла о достижениях белорусского народа в экономическом и социально-культурном строительстве, о перспективах развития республики в едином народнохозяйственном комплексе страны. Большое внимание было уделено вопросам литературы, идеологической работы в массах, проблемам воспитательной роли социалистического соревнования, научно-технического прогресса в свете требований, вытекающих из решений партии. На встрече присутствовали секретарь ЦК КПБ А. Т. Кузьмин и заведующий отделом культуры ЦК КПБ С. В. Марцелев.

Делегация писателей побывала на площади имени В. И. Ленина и возложила цветы к памятнику великому вождю. На площади Победы литераторы возложили венок к памятнику-обелиску воинам Советской Армии и партизанам Белоруссии, погибшим в боях за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков.

В середине дня состоялась пресс-конференция для корреспондентов центральных и республиканских газет, радио и телевидения, на которой выступили секретарь правления СП СССР В. Озеров и первый заместитель председателя правления СП Белоруссии И. Шамякин. На вопросы представителей прессы отвечали С. С. Смирнов, А. Чаковский, С. Баруздин, В. Карпов, Заки Нури, Ю. Суровцев, Н. Лесючевский.

Первый день завершился просмотром нового двухсерийного фильма белорусских кинематографистов «Пламя», посвященного патриотическому подвигу партизан в годы Великой Отечественной войны, и большим концертом, в котором участвовали лучшие мастера искусств Белоруссии.

Совещание открылось 27 февраля в помещении Государственного Большого театра оперы и балета БССР. Общественность столицы республики проявила большой интерес к писательскому форуму. В переполненном зале театра можно было встретить ветеранов войны, представителей минских предприятий и учебных заведений, воинов Советской Армии, деятелей культуры и науки.

Писатели — участники совещания у кургана Славы

Фото В. КРОХИНА

В президиуме — кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров и другие руководители республики, секретари правления СП СССР, видные писатели и критики, литераторы, удостоенные за ратные подвиги в годы войны высокого звания Героя Советского Союза.

П. М. Машеров выступил перед собравшимися с большой и содержательной речью.

Подчеркнув большое общественно - политическое значение настоящего писательского совещания, П. М. Машеров отметил, что за минувшие тридцать лет в нашей стране, в том числе и в Белоруссии, много сделано, чтобы сохранить для потомков, запечатлеть в исторических трудах, в произведениях литературы и искусства, в памяти всенародной беспримерный подвиг созидателей и защитников нового мира, рожденного Великим Октябрем.

По мощи, богатству и глубине материала эта тема практически неисчерпаема. И интерес к ней тем больше, чем дальше уходят от нас годы военного лихолетья. Подвиг народа в период Великой Отечественной войны, все, что было сделано партией Ленина, советскими людьми во имя победы над фашизмом, имеет непреходящее, неоценимое значение.

Далее оратор говорит о той высочайшей мере партийной, гражданской ответственности тех, кто пишет о войне, работает над этой неизменно волнующей темой, и тех, кто непосредственно занят практической деятельностью по патриотическому, интернациональному, идейно-нравственному воспитанию трудящихся. В плане политическом, идейно-нравственном, гуманистическом нет обязанности более благородной и высокой, чем обязанность донести сквозь десятилетия и века, бережно передавая от сердца к сердцу, от поколения к поколению, эстафету мужества и героизма, идейной стойкости, преданности Родине, партии, коммунизму — все то, что с такой впечатляющей силой было проявлено нашими людьми в годы Великой Отечественной войны.

Подробно остановился П. М. Машеров на огромном значении творческого осмысливания исторических уроков минувшей войны, с тем чтобы через призму пережитого, достигнутого по-новому, более масштабно, с учетом накопленного и отстоявшегося научно-исторического, литературно-художественного материала воссоздать во всем величии панораму народного героизма, руководящую и организующую роль Коммунистической партии.

С докладом «Основные тенденции советской литературы о Великой Отечественной войне» выступил руководитель кафедры теории литературы Академии общественных наук при ЦК КПСС профессор Л. Якименко. К тенденциям, проявившимся в военно-патриотической литературе последних лет, докладчик отнес стремление писателей к масштабному, панорамному изображению событий войны и в то же время все возрастающее пристальное внимание к исследованию нравственной, духовной жизни советского человека, объясняющей его поступки, линию поведения, раскрывающей истоки подвига. Докладчик подробно охарактеризовал этапы становления и развития советской многонациональной литературы о войне, составившей в целом героический эпос Великой Отечественной войны.

После доклада развернулась творческая дискуссия, в которой приняли участие А. Чаковский, П. Панченко (Минск), С. Баруздин, заместитель начальника политуправления краснознаменного Белорусского военного округа генерал-майор авиации Ф. Клецкин, Ю. Збанацкий (Киев), Л. Каюмов (Ташкент), Н. Грибачев, П. Науменко (Минск), Заки Нури (Казань), А. Караганов, М. Каноат (Душанбе), В. Быков (Гродно), А. Шарипов (Алма-Ата), К. Симонов, С. Ханзадян (Ереван), Д. Кугультинов (Элиста), Л. Гинзбург, А. Софронов, Н. Пашкевич (Минск), А. Абрамов (Воронеж), Ю. Ванаг (Рига), студентка Белорусского государственного университета имени В. И. Ленина Галина Пакислюк.

В Театре оперы и балета под председательством И. Шамякина состоялся большой вечер литератур народов СССР. В этой волнующей перекличке участвовало более тридцати поэтов-фронтовиков из многих братских республик. На вечере в исполнении белорусских актеров прозвучали и стихи поэтов, погибших в борьбе с фашистскими захватчиками.

После первых двух дней совещания его участники, разбившись на четыре группы, выехали по местам боевой и трудовой славы — в Минскую, Брестскую, Витебскую и Могилевскую области.

***

Много интересного увидели участники совещания на минской земле. В субботу во главе с А. Кулаковским, Л. Новиченко и Л. Якименко они побывали в Борисовском районе, встречались с ветеранами войны и труда, возложили венки к подножиям памятников героям сражений, встречались с читателями в городской библиотеке, в Доме культуры и клубах. Большое впечатление произвело на гостей посещение стеклозавода имени Ф. Э. Дзержинского, Музея народной славы, созданного учителями и учащимися Иконской школы, колхоза «Маяк коммунизма». Неподалеку от озера Палик, в партизанском лесу у костра, своими воспоминаниями о ратных днях поделился Герой Советского Союза, бывший секретарь Минского подпольного обкома партии Р. Н. Мачульский.

В воскресенье группа писателей и критиков, возглавляемая Ю. Верченко и И. Шамякиным, направилась в северо-западные районы области. В деревне Вязынка — на родине народного поэта Белоруссии Янки Купалы — они осмотрели филиал литературного музея, в Радошковичах остановились возле исторического места, где совершил свой легендарный подвиг Герой Советского Союза Н. Гастелло, в Молодечно встретились с учащимися и преподавателями производственно-технического и музыкального училищ, с рабочими мебельного объединения. Надолго в памяти писателей останутся сердечные беседы с тружениками колхоза «Светлый путь» Молодечненского района и с рабочими совхоза «Любань» Вилейского района.

Могилевчане любят литературу, и день пребывания писателей в городе был насыщен встречами и выступлениями. Руководили группой русский писатель, Герой Советского Союза В. Емельяненко и белорусский писатель Н. Ткачев. Состоялась волнующая встреча литераторов с химиками крупнейшего в Европе комбината синтетического волокна имени В. И. Ленина. В тот же день писатели побывали на рубежах героической обороны города Могилева в июле 1941 года, в областном краеведческом музее. В Доме политического просвещения состоялся большой литературный вечер.

На другой день писатели отправились в Ленино, где посетили музей боевого содружества Советской Армии и Народного Войска Польского. В битве против фашистов под Ленино в октябре 1943 года плечом к плечу сражались советские и польские воины. О силе дружбы и пролетарского интернационализма говорили писатели, возлагая цветы на могилу павших героев.

В городе Горки, в старейшем высшем учебном заведении — Белорусской ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственной академии — писатели выступали перед преподавателями и студентами.

Витебщина... На этой земле погиб каждый третий, в иных районах — каждый второй. И как вечная память о трагическом и героическом прошлом стоят средь белорусских лесов и полей, в городах и деревнях высеченные из гранита обелиски. Сюда, в партизанский край, прибыла группа писателей, возглавляемая С. Баруздиным и А. Осипенко, для встречи с рабочими и колхозниками, ветеранами войны Лепельского и Ушачского районов. Гости побывали в древнем Полоцке, индустриальном Новополоцке и в колхозах, посетили мемориал Лепельско-Ушачского прорыва, курган Бессмертия, где возложили венки на могилу павших защитников Родины.

Во Дворце нефтяников Новополоцка и Витебском драматическом театре состоялись литературные встречи.

Большая писательская бригада, руководимая С. С. Смирновым и секретарем правления СП Белоруссии А. Гречаниковым, совершила поездку в Брестскую область, побывала в легендарной крепости над Бугом. Посещение мемориального комплекса совпало со знаменательным для нашей молодежи днем 1 марта, когда по всей стране начался обмен комсомольских билетов. На камнях цитадели, у Вечного огня, рядом с монументом, олицетворяющим бессмертный подвиг защитников Бреста, вручались новые билеты 20 лучшим комсомольцам — передовым рабочим домостроительного комбината, первыми в городе-герое получившим такое высокое право. Вручали комсомольские билеты писатель С. С. Смирнов и майор П. Котельников — один из участников брестской эпопеи.

Таких торжественных, волнующих, глубоко символических эпизодов было немало во время двухдневной поездки писателей по республике.

***

В понедельник, 3 марта, в Минске состоялось заключительное заседание всесоюзного совещания, на котором выступили С. С. Смирнов, А. Розен (Ленинград), Ю. Суровцев, П. Кручёнюк (Кишинев), А. Овчаренко, знатный токарь, Герой Социалистического Труда Д. Червяков, Е. Воробьев, М. Алексеев, Р. Джапаридзе (Тбилиси), В. Оскоцкий, Т. Ахтанов (Алма-Ата). Завершил творческую дискуссию председатель правления СП Белоруссии Максим Танк.

Приветствие участников совещания Центральному Комитету КПСС зачитала Герой Советского Союза писательница Наталья Кравцова.

В заключительной речи секретарь правления СП СССР В. Озеров подчеркнул важное значение прошедшей творческой дискуссии, приуроченной к 30-летию Великой Победы, отметил торжественную и деловитую атмосферу, в которой проходило всесоюзное совещание.

Писатели всех братских республик — участники совещания — встретились с коллективами тракторного, автомобильного и других заводов Минска, побывали в вузах, выступили перед воинами Советской Армии.

Подробный отчет о работе совещания в Минске будет опубликован в одном из ближайших номеров «ЛГ».

К. ГРИГОРЬЕВ,
Т. ЗОЛОТУХИНА,
В. ПОНОМАРЕВ,
А. ЯХОНТОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»
МИНСК

Георгий Георгиевич РАДОВ

Советская литература понесла тяжелую утрату. На шестидесятом году жизни скончался Георгий Георгиевич Радов.

Известный прозаик, публицист, специальный корреспондент центральных газет, автор многих популярных книг, рассказов и очерков, среди которых сборники «На улице Казачьей», «У трех дорог», «Кого люблю...».

Свою трудовую деятельность Г. Радов начал 17-летним юношей в газете «Красное знамя» города Краснодара, работал в редакциях районных газет, а в 1936 г. был послан в Ленинградский институт журналистики, который окончил экстерном в 1939 г. Затем Г. Радов работал в областной газете «Курская правда» литературным сотрудником, заведующим отделом, ответственным секретарем, заместителем главного редактора.

Несколько лет Г. Радов работал на заводе — был токарем, мастером участка, начальником инструментального цеха. В те годы он опубликовал в журнале «Огонек» рассказы «Петр Егорыч» и «Четыре строчки», высоко оцененные литературной критикой.

Творческая работа Г. Радова опиралась на богатый жизненный опыт, на встречи с людьми самых разных профессий, на великолепное знание сельского быта.

Как публицист он с принципиальных позиций систематически выступал по самым важным проблемам современности. Его очерки и статьи, напечатанные в «Правде», «Литературной газете», «Комсомольской правде», в литературно-художественных журналах, всегда вызывали горячий отклик читателей.

В течение последних лет Г. Радов активно сотрудничал на Центральном телевидении, вел популярный цикл на сельские темы «Рассказы о хозяевах». По его сценарию и с его активным участием снят трехсерийный телефильм «Сердце, открытое людям».

Г. Радов вел большую общественную работу, активно участвовал в жизни Союза писателей. Он являлся членом правления Московской писательской организации, председателем Совета по очерку и публицистике Союза писателей РСФСР, заместителем председателя Бюро творческого объединения прозаиков, был членом редакционных коллегий ряда газет и журналов.

Большой вклад Георгия Радова в развитие советской литературы и журналистики высоко оценен партией и правительством. Он награжден орденом Красной Звезды.

Многообразная творческая жизнь этого прекрасного человека и талантливого писателя, очеркиста, публициста навсегда останется в нашей памяти, являя собой пример подлинного служения Родине и народу.

Секретариат правления Союза писателей СССР, секретариат правления Союза писателей РСФСР, секретариат правления Московской писательской организации

■

С тем, что умер Георгий Радов, очень трудно примириться. Не только потому, что ушел из жизни большой и мужественный человек и даровитый, а расцвете сил писатель, но еще и потому, что уж нам-то очень крепко именно этот человек сидел в самой гуще жизни, а гуще ее проблем, интересов, трудностей.

Многие из тех важных, острых, современных вопросов, о которых мы думаем, над которыми мы бьемся, связаны в нашем представлении с повседневной публицистической деятельностью Радова, с его вмешательством в эти вопросы на страницах печати, с его страстным упорным и, добавлю действенным желанием поддержать доброе, честное, смелое, осудить злое, обветшалое, лживое и своекорыстное.

Как-то даже не верится, что ушел из жизни человек, который пока дышал — дышал жизнью страны, ее самыми кровными интересами. Жил среди людей, которых хорошо знал, которые его хорошо знали и которым его будет не хватать.

В данном случае я говорю не о круге литературных товарищей, хотя у Радова есть много друзей в литературе и он по праву пользуется в кругу литераторов глубоким уважением. Но круг тех людей, которым будет не хватать его, — куда шире. Это его друзья — председатели колхозов и агрономы, бригадиры и механизаторы. Это люди, вместе с которыми он год за годом своим талантливым пером боролся за урожай, за передовые порядки в нашем сельском хозяйстве.

Этим людям, друзьям и читателям Радова, будет не хватать его. Это действительно так, и в этом, быть может, самая высшая оценка того мужественного труда, которым он не покладая рук занимался до того самого дня, когда ушел из жизни.

Константин СИМОНОВ

■

Георгий Радов принадлежал к тому типу литератора, для которого современность является основой и пафосом творчества — писал ли он рассказы, очерки, публицистические или литературно-критические статьи.

В последние годы я неоднократно бывал с Георгием Георгиевичем в поездках по городам и весям нашей страны — в Краснодарском крае, Курской, Белгородской областях... Мы беседовали с самыми разными людьми — партийными работниками, руководителями сельскохозяйственного производства, с рабочими совхозов, колхозниками. Причем многие беседы предварялись рассказами Радова о его предыдущих встречах с этими людьми, и я каждый раз поражался, как точны его характеристики, какая у него цепкая память, как глубоко он знал всех, с кем его сводила судьба. Впрочем, «сводила» — не то слово. Радов был человеком целеустремленным, и его влекло к людям, близким ему по духу, — деятельным, энергичным, крупным.

В этих поездках я не раз убеждался также в том, что и сам писатель надолго оставался в памяти людей — даже если последняя встреча была несколько лет назад, его приветствовали как человека, что называется, своего. Он жил их, тружеников земли, заботами, делил с ними их радости и их горести. С особой убедительностью и яркостью это отразилось в последней большой работе писателя — «Председательском корпусе», которая, думаю, по завершении стала бы его главной книгой.

Радов был писателем, не только хорошо знавшим село, но и смотревшим на его дальнейшее развитие с точки зрения индустриального труда. Можно смело сказать, что своим творчеством он активно участвовал в обновлении советской деревни. Его книги и впредь будут служить этому большому и важному делу.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ПАНОРАМА «ЛГ»

ВЕЧЕРА

Стихи и песни Евгения Долматовского

В субботу, 1 марта, в Колонном зале Дома союзов состоялся творческий вечер поэта Евгения Долматовского.

Вечер начался фрагментом из торжественной оратории «Солдаты Октября защищают мир» — «Гвардейцы в Берлине», который исполнил дважды Краснознаменный ансамбль песни и пляски Советской Армии под управлением народного артиста СССР В. Александрова. Это произведение поэт Е. Долматовский и композитор Б. Александров посвятили Советским Вооруженным Силам.

Затем прозвучали песни, написанные Е. Долматовским вместе с композиторами Д. Шостаковичем, В. Соловьевым-Седым, Д. Кабалевским, М. Блантером, В. Мурадели, М. Фрадкиным, Н. Богословским, А. Пахмутовой и другими в разные годы, а дни войны и мира.

В большой праздничной программе были исполнены и новые песни, впервые прозвучавшие со сцены Колонного зала.

В вечере приняли участие Эстрадно-симфонический оркестр под управлением Ю. Силантьева, детский хор Центрального телевидения и Всесоюзного радио, певцы А. Абдалова, М. Кристалинская, Г. Ненашева, И. Кобзон, Л. Лещенко, В. Чемоданов.

Е. Долматовский прочитал свои стихи.

Товарищ комиссар

Товарищ комиссар! Огромным смыслом, высоким назначением наполнила эти слова Революция, вместе с которой они родились. Комиссар — символ ленинской правды, доблести и стойкости коммуниста, боевого духа партии. Именно таким мы знаем его по «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского, роману Дм. Фурманова «Чапаев»...

— И хотя в дни Великой Отечественной войны по-разному называлась эта должность, — сказал К. Симонов, открывая в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева вечер, посвященный политработникам Советской Армии, — мы всегда политработника называли «товарищ комиссар», потому что это понятие олицетворяет мужество, политическую зоркость, неколебимую большевистскую веру.

Выступившие на вечере Ю. Друнина, Е. Воробьев, Е. Долматовский, Р. Кармен, М. Лисянский, М. Максимов, М. Алексеев, Б. Окуджава, В. Рудный, В. Слуцкий, М. Соболь поделились воспоминаниями о своих встречах, совместной работе с политработниками, прочитали отрывки из книг, стихи...

И вдохновенным гимном «товарищу комиссару» прозвучали строки известного стихотворения А. Межирова:

Повсеместно.
Где сирещены трассы
свинца,
Где труда бескорыстного
невпроворот
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца:
— Коммунисты, вперед!
Коммунисты, вперед!

Автору «Бронепоезда 14-69»

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный 80-летию со дня рождения замечательного советского писателя Всеволода Иванова.

Председательствовал С. С. Смирнов.

На вечере выступили В. Каверин, Л. Славин, Б. Ахмадулина, Д. Самойлов, В. Инионов.

НАШ СОВЕТ...

Творчество молодых

Творческая молодежь, ее дела, заботы, думы — об этом шел разговор на объединенном пленуме ЦК ЛКСМ Узбекистана и правлений союзов писателей, композиторов, художников, кинематографистов, архитекторов, журналистов, театрального общества Узбекистана.

Доклад сделал первый секретарь ЦК ЛКСМ Узбекистана З. Гафуржанов.

В прениях приняли участие заместитель министра культуры Узбекистана Р. Назарова, первый заместитель председателя президиума СП Узбекистана Н. Нарзуллаев, редактор газеты «Узбекистон маданияти» Л. Каюмов, поэты З. Вахидов, Э. Ахунова и другие.

На пленуме выступил секретарь ЦК Компартии Узбекистана А. У. Салимов.

(Наш корр.)

ТАШКЕНТ

Карачаево-Черкесия — на берегах Невы

Ленинградцы, пережившие блокаду, помнят, как в первые месяцы Великой Отечественной войны была организована срочная эвакуация детей из города. Часть маленьких ленинградцев попала на Северный Кавказ. Многие горские семьи взяли детей в свои дома.

Этот волнующий и трогательный эпизод истории вспомнился во время открытия в Ленинграде Дней литературы Карачаево-Черкесии. Дни эти — один из праздников советской литературы, каких много бывает в течение каждого года. И на каждом из них, естественно, приходят на память новые и новые примеры тесных братских связей самых различных районов нашей многонациональной страны.

В гости к ленинградцам приехали Х. Байрамуков, М. Батчаев, Л. Бекизова, К. Дугужиев, С. Кашеев, Ц. Кохова, К. Кумратова, В. Тхайцухов, А. Кубанов. От писательской организации города их приветствовал первый секретарь правления Г. Холопов. С карачаевского, адыгейского, абазинского, ногайского языков свои переводы прочитали Л. Барбас, С. Ботвинник, Г. Семенов.

Состоялись встречи гостей с читателями в цехах объединения «Светлана», на Металлическом заводе, в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

(Наш корр.)

ЛЕНИНГРАД

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

«Сакунджо» — «Гантиади» — «Нобати»

Семье грузинских литературно-художественных журналов и альманахов пополнилась новыми изданиями. Наш корреспондент попросил главных редакторов рассказать об особенностях и задачах этих изданий.

К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ («Сакунджо»): «Первые же номера нашего альманаха завоевали признание у широкого читателя. Это не удивительно, поскольку на его страницах печатаются лучшие произведения современной грузинской и многонациональной советской литературы, мировой классики. Издание подобного рода на только расширяет круг чтения и поднимает уровень критики, но прежде всего служит делу интернационального воспитания трудящихся».

Г. ПАИДЖИКИДЗЕ («Гантиади»): «Издание альманаха большого объема с периодичностью раз в два месяца в городе многовековых культурных традиций, втором индустриальном центре Грузии — Кутаиси, является значительным событием. Однако это издание ни в коей мере не будет носить «местный» характер. Так, уже в первом номере наряду с кутаисскими авторами мы напечатали новые произведения И. Абашидзе, К. Лордкипанидзе, Р. Маргиани и других. Надеемся, что «Гантиади» послужит стимулом для дальнейшей активизации литературной жизни нашего древнего города и всей республики».

Д. ЧАРКВИАНИ («Нобати»): «Наше издание — приложение к журналу «Цискари». Младший брат молодежного журнала должен стать творческой лабораторией, мастерской, где будут расти и набираться опыта начинающие прозаики, поэты, критики. Они получают «площадку» для своих литературных поисков вместе со старшими коллегами. Мы будем публиковать произведения, идейный и художественный уровень которых высок. К молодым требования предъявляются по самому большому счету».

Э. ЕЛИГУЛАШВИЛИ

ПРЕМИИ

Имени Леси Украинки

Лауреатом республиканской литературной премии имени Леси Украинки, присуждаемой ежегодно в день рождения поэтессы за лучшие произведения для детей, стал Ю. Збанацкий.

Премией отмечены его новый роман «Кунуют нунуши», посвященный жизни молодежи, а также книги «Тайна Соколиного бора», «Лесная красавица», «Баллада о знамени» и другие повести и рассказы.

(Наш корр.)

КИЕВ

Имени Шота Руставели

Присуждены Государственные премии Грузинской ССР имени Шота Руставели 1975 года. Высокой награды удостоены прозаик Н. Думбадзе за роман «Белые флаги» и рассказы последних двух лет, поэт Ш. Нишнианидзе за стихи, вошедшие в сборник «Эпическое эхо», и серию «Грузинские писатели на заводе пятилетки». За книгу для детей «С радостью иду из Арсиани» премию получил И. Кецховели. За высокохудожественные переводы на русский язык поэмы «Витязь в тигровой шкуре», а также лучших образцов грузинской классической и советской поэзии премия имени Шота Руставели посмертно присуждена И. Заболоцкому.

(Наш корр.)

ТБИЛИСИ

Имени Ю. Смуула и Ф. Тугласа

Ежегодной литературной премии имени Юхана Смуула удостоены Юло Туулик за повесть «В военное лихолетье», Ли Сеппель за сборник стихов «Огни горят костра», Энн Ветемаа за пьесу «Святая Сузанна, или школа мастеров», Холгер Пукк за повесть для юношества «Что вы знаете об Оскаре?», Юло Тонс за монографию о Рудольфе Сирге, а также Отто Самма за перевод на эстонский язык произведений И. Карамзина «Бедная Лиза» и «Наталья, боярская дочь», В. Вересаева «Записки врача» и Л. Леонова «Вор».

Премией отмечен также сделанный Я. Жигурсом перевод на латышский язык романа «Я любил немцу» А. Таммсааре и эстонских новелл.

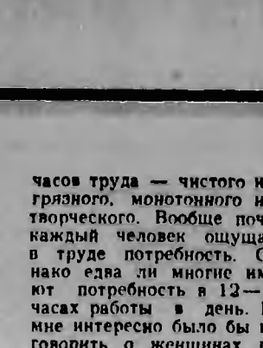
Лауреатами премии имени Ф. Тугласа стали Уно Лахт (за рассказ «Мы мастаки во всем мире») и Мате Траат (за рассказ «Кофейные зерна»).

(Наш корр.)

ТАЛЛИН

ДИАЛОГ

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ГАРМОНИИ

ЖЕНЩИНА — МАТЬ, ЖЕНА, ТРУЖЕНИЦА... ЖЕНЩИНА В ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЕ... НА ЭТУ ТЕМУ БЕСЕДУЮТ ПИСАТЕЛЬНИЦА И СОЦИОЛОГ

Майя ГАНИНА —

Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Майя Анатольевна! Писатели и социологи занимаются, как мне кажется, одним делом — изучают человека. При этом мы сталкиваемся с одними и теми же жизненными проблемами. Насколько я могу судить, *писатели обычно* раньше замечают эти проблемы и острее чувствуют.

Нынешний год — Международный год женщины. «Женский» вопрос — один из острейших в современном мире. Поэтому и год особый объявлен. Мир стремительно меняется, меняется и положение женщины в обществе, возникают многие трудности, противоречия. В разных социальных условиях «женские» проблемы и стоят, и решаются по-разному. Мы можем гордиться достижениями советского общества и в решении женского вопроса. Наш вариант его решения — полное равенство между мужчинами и женщинами на основе труда в общественном производстве — находит теперь широчайшее признание в мире. Как известно, женщины заняты в нашем обществе столь же полно, как и мужчины, и занимают в производстве в целом не менее высокое положение. Достаточно сказать, что из каждых пяти дипломированных специалистов трое — женщины. А среди учителей, например, женщин — подавляющее большинство. Разумеется, говоря о равенстве полов, мы имеем в виду равенство социальное и экономическое, а отнюдь не то, что женщины должны обязательно заниматься теми же видами труда, что и мужчины (а так, кстати, понимают этот вопрос некоторые деятели феминистского движения на Западе). Однако нам, социологам, да, наверно, и писателям, интересно не общеизвестное, а именно проблемы, то есть еще не решенные задачи, где есть конфликты и противоречия...

М. ГАНИНА. Мне тоже, Виктор Иванович, кажется, что ситуация, где ясно все и известно, не предмет исследования для литературы. Когда нет проблем и конфликтов, не о чем писать.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. В последние годы в нашей литературе было много интересного о женщинах. Всего, разумеется, и не перечислишь. Назову лишь несколько книг, где женщины, являясь главными героинями, показаны наиболее всесторонне — и в плане общественном, и в плане личном. Я имею в виду «Пелагею» и «Альку» Ф. Абрамова, «Южноамериканский вариант» С. Залыгина, «Неделю как неделю» Н. Баранской... И у вас, Майя Анатольевна, припоминаю интереснейший тип новой интеллектуальной женщины — Агриппина из «Золотого одиночества». Вера Сергеевна из «Созвездия Близнецов». Давайте начнем с типичной городской женщины, излюбленного героя многих наших писателей. Насколько я знаю, героини, скажем, Н. Баранской или С. Залыгина очень затронули читателей, особенно читательниц. С повестью Н. Баранской с социологической точки зрения все просто. Там, говоря на нашем научном жаргоне, проблема совмещения традиционных ролей женщины (матери, жены, хозяйки) с новыми — производственными и общественными. В этом конкретном случае совмещение было довольно-таки болезненным...

М. ГАНИНА. И, однако, посади героиню Баранской дома, чтобы она занималась только детьми и хозяйством, ее через год, а то и раньше, уже потянет обратно на работу. Ведь теперь редко какая женщина соглашается сидеть дома, даже не «интеллектуалки», как у Баранской, а самые простые женщины все-таки работают. Имеет значение, безусловно, материальная сторона вопроса, но и не только она. Женщина неработающая *практически* замыкается на своей семье и двух-трех знакомых. Как в деревне исчезла «улица», так в больших городах исчез «двор», общение. Ведь зачастую соседей по площадке не знаешь. Так что женщина идет на работу еще и за контактами, за тем, чтобы придерживаться современного уровня, если можно так выразиться. Информация о моде в одежде, о том, на какие спектакли ходят, какие книги читают, — все это имеет работающая женщина и не имеет неработающая. Заметьте — работающая женщина всегда выглядит моложе неработающей, хотя вроде бы должно быть наоборот.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Согласен. Однако социологи совсем ведь и не ставят вопроса о «возвращении в семью», о возвращении на кухню, как почему-то думают некоторые эмоциональные читательницы. Речь идет о поисках путей рационального сочетания старых и новых ролей. Прекрасно, что все женщины работают, но совсем не прекрасно, что многим приходится трудиться по 13—14 часов в день: 8 — на работе и 5—6 — дома...

М. ГАНИНА. Верно. Но я сначала — все-таки о работе. Именно там, в общественных отношениях, женщина, так сказать, «раскрепощена», разговаривает с коллегой-мужчиной на равных, и нелепо представить, что мужчина-конструктор сказал бы конструктору-женщине: «Уважаемая, я займусь работой, а ты почини карандаши, сбегай за ватманом и подклей порванные синьки». Они получают равную зарплату, равно образованны, и никому в голову такое не придет. Дома, однако, приходит. Муж и жена работают в одном отделе, в одной должности, а приходя домой, жена из продуктов, которые она же купила в обеденный перерыв, готовит обед, потом стирает, занимается детьми и т. д. Что в это время делает муж, проследить трудно. В конце концов жене это надоедает, и отсюда разводы. Думаю, что у вас есть цифры.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Цифры есть, они много раз печатались, в той же «Литературной газете» например. Когда количество разводов на 100 браков за четверть столетия поднимается с 3 до 27, когда каждая десятая молодая семья существует не более года, когда разведенные стараются не вступать в новый брак, — есть о чем подумать и социологам, и писателям. Кстати, писатели многое тут показали и разъяснили. Я, например, очень высоко ставлю и в художественном, и особенно в познавательном отношении роман С. Залыгина «Южноамериканский вариант». В этом романе типичные женщины большого современного города, типичные деятельницы научно-технической революции, «разные варианты одной и той же судьбы», как говорит писатель. Ирина Викторовна Мансурова пытается найти оптимальное сочетание трудовых и других функций женщины, не удовлетворена своей женской судьбой, мечтает о большой любви как выходе из этой неудовлетворенности. Хочет избавиться от жизни «под мутором и тягостным грузом... банальности». Ее попытка не удается, ей помогают «спасательные круги дел». В этом романе меня особенно привлекает «вариантный» подход к жизни, так созвучный стилю мышления научного работника. Судя по дискуссии сразу после выхода романа, суть его многими не была понята, роман этот, на мой взгляд, сильно недооценен.

Да, труд в общественном производстве стал для женщины потребностью. Но порой происходит подмена одного понятия другим. Одно дело — труд сам по себе как социальное и нравственное понятие. И другое — труд конкретный. Восемь часов труда — чистого или грязного, монотонного или творческого. Вообще почти каждый человек ощущает в труде потребность. Однако едва ли многие имеют потребность в 12—14 часах работы в день. Но мне интересно было бы поговорить о женщинах, находящих удовольствие в своей работе. Таких, как Залыгинская Ирина Викторовна. Тем более, что героиня такого типа, мне кажется, и ваша излюбленная героиня. Да и в мировой литературе, кажется, это очень распространенный тип. Вот недавно я прочитал повесть Ингеборг Бахман «Три дороги к озеру» — там тоже интеллектуальная героиня, увлеченная своим делом.

Ваши героини — Агриппина из «Золотого одиночества», Вера Сергеевна из «Созвездия Близнецов» — того же типа. Насколько можно судить по данным и науки, и литературы, у многих героинь этого типа не получается полноценного, органического сочетания работы с другими сторонами жизни. Они не гармоничны. У них в одном хорошо, в другом плохо, или наоборот.

М. ГАНИНА. Меня действительно интересуют в последние несколько лет (*я почти только о них и пишу*) так называемые «деловые» женщины, то есть женщины, одержимые своей «предназначенностью», своим талантом. Интересуют, во-первых, тем, что женщина такого типа — чистое порождение двадцатого века. Раньше одержимость, страстная увлеченность своим делом были качествами, присущими только мужчине. У женщин одержимость проявлялась в *любви, в семейной сфере*. Сейчас появилось много женщин, весь темперамент и ум которых направлены на то дело, которое они избрали. Я даже не сказала бы, что это привилегия женщин-гуманитариев. Я знаю женщину — прораба и главного диспетчера строительства, уборщицу в цирке (я о них, кстати, тоже писала), директора института ревматизма и директора института красоты. Ну и актрис, конечно, искусствоведов, журналисток, биологов... Это женщины талантливые и потому одержимые.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. А на меня как читателя некоторые «одержимые» женщины производят впечатление очень односторонних, внутренне негармоничных людей, которые в работе часто ищут «замещения» неудачам в другом. Происходит то, что у социальных психологов называется сублимацией. С. Залыгин, насколько я помню, говорит о «спасательных кругах дел», с помощью которых Ирина Викторовна выходила из трудностей любви.

М. ГАНИНА. Одержимый человек не может объять все. Я не считаю, что это односторонность. Возьмите мужчину, поглощенного своим делом, ученого или писателя. Для обеспечения гармонии в его семье есть жена. Но никакой мужчина не согласится играть, так сказать, роль жены при деловой женщине ради этой самой пресловутой гармонии. Ну, а поскольку человек не может быть в двух ипостасях — и мужем, и женой, то и происходит некий крен в одну сторону. Так что тут дело не в ущербности этих женщин, не в том, что они «сухари» и «синие чулки», а в смене нагрузок, в том, что психология человеческая, личное отношение к новым явлениям жизни гораздо позже «перековываются», смиряются с этими явлениями. Кстати сказать, это не только наша проблема, это проблема мирового порядка. Вы упоминали повесть австрийской писательницы Ингеборг Бахман. Героиня ее — женщина-фоторепортер, которую посылают на поля сражений гораздо охотней, чем мужчин-фоторепортеров, во-первых, потому, что она талантлива, а во-вторых, потому, что, как утверждает ее начальник, «она не струсит». Это тоже одержимая своей работой, своим делом женщина, и она тоже однобока.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Мы мечтаем о том, чтобы человек был гармоничен, всесторонне развит. Может быть, героини современной литературы — это переходный этап, когда они еще не могут быть всесторонними? И ваша Вера Сергеевна, и героиня Бахман — ведь они, в конечном счете, все-таки страдают оттого, что другая сторона — семья, любовь — не очень удалась. У Бахман повесть чем заканчивается? Она встречает в конце жизни человека, который, оказывается, ее всю жизнь любил. Насколько я понимаю, это ее потрясает. У нее было немало возлюбленных. Но разве она удовлетворена? До последнего момента она «отгоняет» неудовлетворенность, заглушает ее работой.

М. ГАНИНА. Поскольку прошло не очень много времени с момента нашего «раскрепощения», в любой женщине живы «атавистические пережитки». Любая женщина, безусловно, желает любви, наверное, мечтает о детях, о семье, но когда она получит семью, получит любовь, получит *детей, возможно*, она опять рванется к своему делу. Что в ней сильнее — ее талант, ее призвание или ее женское естество? Дело в этом. Нельзя объять все. Повторяю, человек не может быть в двух ипостасях, или, если этот человек, эта женщина «всего понемножку» — она уже не талант, там, где «тепленько», уже нет страсти. В литературе и в жизни много примеров тому, когда с детства «многосторонне одаренный», играющий на скрипке и рисующий картины, пишущий стихи и к тому же «душа общества» в результате оказывался пустоцветом. Ну, а в глазах окружающих он, вероятно, гармонически развитая личность. А талантливый человек, как правило, всегда односторонен, всегда сосредоточен на своем и потому в периоды особой занятости работой бывает раздражительным, необщительным. Вспомните Толстого. Это не особенно удобно для окружающих. Впрочем, мужчине, особенно если у него уже есть имя, это прощается, образ нелюдима-ученого, рассеянного и резкого, сделался почти штампом. И представьте, что этот нелюдим-ученый — ваша жена.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Пожалуй, это именно штамп. У меня нет впечатления, что научные работники более резки, чем другие люди. А рассеянность — обратная сторона углубленности. К сожалению, женщине трудно бывает сосредоточиться — муж, дети, магазины, кухня. Чем выше «уровень», тем меньше доля женщин; среди академиков их совсем мало. Пожалуй, научная работа больше многого другого способствует гармоничному развитию. Но и целом тут то же, что и у мужчин. Некоторые героини такого рода, скажем, та же самая залыгинская Ирина Викторовна, вызывают массу упреков в неженственности, в излишней активности. Мне это не совсем понятно. Мы, *общество*, в течение нескольких десятков лет боролись за раскрепощение женщины, чтобы она могла достигнуть в жизни всего того, чего достиг мужчина, чтобы от равенства формального прийти к равенству подлинному. И вдруг Ирину Викторовну упрекают за то, что она взяла на себя инициативу в любовных делах. Но равенство *общее*, чему же здесь удивляться, что здесь плохого?

М. ГАНИНА. Я думаю, это происходит от традиционного взгляда, что женщина должна быть слабой и нежной. Маркс говорил, что в женщине ценит слабость, в мужчине — силу. Я, между нами, также придерживаюсь мнения, что женщина в отношениях лирических должна быть слабой, активность не ее дело. В то же время и с вами я согласна: коли во всем равенство, то и здесь должно быть так же. Пушкин написал около ста пятидесяти лет назад о Татьяне, которая была активной женщиной. Залыгин лишь продолжил традицию.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Может быть, нынешняя интеллектуальная героиня — это какое-то переходное состояние. Мне лично кажется — сейчас я вижу много таких женщин, — что Залыгин написал строго реалистическое произведение, отразившее *некоторые* черты нашего времени. Но это лишь одна сторона дела. Другая — социально-психологическая, то есть опять-таки близкая литераторам. К сожалению, мы не можем сказать, что нынешние юноши так уж прониклись духом равенства и готовы делить со своими подругами и будущими женами бытовые тяготы «на равных». Почему-то все-таки молодые мужья часто думают, что жены должны их обслуживать. Это тяжелый и цепкий пережиток. Думаю, что в недалеком будущем, когда невест станет много меньше, чем женихов, с ним легче будет бороться. В советских условиях нет социально-классовых препятствий совершенствованию образа жизни. Остатки бытового неравенства будут преодолены. Но тут, кстати, очень велика роль самих женщин. Ведь это они не только рожают, но и воспитывают мужчин.

Мы начали с советской модели решения «женского вопроса», который, конечно, является вопросом социальным. Этот путь был успешным, хотя были и есть определенные трудности. Без этого и быть не может. Нельзя представить развитие без противоречий. Нужно только находить оптимальные пути выхода из этих противоречий. По поводу советской модели решения «женского вопроса» на Западе говорят немало критического. Но там, где пытались его решить другим образом — женщина за пределами производства, — сейчас приходят к выводу, что на этом пути решения нет. И француженки, и англичанки, и норвежки — все рвутся на производство. Даже те, кто имеет квартиры, дачи, машины.

Нашим женщинам остро завидуют многие женщины капиталистических стран (США, ФРГ, Норвегии и др.), которые ведут борьбу за равноправие в труде. В последние десятилетия в развитых капиталистических странах отчетливо определилась тенденция вовлечения женщин в общественное хозяйство, в труд по найму. Вот некоторые цифры. В США в 1950 году женщины составляли 29 процентов экономически активного населения, а в 1970 году — уже 37 процентов. В Англии в 1920 году работала лишь одна из 10 замужних женщин, а в 1970 году — каждая третья. В Японии в возрасте от 20 до 40 лет работают 60 процентов женщин, не имеющих детей, и около 50 процентов — имеющих детей. Можно сказать, что во многих случаях женщины прямо-таки рвутся на работу, а в требованиях, выдвигаемых деятельницами женского движения, равноправие в области труда обычно занимает ведущее место.

В этом плане интересен публиковавшийся у нас роман Клер Эчерли «Элина, или Настоящая жизнь». И здесь труд имеет не только экономическую ценность. В «личном», которое, разумеется, имеет громадное значение для человека, явно чего-то не хватает, каких-то духовных «белков», каких-то «витаминов».

М. ГАНИНА. Видимо, не хватает ощущения собственного удельного веса в круговращении жизни. Однако, повторяю, все объять невозможно, чем-то волей-неволей приходится поступаться. Либо служение делу, таланту, либо так называемое личное счастье.

В. ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ. Не слишком ли вы категоричны, Майя Анатольевна? Хотя сегодня нередко бывает именно так, как представляется вам, можно привести множество иных примеров. А главное — человеком движет стремление к гармонии. В напряженном драматизме женских судеб, которые открывает нам литература, — жажда гармонии. И совершенствование общественных, социальных условий нашей жизни направлено к этому — к гармоническому развитию личности.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Т. В. ИВАНОВОЙ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по художественному переводу направили Тамаре Владимировне Ивановой приветствие, в котором говорится:

«Дорогая Тамара Владимировна! Шлем Вам сердечные поздравления и приветствия по случаю Вашего юбилея. За годы творческой деятельности Вы многое сделали в области перевода французской прозы — классической и современной. Произведения Эмиля Золя, Ромена Роллана, Виктора Гюго, наших современников Эльзы Триоле, Луи Арагона, Жоржа Сименона и других писателей Франции переведены Вами на русский язык с большим вниманием и индивидуальному своеобразию авторов и национальному колориту подлинника. Мы признательны Вам за бережливое сохранение и опубликование большого литературного наследия Всеволода Иванова, Вашего мужа и друга. От души желаем Вам крепкого здоровья и новых успехов в творческой работе!»

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ШКОЛА СОТВОРЧЕСТВА

Содержание книги Лидии Гинзбург «О лирике», вышедшей недавно вторым, дополненным изданием (тогда как первое ее издание 1964 года успело уже стать библиографической редкостью), многопланово и многоплановно.

С одной стороны, эту книгу нельзя не воспринять как энциклопедическое исследование русской лирики за целый век, в ее внутренних тенденциях, противоречиях, закономерностях, в ее исторической динамике — от «гармонической точности» Батюшкова и Жуковского до разветвленной и напряженной ассоциативности поэтов первых десятилетий XX века (последняя в новом издании книги глава так и названа — «Поэтика ассоциаций»). Энциклопедия эта, однако, приобретает характер движущийся и открытый: Л. Гинзбург отчетливо продемонстрировала сам принцип бесконечной наращиваемости поэтических достижений, показала, как увеличивающийся культурный арсенал поэзии соединяется с усиливающимся ее стремлением войти в более непосредственные, прямые отношения с действительностью.

Таким образом, это именно энциклопедия проблем и тенденций, имеющих живой, актуальный смысл. Каждый из поэтов присутствует здесь не «монографически», но преимущественно в особом, ключевом для его творчества аспекте. И даже в том случае, когда творчество некоторых крупных поэтов в книге специально не рассматривается, ощущение пробела не возникает, так как самое существенное в их новаторстве, в их направлении дается глубоко и точно. Русская лирика предстает в ее системной целостности. И быть может, благодаря этому, с другой стороны, книга Л. Гинзбург в значительной мере отвечает на вопрос: что же такое вообще лирика как неповторимый способ творческого освоения жизни?

Тут и раскрывается главное достоинство, неизменно присущее литературоведческим работам Л. Гинзбург. Ее энциклопедия проблем лишена сухого теоретизирования. В строгом научном труде, с ясным логическим планом и четкими выводами, воссоздается как бы самый момент творческого открытия, качественного сдвига.

Нам осязаемо открывается, как у Боратынского традиционная поэтическая схема «лишь брезжит сквозь дерзновенные смысловые сочетания»; как индивидуализирует Тютчев историческое событие или интеллектуальную концепцию, вырабатывая органически живые формы философской лирики, исполняя то, что не удалось поэтам-любомудрам; как, наконец, «прозаизм» вовлекается Пушкиным в сферу поэзии, в сферу красоты: «И звонко под его блистающим копытом звенит промерзлый дол и трескается лед».

Авторский анализ, кажется, едва касается поэтического текста. А между тем и строгие поэтические размышления Боратынского, и философские символы Тютчева, и великолепные зрелые стихотворения позднего Пушкина — все это возникает, рождается, строится на наших глазах — не только усилием их творцов, но словно бы самим непредсказуемым ходом жизни.

«Романтизм 30-х годов задыхался от собственной грандиозности — он был преисполнен грандиозными темами, грандиозными характерами, страстями, словами. И ни для кого не было тайной, что это только слова.

Но вот совершается литературное чудо. Поэтика 30-х годов приносит удивительный плод... Поэтический мир начинающего Лермонтова проникнут единством и подлинностью, в которой нельзя обмануться. Подлинностью любви, вражды, страданий, раздумий. Большие слова на этот раз равны своему предмету — молодой героической душе человека».

Какой же ценой происходит это возвращение нам «чуда»?

Точность, глубина, многогранность научного анализа, несомненно, остаются здесь основой. Но высший взлет достигается силой особого творческого воображения и творческого напряжения. Это и позволяет Л. Гинзбург быть «на равных» со своим «предметом» — лирическими созданиями и их создателями и всей той сложной системой взаимоотношений, которая складывается между ними. Подход ее к изучаемой сфере собственно писательский, что означает, конечно, не «беллетризацию» повествования (стиль Л. Гинзбург «классичен», чужд внешних эффектов), но особый метод проникновения в сущность явления с сохранением его жизненной полноты. Так продолжается традиция литературоведения, которое есть в то же время и литература.

«О лирике», как и другие хорошо известные читателю книги Л. Гинзбург («Былое и думы» Герцена», «О психологической прозе»), — особый род чтения: медленного, может быть, порой трудного, но увлекательного и духовно насыщающего. Это оттого, что написанное Л. Гинзбург обладает несомненным этическим, подлинно гуманистическим потенциалом и адресовано не только нашей способности воспринимать, наблюдать, анализировать, но и способности к духовному сотворчеству.

М. БОЙКО

Лидия Гинзбург. «О лирике». Издание второе, дополненное. «Советский писатель», Л. 1974.

ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЩИНА

ПРИДУМАНО ИЛИ ПРОДУМАНО?

Ольга ГААДЫШЕВА

ВСТУПИЛО в возраст зрелости целое поколение, чье детство совпало с тяжелой порой войны. Появились писатели, для которых впечатления военного детства легли в основу их книг.

При кажущейся легкости и общедоступности темы детства (ведь оно было у каждого, и каждое детство по-своему интересно) успех обращения писателя к истокам жизни во многом зависит от того, какими художественными принципами он руководствуется при этом, умеет ли частную судьбу соотнести с всеобщностью. Первичность этического и эстетического восприятия жизни, свойственная раннему возрасту души, позволяет, говоря о детстве, поднимать острые проблемы морали, размышлять о таких серьезных категориях, как долг, честь, достоинство, справедливость...

В стране детства (на какое бы сложное время оно ни приходилось) первенствуют очень важные ценности: крайняя непосредственность восприятия, всепоглощающая страсть игры, инстинктивная доброта и чистота душевных движений. «...Сколько в прошлом оставил я и потерял драгоценных способностей, из которых чего стоила одна только игра в горелки, когда мчишься во весь дух за девочкой с единственной целью тронуть ее пальчиком и крикнуть: горим!»

Читая эти строки, записанные в дневнике почти восьмидесятилетним Пришвиным, начинаешь понимать, как справедлива природа, каждого наделившая прекрасной жизненной порой — детством, когда тебе принадлежит вся красота мира и его безбрежность, когда идет незримая важнейшая работа — закладывается фундамент личности, фундамент ее сознания и принципов. От того, зерна иль плевелы заронены в это время в душу ребенка, во многом зависит, взрастет ли эта душа плодоносящим полем или сделается угрюмой пустыней.

Но тема детства, к которой охотно прибегают начинающие прозаики в силу внутренней уверенности, что им есть что сказать о волнующей связи времен в каждом человеке, удивительно быстро, с коварным простодушием обнаруживает слабые места художественной системы и просчеты авторской мысли.

В статье «Тупики вторичности» («Литературная газета», № 49, 1974) В. Сахаров определяет литературщину главным образом как подражание кумиру. Термин «литературщина» все-таки слишком категоричен, императивен. Примененный к какому-либо произведению, он самим смыслом своим исключает его из ряда литературы (и дело тут вовсе не в художественной форме, не в стилизации). Применить этот термин по отношению к книгам дебютантов, о которых в основном пойдет речь в данной статье, более опасно и жестоко. Но, к сожалению (надо согласиться с В. Сахаровым), литературщина — то «заболевание», которого порой не могут избегнуть и самые талантливые из начинающих. Поэтому прямо сказать о его симптомах, если таковые имеются, необходимо и при самом доброжелательном отношении.

Литературная адаптация имеет самые разнообразные источники и русла. Чем она обусловливается: недостаточностью дарования или издержками писательской техники, идейный ли это «недобор» или естественный начальный этап творческого развития — вопрос сложный и особый. Но как ее проявления взаимосвязаны с неверной или недооформившейся авторской мыслью, можно проследить на попытке молодых писателей обратиться к теме детства.

В повести Федора Боровского «Бунт в королевстве» (Восточно-Сибирское книжное издательство, Иркутск, 1973) читаем: «Чуть дрогнула под первым шагом земля, мерно заколыхались ровные ряды затылков, в такт с затылками закачался вдоль строя частокол рук, словно маятники, отмеривающие ритм, — вперед — назад, вперед — назад, и ноги, будто связанные, будто управляемые одним рычагом, поднимались и ударяли оземь, поднимались, ударяли... — бедра, колени, стопы, бедра, колени, стопы...

— Р-раз-два! Р-раз-два! Р-раз-два!

Все дальше и дальше, я — ушли.

Я остался один. Ни мысли, ни чувства не шевельнулись в моей душе. Ни гнева, ни боли, ни отчаяния... Ничего».

Вырванная из контекста, сцена эта может показаться происходящей где-то в лагере, в какой-то жестоко муштрованной армии. Трудно поверить, что это дети, отколотив шестилетнего сверстника, спокойно построились и промаршировали играть в войну. Несколько раньше: «Я добежал от него. Король скоро догнал меня. От сильного удара по шее я полетел в снег, а Король принялся пинать меня ногами. Я пытался встать, но он снова валил меня и снова пинал».

Полиция? Каратель? Бандит? Да нет, просто дурной мальчик с литературным именем Ленька Король, только не великодушный Король, как у Булата Окуджавы, в скверный, несправедливый, и подданные его еще сквернее: «Поднялся я с трудом. Я был здорово избит, все тело у меня болело, ссадины горели на лице, а из разбитого носа капала на куртку кровь. И никто мне не посочувствовал и не помог. Ребята стояли молчаливой толпой и смотрели, пока я собирал лыжи и палки. Они расступились, пропуская меня, но ни одного слова я от них не услышал».

Юрий Нагибин говорил, что жестокость не нужна даже на войне. И, играя в войну, дети руководствуются не ею. Их привлекают мужество, сила, ловкость, чувство товарищества, отсюда разведчики или неувядающие казаки-разбойники. Мимоходом Ф. Боровский замечает: «Были, конечно, папанинцы и челюскинцы, были Серые Волки и Иваны-царевичи(?)», но главное — война. Даже не белых с красными — просто война (действие происходит в сороковом году), и ребята разыгрывают сцену... расстрела. Дети в повести кусаются, визжат, хрипят от ярости, спускают друг с друга шкуру, дают по шее, по уху, дубасят кулаками до потери сознания, лишаются от бешенства дара речи — увы, другими чувствами автор их не наделил. Писатель поучает: «Ничего нет на свете страшнее тишины... В тишине человека посещают ужасные мысли. Однажды явившись, они уже не исчезнут без следа. Загнанные в подсознание, они могут на долгие годы, а то и на всю жизнь определить ваше поведение, а значит, и судьбу. Бойтесь мыслей, пришедших в тишине. Бойтесь, говорю я вам...»

Рааае? Надобно бояться в самом деле? А почему, собственно?

Нагнетая ужасы в «королевстве», рассказывая, как колошматили в детстве маленького Федю, что объективно проповедует повесть Ф. Боровского? «Зубами грызи, кровью умойся, но на своем поставь», — поучает отец пострадавшего Федю. Подробно изображается, как Федя нечаянно раздавил желтопузика, «сломал ему хребет. Беспомощно дрыгнув несколько раз хвостом, он повис в моей руке безжизненной тряпкой». Побежденный наконец-то Король метался в яме, как «загнанная крыса». Очевидно, смысловая заданность, а не только «прежним» в изображении жестокости извращают идею произведения, лишая его одухотворенности.

Горьки обиды детства. Но во имя чего с таким сладострастием живописуются они в книге, которая, как утверждает ее аннотация, «прежде всего философской произведение»? И ведь у Феди, в сущности, та же самая «философия», что и у конфликтующих с ним ребят: «Держись, Король! Руками, ногами, зубами... Я превратил бы в синюю подушку твою ненавистную рожу, синяками закрылись бы твои белые глаза, прах и пепел усыпал бы твои волосы, твои руки и ноги отнялись бы от страха и боли, ты пополз бы от меня, ты скулил бы и плакал, вымаливая пощаду, но не было бы тебе пощады!» Это уже что-то и не детское. Для этого, что ли, душа Феди, «храпя и раздувая гриву, неслась... по вольным калмыцким степям»? (Хотя действие происходит в Грузии.)

Не высокую победу торжествует Федя, взбунтовавшийся под властью Короля, но личное свое отмщение — «зубами, коленями, кровью». Это ради него Федя «собирался втереться в доверие к ребятам постарше и, опираясь на их поддержку, посчитаться с Королем».

Вспомним Пришвина. О каких утраченных с детством способностях пожалеет выросший герой Ф. Боровского?

Литературные реминисценции никому не заказаны. Если Ф. Боровский откровенно обыгрывает песню Б. Окуджавы, то Н. Ливнев в повести «Десятый круг» (издательство «Современник», Москва, 1973) идет вслед за... Данте. В «Божественной комедии» изображено, как известно, девять кругов ада. Н. Ливнев изобразил «Десятый круг». Автор смело пошел на столь рискованное литературное сопоставление, справедливо полагая, что ужасы последней войны вполне могли бы составить десятый круг. Однако молодой автор не чувствует той грани, за которой трагизм переходит в фарс.

«Десятый круг» — тоже своего рода «завещание», полученное героем. Память его детства — тоже война. «Отец... я почти не знаю его». От него только письма. «Поеду искать его там, — однажды сказала мать, придя в военной форме. И тоже канула». Что сказала мать, память сохранила (не потому ли, что это требуется сюжету?!), а чувств детских не запомнилось, и оттого холодны у Н. Ливнева дороги возврата: «Отец... Мать... Язык мой отвык от этих слов, забыл их. Даже в душе все давным-давно отмерло. Угнетает ли это меня? Не знаю». Так что же искать в памяти? К чему печально никнуть душой? Умозрительность и скороговорка вместо размышления? Может быть, просто литературная спешка, когда писатель сам не взволнован, но должен расставить вехи обстоятельств, тогда как течение мысли, подобно реке, стремит его дальше, к яркой находке, ради которой и начата повесть. И вот уже появляется живущий на берегу Байкала Савватеич, старик с картинным именем, картинно, как старый пират, повязанный косынкой (чтоб голова не болела от старой раны). Но герой прибыл сюда, в девственные места, не просто так: во-первых, Савватеич ему все равно, что отец, а во-вторых, ощущается некоторый (временный, конечно) душевный кризис, который преодолевается обычно близостью к природе.

Так вступает в права книжность и насмешливой гримасой искажает отражение жизни.

Сидя посреди байкальского пустынного первородства, герой читает Савватеичу подлинник «Божественной комедии». Латыни чтец не знает, но это ему не мешает: «постепенно, натянутые меж белоголовыми колоннами полей, — запев, зарокотали струны строк... И я, прозрев, пошел стопами Данте...». О, как легки придуманные прозрения! Как несложно, оказывается, идти «стопами Данте» — здесь возвышенность чувств и слов сама ведет, не хуже Вергилия: «Сколько, пройдя все круги Ада, миновав Чистилище, я добирался к сияющим вершинам Рая — не знаю». Но... книга Данте, изданная в Венеции в 1477 году, была переплетена в человеческую кожу, в кожу Кехи, друга Савватеича, сидевшего с ним в концлагере. И пламя костра, изображенного на обложке, когда-то пылало в татуировке на груди Кехи.

Впрочем, жуткие видения разрешаются самым прозаическим образом: прибыла из соседней деревни жена Савватеича — «переполненная свадебными впечатлениями, баба Дуня насколько облегчила мою участь». Савватеич же, поплакав, решил не хоронить Кеху, то есть, собственно, его кожу, обтягивающую книгу, а подарить все как есть своему приемному сыну, потому что Савватеичу «некому передать свою фамилию... а хочется иметь наследника, если не по крови, так хоть по духу, и завещать ему все, чем владеет». Мысль о том, нравственно ли это, видимо, ни у автора, ни у Савватеича сомнений не вызывает.

Правда, Савватеич не сразу в силах расстаться с кожей Кехи и потому говорит: «Тока вдругорядь, а?».

Нравственная бестактность, бесцеремонность легко появляются там, где нет выношенной, пристрастной мысли, где трагическое предстает как неловкая выдумка. И нельзя согласиться с предисловием, где говорится, что «художническая верность действительности — главная характерность дарования Ливнева, чувствующего живую плоть и образную весомость слова». Нельзя уже потому, что творчество Ливнева откровенно напитано «озоном книг».

Память детства и память войны полярны по внутреннему смыслу, но разве не показательно, что человек, истинно знающий цену военной жестокости, ищет ее преодоление не в раскапывании жутких подробностей, но в том гуманистическом, что способно обновить и вылечить душу, истерзанную адом.

Детство, полное счастья, замыкается само на себя, оно собой занято и удовлетворено, жизнь взрослых вне его круга, она до поры не вызывает интереса. Но военное детство характерно ранней соприкосновенностью взрослого и детского миров. Должно быть, закономерно, что в обездоленную детскими радостями память так остро-зримо врезаются образы взрослых. Запечатлеваются потом на всю жизнь. Мы возвращаемся к ним снова и снова, переосмысляем их, они исполняются для нас нового глубокого значения.

В рассказах о детстве Евгения Борисова (книга «Теплые звезды», издательство «Московский рабочий», 1973) главное — доброе соучастие людей. Вот учитель рисования — для его уроков как неохота было отрываться от футбола, когда не существовало «достоинств человеческих выше, чем одно-единственное: умение играть в футбол». Но этот учитель в длиннополом пальто, всегда кашляющий от папиросы, «пробежал важатым вместе с моей рукой карандашом по бумаге» — и ожил мир, перенесенный на бумагу. И сколько будет потом мучений, чтобы оживал он снова и снова, но нет уже привычного запаха табака и черного поношенного пальто, и нет рядом легкой руки учителя (рассказ «Будем пробовать акварель»).

Чувство странной, тревожной незавершенности возникает иногда в мире, оттого что в нем неизвестно куда делась заброшенная войной маленькая девочка Райка — первая «невеста», для которой мальчишка таскал пряники из буфета и которую жаждал поразить, одарить щедро всей необыкновенностью мира (рассказ «Райка — Генкина невеста»).

Мир был бы беднее и суровее, если б не жила в нем добрая Егоровна, приютившая эвакуированных, пригревшая их скудным теплом деревенской избы и обратившая на них тепло своей души, тоскующей о сыне-фронтовике (рассказ «Самые теплые звезды»).

Глубоко гуманистическая идея рассказов Е. Борисова уберегает их от слезливости и мелодраматизма, даже когда речь идет о тяжелых явлениях жизни.

Так, не впадая в риторизм, быть может, будет все-таки справедливее числить «литературщину» не по «ведомству» изобразительных форм, но как результат поверхностной и скороспелой авторской мысли — и в этом видеть ее отмежевание от литературы.

САРАТОВ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Е. С. РОМАНОВИЧУ — 70 ЛЕТ

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по белорусской литературе направили Евгению Степановичу Романовичу приветственную телеграмму:

«Горячо поздравляем Вас, одного из старейших белорусских драматургов и театральных деятелей, заслуженного артиста БССР, с семидесятилетием со дня рождения. Мы знаем и ценим Вас как автора произведений о белорусском театре и его видных актерах. Большой вклад внесли Вы в развитие белорусской драматургии, создав пьесы «Мост», «Полащуки», «Товарищ Андрей», а также либретто опер «В пущах Полесья», «Девушка с Полесья» совместно с П. Бровкой.

Желаем Вам доброго здоровья, счастья, новых творческих успехов».

Б. М. ЗУБАВИНУ — 60 ЛЕТ

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу направили юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, Борис Михайлович, с днем 60-летия. Многие Ваши повести и рассказы хорошо известны советским читателям.

Вы пришли в литературу, имея за плечами опыт Великой Отечественной войны. Высокий гуманизм советских людей в годы войны нашел свое отражение в таких Ваших книгах, как «Было приказано выстоять», «Командир батареи», «Опаленные зори» и другие.

Ваш глубоко человечный талант раскрывает высокие душевные качества современника, утверждает непреходящие моральные ценности социализма. Особо хотелось бы отметить мастерство новеллиста, позволившее Вам внести свой заметный вклад в развитие этого жанра.

Добрых слов заслуживает Ваша многолетняя переводческая деятельность. Свидетельством постоянной сопричастности делу взаимообогащения и творческого обогащения братских литератур служат выполненные Вами переводы произведений украинской и узбекской прозы.

Много сил Вы отдали воспитанию молодых литературных сил, будучи редактором альманаха, а затем и журнала «Наш современник».

Желаем Вам доброго здоровья, счастья и творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

Я. И. ЛАНКУТИСУ — 50 ЛЕТ

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по литовской литературе и Совет по критике и литературоведению направили Ионасу Ионовичу Ланкутису приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского критика и литературоведа, с пятидесятилетием со дня рождения.

Более четверти века посвятили Вы исследованию литовской литературы. Анализируя тенденции и закономерности ее развития, Вы рассматриваете произведения литовских писателей в широком контексте многонациональной советской литературы. Ваши монографии о творчестве В. Миколайтиса-Путинаса и З. Межелайтиса, фундаментальные исследования в области литовской драматургии, а также Ваша книга о развитии социалистического реализма в литовской литературе и другие последовательно отстаивают принципы партийности и народности нашего искусства. Недавно увидевшая свет книга «Развитие литовской драматургии» — Ваш новый ценный вклад в литовское литературоведение.

Желаем Вам, талантливому ученому, боевому и принципиальному критику, дальнейших успехов в работе, новых свершений».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

НОВЫЕ РУБЕЖИ

ПИСАТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТАТАРИИ И БАШКИРИИ ПОДВОДЯТ ИТОГИ ЛИТЕРАТУРНОГО ГОДА

На днях в Казани и Уфе состоялось обсуждение итогов минувшего литературного года.

КАЗАНЬ. Собранию открыл председатель правления СП Татарии Г. Ахунов. С докладами выступили: по прозе — М. Магдеев, по поэзии — Г. Рахим, по драматургии — Ю. Аминов, по критике — Ф. Миннуллин, по детской литературе — Ш. Мансудова, по творчеству русских писателей Татарии — М. Зарипов, по переводам — Т. Нурмухаметов. В обсуждении участвовали Т. Миннуллин, Ф. Хусни, Ш. Рамиров, А. Гилязов, М. Шабаев, Р. Тухватуллин, Ф. Мусин, А. Малинов, Л. Ихсанова, Р. Мингалимов и другие.

И работе собрания приняли участие председатель Президиума Верховного Совета ТАССР С. Г. Батыев, заведующий отделом культуры Татарского обкома КПСС М. М. Мусин.

УФА. Собрание открыл вступительным словом председатель правления СП Башкирии А. Мирзагитов. Доклады сделали: по прозе — А. Вахитов, по поэзии — Р. Вильдан, по творчеству молодых и начинающих писателей — Г. Амири. В прениях выступили Г. Хусаинов, Р. Низамов, И. Мусин, С. Сафуанов, А. Игебаев и другие.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей заметки наших специальных корреспондентов о собраниях в Казани и Уфе.

ОБРАЗ времени. Как создается он художником? Безусловно, прежде всего вследствие глубокого постижения им насущных проблем эпохи. Чем сложнее и масштабнее задача, которую ставит перед собой автор, тем значительнее должны быть его познания в области социальных и нравственно-философских проблем времени, тем больше требуется от него усилий в преодолении сопротивления эмпирического материала, в преобразовании стихии фактов в стройную, гармоничную систему образов. Так говорил в своем докладе о татарской прозе М. Магдеев.

Эта высокая мера требовательности включает в себя и такой важный критерий, о котором писал Мустай Карим: «Башкирская литература молода, она развивается и берет новые и новые рубежи... Сейчас нельзя нам судить о себе отдельно от уровня общесоюзной литературы. Когда культура одного народа была малодоступна другому, можно было судить о своих достижениях изолированно. А сейчас такое положение невозможно» («Вопросы литературы», № 8, 1974).

Сказанное Мустаем Каримом в отношении башкирской литературы имеет характер общей тенденции. Взаимовлияние и взаимообогащение определяют сегодня динамику всей советской многонациональной литературы. Точнее оценить свои удачи и недостатки, найти наиболее действенные, новаторские средства художественного освоения действительности, как настойчиво подчеркивалось на собраниях в Казани и Уфе, возможно лишь в том случае, когда развитие каждой литературы будет рассматриваться в контексте общесоюзного литературного процесса. Отсюда широкое обращение докладчиков и выступавших к опыту писателей других республик. Параллели, сравнения, сопоставления помогли участникам обсуждения нагляднее представить значимость того или иного произведения, найти верный тон в его оценке. Особая требовательность в этом смысле была предъявлена к качеству произведений, опубликованных за последний год.

Масштабность и творческая смелость нераздельны. Но масштабность не есть синоним внешней всеохватности. Татарский прозаик Г. Ахунов, например, в повести «Ардуан батыр», посвященной теме преемственности революционных традиций рабочего класса, достигает широты и насыщенности изображения не за счет развертывания грандиозной панорамы событий. Нет, пространство и время действия в повести строго ограничены, биография героя взята лишь на крутом повороте его судьбы. Автор не украшает неприхотливый, часто неустроенный быт. В этом нет необходимости. Но мир, в котором живут и действуют такие люди, как коммунист Мирсаид Ардуанов, главный герой повести, прекрасен. Не потому, что они по воле автора не замечают или не хотят видеть противоречий реальной жизни. Как раз напротив. В жажде творчества, которую эти люди испытывают, ничего нет от наивно-бодрячески оптимизма. Они сознательно идут на лишения, не отворачиваясь от сложностей времени. Радость свободного труда, ощущение слитности своих усилий с могучей поступью всей страны — вот что делает их счастливыми. Раскрывая страницу героики труда первых пятилеток, писатель дает нам острее почувствовать связь времен, увидеть в Магнитке, Днепрогэсе, Березниках прообразы КамАЗа, БАМа и других великих строек второй половины XX века.

Много и обстоятельно говорили участники обоих обсуждений о диалектике традиций и новаторства, привлекая для этого разговора произведения из других литератур. В частности, когда речь зашла об общесоюзных литературных традициях, назывались книги М. Шолохова, Г. Маркова, И. Мележа, Ч. Айтматова, Ю. Бондарева, О. Гончара, В. Быкова и др. Из многих суждений по этому вопросу особо выделилась такая мысль: новаторство не в том, чтобы намеренно отрицать ради отрицания тот или иной классический образец, традицию вообще, но смелость настоящего художника предполагает, конечно, и известную полемику с тем, что грозит превратиться в схему.

С чем, в частности, вступает в спор башкирский писатель Ф. Исангулов, автор трилогии о периоде революции и гражданской войны? С тенденцией изображать «поток жизни» вне человека, который в крайнем случае лишь «обслуживает» замысел, демонстрируя при этом недосягаемость, идеальность той или другой черты характера героя. Писатель спорит со штампом. Он рисует революционеров не полуроскетами, добровольно отказавшимися, например, от права на личную жизнь, на любовь. Это отнюдь не помешало масштабности произведения: народ в лице своих героев познает собственные силы.

Характер времени, судьбы людей на крутом переломе истории — в центре внимания Г. Баширова (Татария) и З. Бишевой (Башкирия). При этом оба писателя не чураются бытового плана, ибо как раз здесь они находят веские психологические подтверждения главной мысли своих произведений — о неотвратимости грандиозных событий революции.

Показательно в этом смысле и обращение драматургов к историко-революционной теме. В частности, речь идет о творчестве башкирского писателя А. Мирзагитова, чье внимание к проблемам современности, казалось, поглощает все его интересы. Но для художника, исследующего день сегодняшний, становится однажды крайне важным как бы по-новому взглянуть на перспективу революционного развития действительности, обратившись к истокам героических дел народа, прошедшего сложный и многотрудный путь в истории. Так родилась драма А. Мирзагитова «Бахтигарей», где писатель обращается к самому напряженному моменту становления Башкирской республики.

И что в высшей степени важно, интерес к истории в лучших произведениях татарских и башкирских писателей сопровождается сознательным стремлением найти точки «соприкосновения» прошлого и настоящего, обогатить современников революционным опытом предшествующих поколений.

Казалось бы, чем дальше мы отходим от событий прошлого, тем в более романтическом ореоле должны представать факты и фигуры героев, совершивших невиданный в истории подвиг. Но возмужание литературы еще в том, очевидно, и проявляется, что писатели все больше тяготеют к точному, часто документальному воспроизведению событий, к раскрытию подлинной человеческой сущности характеров эпохи, не ограничивая себя рамками плоской иллюстративности, внешне броской, но лишенной живой плоти плакатности образов. Об этом, в частности, говорят опубликованные в последние годы романы о прошлом Г. Баширова, Ш. Маншура, Г. Абсалямова, А. Расиха, Н. Фаттаха, З. Бишевой, Ф. Исангулова, Я. Хамматова и др. Прочным подспорьем для новых произведений писателей Башкирии и Татарии послужили как опора на лучшие традиции своей литературы, так, может быть, еще в большей степени овладение опытом известных мастеров многонациональной советской литературы, чьи книги составляют сегодня обширную библиотеку исторического и историко-революционного романа.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ реализм открывает неограниченные возможности для художнического исследования самых сложных философских, социальных, нравственных проблем современности, дает широкий простор многообразию стилей и жанров, подчеркнул докладчик по прозе А. Вахитов (Уфа).

Новые произведения татарских писателей Ш. Бикчурина, А. Гилязова, Э. Касымова, М. Магдеева, М. Рафикова, Ф. Яруллина, Т. Миннуллина, А. Баянова, а также А. Атнабаева, Р. Сафина, Н. Мусина из Башкирии — весомое подтверждение этой мысли. В прозе и драматургии мы нередко видим своеобразный синтез сугубо бытового и романтического, легенды и документа, и все это подчинено задаче более полно и достоверно показать жизненные явления, выявить глубинные истоки и смысл конфликтов, ярче выписать характеры.

Повесть Мустая Карима «Долгое-долгое детство» автобиографична и в строгом смысле не посвящена теме сегодняшнего дня. Однако перо мастера точно нацелено на важнейшие социальные и нравственные проблемы современности. Главная тема этого своеобразного произведения — духовное возмужание целого поколения, его бесценный опыт, его зрелые мысли о жизни, о земле, на которой мы живем, о народе, который стойко перенес грозные бури эпохи...

Обращение поэтов к другим жанрам не ново. Вслед за Мустаем Каримом и другими в самые последние годы Н. Юзеев (Татария) и Р. Сафин (Башкирия) начали активно работать в драматургии. Чем объяснить это явление? Может быть, в поэзии накопились элементы драмы, которые пока не поддаются воплощению стихотворными средствами? Или поэт уходит в другой жанр, чтобы затем в новом качестве вернуться к лирике? Но важно, что и названные писатели, и многие другие, обращаясь в своих пьесах к актуальным проблемам современности, ищут наиболее емкие формы для выражения пафоса наших дней.

Чувство современности особенно сильно в татарской литературе, где в последние годы появились такие заметные произведения, как «Дарю тебе жизнь» Д. Валеева, «Твердая порода» Ш. Бикчурина, поэмы С. Хакима, Р. Файзуллина, М. Шабаева, книги очерков о КамАЗе и др.

В романе Шамиля Бикчурина «Твердая порода», вышедшем в 1974 году и в Москве, в издательстве «Современник», жизненно воплощена тема интернациональной дружбы народов нашей Родины. Татары, русские, украинцы, армяне, казахи — все они оказываются спаянными в ту «твердую породу», из которой и создается рабочий коллектив многонациональной бригады буровиков-нефтяников. Выразительность языка, свежесть образов, сочный юмор отлично воссозданы в талантливом переводе Владимира Чивилихина.

Бесспорно, соприкосновение с горячим материалом жизни, требуя от писателя оперативности, таит в себе и опасность поверхностной скорописи. Вот почему разговор о качестве литературы на современные темы принял на итогах литературного года принципиальный, бескомпромиссный характер. Особую озабоченность выразили участники обсуждения о состоянии детской литературы: пишется много, но ярких, оригинальных книг очень мало. Говоря же о некоторых произведениях «взрослой» татарской прозы, М. Магдеев подверг острой критике факты схематизма и мелкотемья. Если Х. Хайруллин, автор романа «Быстрина», посвященного важной теме рабочей молодежи, потерпел неудачу потому, что не сумел встать над материалом, не совладал с формой, то А. Рахимова, автора повести «Моя Таскира», подвел очевидный расчет на легкий успех, который якобы сулит изображение интимной жизни героев.

А вот другая беда, заявившая о себе в романе «Голубой шатер» опытного башкирского прозаика Ш. Янбаева. Основательно изучив жизненный материал, наметив важные конфликтные узлы, автор не сумел построить стройный сюжет и скрепить повествование единой сквозной мыслью. Нам кажется, что в данном случае уместно говорить о чувстве жанра. Трудно рассчитывать на успех, когда автор стремится во что бы то ни стало создать эпопею, не задаваясь таким очевидным вопросом а хватит ли у него мыслей на большое произведение? Между тем тот же Ш. Янбаев — хороший рассказчик...

Итоги литературного года в Татарии и Башкирии поучительны. И, думается, не только в рамках двух писательских организаций, а еще и в том смысле, что размышления об идейно-эстетическом содержании конкретных произведений опирались на опыт всей советской литературы. Дух высокой требовательности, царивший на этих обсуждениях, как нельзя лучше характеризует творческую атмосферу, которая способствует динамичному развитию наших литератур.

Р. БАЙМОВ,
В. КОРКИН,
Ф. МИННУЛЛИН,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Е. ШЕВЕЛЕВА

Н. КАЩУК

СТРАНИЦЫ ПОЭЗИИ

Н. ГРЕБЕЛЬНАЯ

В. МАТЕШ

Г. САФНЕВА

В. ШУЛЬЦАЙТЕ

Гульчехра ДЖУРАЕВА,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана

Счастливое мгновение

Сто лет ему...
И все же меньше ста:
Для вечных жизней нет
летосчисленья!
С ним связаны все лучшие лета,
Все самые счастливые мгновенья!

А счастье мира только началось.
Так сердце мне сегодня подсказало.
Нет боли в сердце,
Не увидишь слез
В моих глазах,
И щеки ярко-алы!

Так подсказали мне мои года:
И череда исполненных желаний,
И радость плодотворного труда,
И смех мой, и тепло воспоминаний.

В моей любви и верности моей,
В моей душе и в слове нерушимом
Присутствует он, лучший из людей,
И взгляд мой к светлым устремлен
вершинам!
Свет, им зажженный, на бумагу лег...
Со мной Ильич —
счастливое мгновенье!
Со мною он —
в звучанье этих строк:
Ведь это он мне дарит вдохновенье!

Перевел с узбекского
О. ДМИТРИЕВ

Весенний праздник

Девчата, окна распахните
В сад полупьяный
И аромат усьмы вдохните,
Густой и пряный.

Девчата с длинными бровями,
Вы — жизни завязь.
Луну и солнце перед вами
Пусть гложет зависть.

Пусть с вами ветер порезвится,
Ловя мгновенья,
И соловей пусть подивится
Искусству пенья.

Девчата, праздник свой встречайте
В наряде новом,
Джигитов статных привечайте
Веселым словом.

Пусть сердце полнится любовью,
Пусть громче бьется.
Весна идет и алой кровью
По венам льется.

Весна раскинулась безбрежно
Путем узорным,
И Родина вас гладит нежно
По косам черным.

Перевела с узбекского
С. КУЗНЕЦОВА

Екатерина ШЕВЕЛЕВА

Прощание с вершинами

Прощай,
среди вершин прошедший час!

Пробилась я под ветром ледяным
До этих синих, вдаль глядящих глаз,
До этого навала седины.
Я в гору поднималась без тропы,
Сквозь глушь лесную, дикие кусты.
Торчали камни, будто бы шипы,
Из толщи бурой, неживой листвы.
Земля была то мшисто-зелена,
То вдруг до черноты обнажена.
И на меня давила, как стена,
Туманная сырая тишина.

И вот последний к высоте рывок,
Чтоб из колючей хмури — на простор!
И тучи с грозами легли у ног,
И горный мир сиянье распростер!
Грядущие и прошлые лета,
Масштабы здесь — едва охватит глаз...
Но я с тобой прощаюсь, высота.
Прощай,
среди вершин прошедший час!

Внизу — долина. Возвращаюсь к ней.
Там копоти уже заметен гнет.
Там дни короче. Краски там скромней.
Но все-таки во мне она живет.

Уходящий поезд

Век расчетов, точности и скорости
Создает своих традиций круг.
Не хватает времени для горести
В краткие мгновения разлук.
Но, отодвигая настоящее,
Вдруг вскипает старомодность чувств:
К поезду, привычно уходящему,
Бросив дело, я проститься мчусь.
Жду, сентиментальная отступница,
Что преград условная стена,
Как стекло оконное, опустится,
Сердце тронет теплая волна
Суеты прощальной, как положено,
Взглядов на вокзальные часы,
Той тоски, что издавна дорожною
Так и называлась на Руси.
Но ни с веком спорить мне, ни с возрастом.
Не сдаваясь и не выиграв бой,
Я слежу за уходящим поездом, —
Снова остаюсь сама собой.

■

Как земли спасительна краса,
Данная мне будто бы навеки!
Вам благодаренье, леса,
Горы и моря, долины, реки!

Я в любви наивна и слепа.
Я в большой эпохе значу мало,
Но благодарю тебя, тропа,
Что нигде ни разу не петляла.

Помогают справиться с бедой,
Радоваться жизни удивленно
Ветки, что склонились над водой,
Будто кумачовые знамена.

■

Здесь коряги — как пальцы гигантской руки.
Здесь овраги — гранитным хребтам вопреки,
Здесь у ветки бугристой накопленный вес.
Белка рыжею искрой проносится здесь.
В напряженном покое, как в преддверье
грозы,
Жизнь иголочкой хвои трепещет вблизи.

Мне бы вас в этот жаждущий вечности мир,
К елям, небо пронзающим, вроде рапир,
В эту просинь, наивную, словно свирель,
В эту осень, похожую вдруг на апрель,
В этот мох, словно мех,
В эту дикую мощь,
В эту радость любому мгновению...

...Но у вас — мокрый снег,
Но у вас — мелкий дождь,
Но у вас — хмурый взгляд, к сожалению!

Наталья КАЩУК

Мои гуси-лебеди

На заре, на зоренька, рано
Выйду неслышно из дома,
На крыльце тихонько я стану,
Пока сын еще спит,
Пока муж еще спит,
Хочу у отца с матерью
Погостить.

Гуси-лебеди в небе плыли —
Вы возьмите меня на крылья,
Много лет уже — срок немалый —
Отца с матерью я не видала.

Принесли к отцу меня гуси.
А в отцовской хате
Потолки высоки —
Чисто небо,
Да дубки кучерявые,
Что мать посадила.
По углам ее выросли,
Да скамейка кленовая,
Да цветы бирюзовые —
Вот какая отцовская хата...
— Здравствуй, тату, —
Сказала я тихо.
Лишь дубы закивали кронами,
Только желудь упал на землю
Слезою светло-зеленою...

Над полями и над долами
Понесли меня гуси к маме.
— С Днем Победы тебя, родная!
А она о победе не знает,
Мамин взгляд — что печаль бездонная,
Снова держит она похоронную,
Той разлучнице давней, серой
До сих пор не хочет поверить.
Я у мамы косынку поправила,
А сказать ничего не сумела я...
Гуси, гуси, лебеди белые!
Крылья ваши уже не помогут,
Не откроют в детство дорогу!

Ведь растет мой малыш
И на ножки встает понемногу,
Вот и в сердце мое
Материнская входит тревога,
Для него чего бы я ни сделала!
Гуси, гуси, лебеди белые!
Защитите солнца свет ясный,
Чтоб оно в дыму не погасло —
Силу мою возьмите!
Сердце мое возьмите!
Белою птахою
В братство свое примите!

■

Услышь меня...
Здесь, в пущах Беловежья,
Проносится олень по лесу шало,
И лес украшен весь листвою свежей,
И в темени прибрежной краснотала,
Где ни тропинки нет, ни малой стежки,
Нетронутые светятся сережки...
И листьев прошлогоднюю одежду
С деревьев посрывал весенний ветер,
И первые подснежники, как дети,
Глядят на мир с доверьем и надеждой...

А что на этом празднике весеннем
Мне делать без тебя, любимый мой?
Кора деревьев на весеннем склоне
Тепла, шершава, как твои ладони
В ту пору невозвратную, былую...
Кто шрамы и рубцы на них целует,
Как я когда-то в чаще целовала?
Теперь меж нами верст и дней немало,
А встреча — словно молния в окне...
Услышь меня, услышь,
Подумай обо мне...

Перевела с украинского
С. ГЕРШАНОВА

НЕВЫДУМАННЫЙ РАССКАЗ

КАК Я ГЕНЕРАЛОВ БОЯЛАСЬ

Военная повесть ленинградской писательницы Валентины Чудаковой «Чижик — птичка с характером» уже выдержала два издания. Юность Валентины Чудаковой прошла на фронте. Когда Сибирская дивизия, где она служила, гнала фашистов к Смоленску, Валентина Чудакова командовала пулеметным взводом.

В рассказе, публикуемом сегодня, писательница снова возвращается к дням своей боевой юности.

Валентина ЧУДАКОВА

НА ВОЙНЕ я очень боялась генералов. Обижали они меня с самого начала и почти до конца. Как увидит случайно какой-либо генерал, так и начинается:

— Кто такая? Откуда? Каким военкоматом призвана?

Отвечаю с гордостью и по-честному:

— Никаким! Я — доброволец.

А мне не верят:

— Добровольцы тоже через военкомат оформляются.

Ну что тут делать? Как докажешь, что с такими, как я, военкомы и не разговаривали: какие у человека права, если он еще и паспорта не имеет?! Да и солидности ни на грош: рост — метр сорок восемь, вес — сорок три кг. А физиономия — как у матрешки на чайнике. Такие, как я, самой тихой сапой к боевым полкам примазывались. А бойцы, жалея приблудышей, не прогоняли. И много нас, недорослей, по вине войны на войне оказалось. А в конце сорок первого года вышел приказ: всех несовершеннолетних фронтовиков в глубокий тыл закатать! Всех и отправили. И я, разумеется, загремела. До станции Бологое доехала на перекладных и обратилась к коменданту. А тот — замотанный, издерганный, красноглазый от бессонья, злой — говорит: «Только тебя мне и не хватало! Я тебя что, вместо медали на шею повешу? Все детдома уже эвакуированы». И оказалась я совсем никому не нужной. Лишней. Подумала малость — да и обратно в свой полк.

Однополчане рады: обнимают, целуют, кричат: «Здравствуй, Чижик!» Комиссар Юртаев хмурится.

А командир полка смеется:

— Ладно, давай, брат, возьмем такой грех на душу: пусть остается! Но гляди, — предупреждает меня, — на глаза высокому начальству не лезь.

В моем понятии «высокое начальство» — это, конечно, генералы. Я и не лезла. Ловко пряталась. Как завижу издали генеральские лампасы — так в кусты. А генералы... Да что генералы — полковой писарь Вася и тот придирался. Хотел, как положено, мне красноармейскую книжку выдать и не решился.

— А ну, — говорит, — тебя, Чижик, к аллаху! Сам черт не разберется, что ты за птичка. Не знаю, как на тебя графы заполнять. Еще бланк испорчу, а они строгой отчетности. — Так и не дал.

— Ну, — говорю, — товарищ Вася, быть тебе генералом!

Воюю без документов, вроде бы как самозванец, но ничего в этом плохого не вижу и никаких неудобств не испытываю: в полку, кроме меня, ни одной женской души — небось ни с кем не спутают.

И все-таки попала я впросак! Увидел сам командующий армией генерал-лейтенант Поленов и не на шутку рассердился:

— Это что здесь такое? Кто позволил?

Я, разумеется, молчу, только глазами лупаю. А мой начальник, молодой фельдшер Зуев, которого в полку моим «дядькой» прозвали, почтительно докладывает:

— Это, — говорит, — наш Чижик. Дочка полковая...

А генерал еще пуще:

— Я вам такого «чижика-пыжика» покажу! Ишь они — в дочки-папеньки играют. Кто нарушил приказ? В тыл! Немедленно!.. — И уехал.

Плачу и однополчан корю: «Так-то вы меня любите! Как дошло до беды и заступиться некому...» А те жалеют, по головке гладят, денег для меня всякадчину целую кучу наскребли.

Сразу меня из жалости не отправили, а потом попали мы в окружение, и командарму Поленову, разумеется, стало не до меня. Так и осталась я в полку. И в самом деле подросла — на целых два сантиметра!

После выхода из окружения и небольшой передышки нашу дивизию бросили подо Ржев. Как раз на юге началась Сталинградская битва. Почти тогда же войска Калининского фронта перешли в наступление по всему ржевско-вяземскому плацдарму.

Задача была почетной — помочь Сталинграду: связать здесь как можно больше вражеских дивизий, чтоб их Гитлер дополнительно на юг не перебросил. Полки нашей дивизии дрались, как никогда, — я еще такой ярости не видела.

Во время боя 20 августа сорок второго года осиротел пулемет «максим» — очень важный, правофланговый. За него уляжется комсорг полка Дима Яковлев. И был тяжело ранен на моих глазах. Пулемет опять замолчал. А враги совсем близко.

Что мне оставалось? За пулемет! Перевалила почти безжизненное тело комсорга на место второго номера. Торможу, кричу:

— Дима! Димочка! Очнись, Дима!.. Ленту подавай! — В лицо ему из фляги всю воду выплеснула. Очнулся. Головы поднять не может, во ленту взял правильно.

Стреляю и корю себя на чем свет стоит за то, что между делом пулемет как следует не изучила. Научилась строчить, чтоб только похвастаться, идиотка!.. А если каприз — «задержка»?..

— Дима, держи! Перекосе боюсь...

Фланкирующий пулеметный огонь — самый губительный да еще со столь близкой дистанции. «Максимка» так и косит: падают, падают, падают... А вот и еще два наших пулемета ожили и заговорили. Ага! Залегли фашисты. Отнем огрызаются. Хотя и не прицельным, но невероятной плотности: свинцовые струи, завывая на разные голоса, текут где-то над самой головой, разрывные пули, как орехи, щелкают о бронированный щит, а он с прорезью — того и гляди...

— При цел, — хрипит мне в ухо комсорг.

Поняла, снизила. Закрепила маховичок вертикальной наводки и опять строчу. И помимо своей воли шаманю:

— «Максимка», «максимка», не выдай! Родненький, только не откажи!..

— Патроны, — выдохнул Дима, слепывая кровавую пену. Опять поняла. Теперь стреляла экономными очередями, приноравливаясь к соседям. Руки на весу онемели и заныли до самых плеч. Но ослабить хватку никак нельзя: пулемет, что норовистый конь, — его надо держать, держать, не повисая на рукоятках, — не то прицельности не жди.

Тра-та-та-та!.. «Максим» не отказал ни разу. Не подвел. Но закипела вода в кожухе, из пароотводной трубки белесой крутой воронкой начал хлестать пар. Обжигая пальцы, с трудом отвернула пробку и выпустила из кожуха кипяток. Стрелять больше было нельзя. Воды!.. Речка совсем близко, но... комсорг опять потерял сознание.

— Дима!.. — Начисто оглохла, сама себя не слышу. — Воды!.. — И вот оно — спасение: к нам, согнувшись в три погибели, несуразными петлями несется ординарец комиссара Юртаева Петька Ластовой. Помятое ведерко держит высоко в руке, чтоб поменьше расплескалось.

— Петя! — машу ему. — Скорее!.. — И тут меня ужалило в левую лопатку.

Очнулась я в санроте. Ранение оказалось касательным: пуля, к счастью, не разрывная, задела лопатку и, вспоров мускулы, застряла в пяточке едва ли не под самой кожей. От такого пустяка настоящий солдат и не охнет. А я сомлела. Сказалось нервное перенапряжение. Омерзительное состояние: боль терпимая, и все сознаешь, а не шевельнуться — руки и ноги точно деревянные. Из-за этого и в медсанбат отправили. А там пулю вытащили и положили меня в брезентовую палату. Носилки на козлах впритык друг к другу, а на них — тридцать раненых «в нижние конечности» да я — вроде симулянта.

И вдруг на улице кто-то раскатистым басом:

— Смир-р-рно! Товарищ генерал-лейтенант...

Сердце мое екнуло: быть беде! Прибежала санитарка Клава, что-то наспех стала прибирать. Предупредила:

— Не курить! Командарм Поленов пожаловал. Сейчас в обход с начальством пойдет. Тихо!..

Мне чуть дурно не стало: генерал Поленов! Пропала... Спрятаться бы. Куда? Хочу попросить Клаву плащ-палатку набросить и не могу — голос пропал... Носилки мои в самом проходе...

— Смирно! — по-уставному пискнула Клава, когда командарм просунул свое большое, но подбористое тело в люк откинутого полога-двери. Поздоровался запросто. «Здравствуйте, — говорит, — ребята!» Всем разом спасибо сказал, что честно воевали, поскорее выздоравливать велел. И вдруг прямо ко мне.

— Эта? — спросил не знаю кого.

Я даже глаза закрыла: все. Вспомнил. Теперь от тыла не отвертеться... А командарм рассмеялся и вроде бы подоброчу:

— Я, — говорит, — и впрямь поверил, что ты богатырша. А тут... Впрочем, не в этом дело. Мал золотник... — И опять смеется: — Ах ты чудо-юдо пехотное! Нет, недаром тебя в мужскую палату положили. Молодец. Хвалю! Глядите, товарищи, чем не Анка-пулеметчица? Поправляйся. Потом подумаем о твоей дальнейшей судьбе.

Наверное, что-нибудь командарму надо было ответить из вежливости и уважения, а у меня и язык к гортани прилип. А про себя думаю: «Нет уж, спасибочки! Избави меня боже от генеральских забот. Опять в тыл? Нет уж...»

Спросив у раненых, нет ли каких жалоб, командарм ушел. А я сразу воспрянула духом. Ведь он меня не узнал! Не вспомнил. «Анка-пулеметчица»!.. Ну и ну. А что если и в самом деле?..

На другой день меня отправили в полевой госпиталь — так якобы командарм приказал. Вот она — генеральская забота.

Прошла неделя, я меня приключилось горестное событие: моя дивизия, мой родной стрелковый полк, официально меня удочеривший и воспитавший активным бойцом, снялся с фронта и ушел в глубокий тыл на отдых и переформировку.

Вот теперь я была ранена по-настоящему — в самое сердце. Второй раз война меня осиротила. Пискнув, как подстреленный зайчишка, я забилась в свой закуток и, натянув колючее одеяло на голову, плакала тихо-тихо, чтоб не услыхали.

Моя дальнейшая военная судьба решилась не совсем так, как я первоначально предполагала. Я не пошла в запасной полк, а попала на армейские курсы младших лейтенантов. Сюда, правда, женщин не принимали и по приказу, и в принципе, так сказать. А я пришла и, не моргнув глазом, заявила, что меня сюда направил командарм генерал-лейтенант Поленов. Мне не поверили. Командир учебной пулеметной роты капитан Венчиков ехидно рассмеялся:

— Ни больше ни меньше, как сам командарм! Направил... без направления. Что же он тебе в таком случае записку не дал?

— Так ведь командарм — не писарь, товарищ капитан! — возразила я. — Канцелярию при себе не носит. На ходу дело было. Увидел он меня, раненую, в медсанбате. Иди, говорит, Анка-пулеметчица и подучись. А я позвоню. Разве не звонил? Тогда сами ему брякните. Или мне позвольте... (А что? И позвоню! Вот так прямо и скажу: «Помогите!»)

Призадумалось мое будущее начальство. В сени меня спровадили. Стал капитан Венчиков советоваться со своим заместителем. Потом они заспорили. И стали названивать по телефону. Не командарму, конечно, — начальнику курсов. Не знаю, что тот ответил, но капитан Венчиков позвал меня, усмешечку погасил и уставился на меня мрачнее тучи.

— Да ты, — говорит, — и пулемета-то, наверное, не знаешь!

— То есть как это не знаю? Когда я и ранена за пулеметом. Что угодно спросите — отвечу! — А про себя: «Только бы не про «задержки» — пронеси и помилуй!»

Отмахнулся ротный командир хмуро и ничего спрашивать не стал. Только шумно вздохнул. И заместитель то же самое. Ох, как не хотелось им меня принимать! Капитан Венчиков даже руками развел: дескать, не наша это воля. Так я стала курсантом.

Впоследствии с трудом, но все-таки получила назначение в сибирскую дивизию полковника Моисеевского.

— На сей раз без осечки, — утешил меня полковник Вишняков. — Я звонил. Раз так рвешься — иди и воюй!

— Только так, а не иначе! — несказанно обрадовалась я и даже позабыла поблагодарить хорошего человека.

Сибирский комдив был совсем не похож на трех предыдущих: как богатырь из сказки — молодой, красивый, улыбчивый, большой и даже в скромной полевой форме как-то по-особому нарядный. Он, полковник Моисеевский, увидев меня, даже бровью соболиной не повел и разговаривал со мной запросто, как с самым обыкновенным офицером, не выпытывая и не расспрашивая. Ровно через десять минут в своих санях он отправил меня на передний край — в полк.

С командиром полка знакомство тоже было не обидным и очень коротким. Я его даже хорошенько в полутемной землянке и разглядеть не успела. Подполковник Никифоров — вот пока и все. Зато комбат — капитан Батченко...

У меня затряслись поджилки, когда мне навстречу поднялся двухметровый бушлатоволосый человечище, кудрявый и черный, как цыган, с большими ярко-красными губами. Он заикотал басом:

— Не имею особого удовольствия вас лицезреть. Для телячьих восторгов я несколько устарел. «Ах, юная девица командует взводом в бою!» — оставим для газетчиков. А мое требование предельно ясно: в обороне ли, в наступлении — огонь, и никаких женских фокусов! Впрочем, прошу запомнить, что я не из жалостливых.

... — Братцы, пропали! Баба — командир!

— Да чтоб мы, сибиряки, да подчинялись бабе?!

— Была б там хоть баба стоящая, а то — тьфу — пигалица, от горшка два вершка.

— Штабники насмешки строят!..

— Цыц! Чего попусту глотки рвете? Надо по начальству. Пиши рапорты: не желаем, и все тут!

Буря в стакане воды! Взбеленились мои подчиненные солдаты. Ими верховодит дед Бахвалов, самый старый пулеметчик в дивизии. Таежник-медвежатник. И сам похож на матерого медведя. А бородища до пупа.

Ко мне в землянку заглянул командир стрелковой роты, которую огнем поддерживает мой взвод, — старший лейтенант Рогов. Человек уже не первой молодости, бывший учитель. Кажется, справедливый и славный. Его здесь любят — это сразу можно понять. Кивнув головой на дверь, прикрытую плащ-палаткой для тепла, он спросил:

— Слышишь?

— Слышу. Не глухая.

— Впрочем, их тоже надо понять. Твой предшественник был парень с головой. К тому же их земляк. Они ему верили. Любили. Да, трудно тебе будет после лейтенанта Богдановских. Впрочем, все зависит только от тебя.

— Я это знаю...

— Ладненько. Нет особой причины расстраиваться.

Шли дни.

Привыкла я, да так, что уже и не мыслила себя где-нибудь на другом месте. Удивлялась, когда молодые командиры стрелковых взводов жаловались на скуку в обороне: «Скорей бы в наступление». Какая скука? Мне лично времени просто не хватало...

Сразу же после обеда в нашей центральной траншее поднялась невиданная суетня: командиры стрелковых взводов забегали, как наскипидаренные, бестолково заметались солдаты. И по всей линии обороны, как колокола громкого боя, забрякали-заверещали сигнальные гильзы. Боевая тревога?! Нет, к нам в полк пожаловал сам командарм генерал-лейтенант Поленов и вот-вот нагрянет на передний край. «Ох», — сказала я себе и даже испугаться не успела: в траншее появился комбат Батченко с двумя своими замами. Рявкнул, как в рупор на катере:

Нина ГРЕБЕЛЬНАЯ

Два сонета

1.

Пойдем полями. Летний день хорош.
Еще не видно золота в пшенице,
Еще пока не серебрится рожь,
Но воздух пахнет новой паляницей.

Взгляни туда: от шляха в сторона
Как вымахала юная дубрава;
Она на побывала на война,
Но о войне сказать имеет право.

Послушай говорящие дубки:
Даруют память им живые корни.
Земля моя, забвеньям вопреки,
Им о прошедшем говорит упорно.

На память листик с ветки оборви.
Он знает все: он вырос на крови.

2.

Дубрава человечности полна:
Героям павшим кланяется низко.
Сейчас от нас минувшая война
Во времени и далеко, и близко.

Известные погибших имена
Записаны на гранях обелиска,
Но есть другие, и не их вина,
Что выпали, безвестные, из списка.

Одних находят вдруг среди болота:
Планшет, часы да крылья самолета,
Других навечно скрыло озерцо.

От них для нас ни слова, ни привета,
Но вдруг со дна в обложке партбилета
Всплывает чье-то юное лицо.

Нина МАТЯШ

■

Я думала, люблю одну весну:
Весной так просто перепутать, где ты.
Весной надежда подает советы, —
Я думала, люблю одну весну.

Я думала, что осень не терплю:
Так холодна, так неприятна сырость,
Так одиноко с тем, что не свершилось, —
Я думала, что осень не терплю.

Ударила разлука в синий рельс...
Который год одно воображенье
Ведет в родимый край, как в избавленье, —
Ударила разлука в синий рельс...

И все желанно — лето и зима,
Принять готова черный зной и стужу.
Когда земля, как солнце, греет душу, —
Благословенны лето и зима!

■

Моя доля —
колос в поле,
а порою —
камень.
До конца тебя
качать мне
слабыми руками.
Быть с тобой мне
всюду вместе,
вместе выйдем к людям —
под созвездья,
где соцветья
все в пчелином гуде.
Мне тебя
от непогоды
укрывать годами...
Подбивает
время счеты,
скрипит жерновами.
Я живу с мечтой
большою,
как под стягом алым:
мне б на покривить душою
ни в большом,
ни в малом.

Перевел с белорусского Иван БУРСОВ

Вилия ШУЛЬЦАЙТЕ

■

Будем же мечтать, как Кампанелла,
О прекрасном городе,
О счастье,
И не только для себя — для всей земли.
Тридцать лет а Европе нет войны,
И светлеют лица по планете.
Помечтаем,
Приподнимем сердце:
Все мы в глубине его — поэты.
Каждый хочет
Радость отыскать
И оставить радость
И остаться.
Каждый хочет созидать добро.
Почерпнем из будней трудолюбье,
Суть и потаенный смысл стремлений.
Чтобы душу не пятнать
Насильем,
Чтобы душу не запачкать
Ложью.
Будем же мечтать, как космонавты,
Что готовы стать межзвездной пылью
За мечту.
Сегодня — праздник наш.
На земле молчат орудья смерти.

■

Будь я скульптором —
По всей земле
Поставила бы памятники матерям:
Грустящим и счастливым,
С детьми на руках,
Бодрствующим над колыбелями,
Откуда веет зарей.
Где найти свет для их лиц?
Пожалуй, в солнце.
А улыбку?
Только в их взгляде.
Найти и воплотить раздумье,
И нежную радость,
И самое большое счастье —
В глазах после родов.
Нет улыбки прекраснее,
Чем у матери,
Глядящей на ребенка.

Перевел с литовского Ю. ГРИГОРЬЕВ

Гулрухсор САФИЕВА

Мой стих

Мой стих, ребенок беспокойный мой,
Из-за тебя всегда в душе тревожно:
То высоко взлетаю я с тобой,
То вдруг брожу с тоскою безнадежной.

Ты при друзьях-приятелях моих
Меня разоблачаешь неизменно.
Молчала я, а ты поведал, стих,
Любимому о тайне сокровенной.

В тот час, когда впервые я взяла
Свой карандаш, задумавшись невольно,
Когда печаль и радость излила
Я рифмами, тайком, в тетрадке школьной,

Не знала я, что ты, войдя в мой дом,
Всю жизнь мою, все дни мои и ночи
Из глуби сердца чистым родником
Забьешь, мой стих, тогда, когда захочешь.

Заботы отложив свои порой,
С тобою, как с ребенком, я играю.
Подчас, мой стих, довольна я тобой,
Подчас тебя, а обиде, отвергаю.

Мой стих, ты век покоя мне не дашь!
Из-за тебя друзья не без причины
Меня дарят упреками...
Когда ж
Ты из ребенка вырастешь в мужчину?

■

Тюбетейками яркими мне принесли
Дети весть о весне, о поре золотой.
Там, над нашим селеньем, летят журавли,
Ручейки растеклись ледяною водой.
Ну, а я вдалеке... И, наверно, весна,
Постучавшись, спросила сейчас у сестры:
«Ты скажи мне, где девушка та? Где она,
Что смеялась всегда и любила цветы?»...
Наступает весна, и в селенье у нас —
Море маков, что ярче весенней зари.
Я прошу тебя, слышишь, весна, еще раз
Ты мне милое детство мое подари!

Перевела с таджикского
Н. ВОЛОБУЕВА

— Смир-но! По местам!

Встревоженные шумом, взбеленились фашисты. Истошным голосом заревел шестиствольный. Омерзительно заскрипел «скрипун». Долбанули тяжелые минометы. Траншею, как метлой, подмело. Линию обороны заволокло черно-сизым чадом. Я заскочила в землянку Евгения Петровича. Она ходила ходуном. Со щелястого потолка, как живой, тек песок. Лампа-гильза испуганно моргала после каждого взрыва там, наверху. Евгений Петрович меня рассмешил: с сомнением поглядывая на потолочное перекрытие, после одного особо громоподобного взрыва сказал на полном серьезе:

— Залезла бы ты на всякий случай под нары...

— Хорош командир — под нарами! — рассмеялась я. — А что, Евгений Петрович, нет худа без добра: пожалуй, командарм не приедет — не пустят же его в такую катавасию. Никак по Нафикову лупит... Ну да там шесть накатов — не кот начихал...

— Удержишь такого, — буркнул Евгений Петрович про командарма. — Да ему сам черт не брат. Всюду лезет...

И верно, едва мы, переждав налет, выбрались в траншею, как перед нами, точно из-под земли, возникла богатырская фигура комбата.

— Едет, — сказал он вроде бы будничным голосом, но

выдавала краска, выступившая бурыми пятнами на интерых щеках. Волновался. А уж мне и говорить нечего. Ребята обратились к комбату:

— А может, как-нибудь спрятаться, товарищ капитан? А?

— Это зачем же? — возразил комбат.

— А так... — промямлила я. — Вы же знаете... И... вообще... командарм любит самолично...

Комбат ничего не успел решить — вот-вот начальство целый взвод! От большого ума в глазах рябит: командир полка, комдив, начальник штаба и еще какие-то ранги. И прибористы кричат в забрызганную перископы стрелковую ячейку и пригнулись.

Командарм Поленов, хмурый, грязный, широкий под мохнатой буркой, не сводил прищуренных во щелки глаз с дачной бухгалтерии во все. Его интересовало состояние оружия, система огня во взаимодействии, окопы и средства связи, расположение дня и снабжение. Несколько сжав губы, генерал заставил раздеться и разуться, чтобы лично убедиться в состоянии ног и портянок. Разговаривал он только с солдатами, в их сторону мимоходом кинул свету и внимания не обращал. И все хмурился, хмурился, хмурился. Сопел и пыхтел. Но придраться никак не к чему: наш комбат — настоящий хозяин, умеет спросить и потребовать. Да и Евгений Петрович упрямо не сдавал. Командарм наш понимает. Уж очень ему понравились чей бахвальство: здоровые, сытые, смешливые. Деда Бахвалова он даже за бороду потрогал:

— Этой ты, батя, волик отрастил! Трешкою, что ли, ты его подметаешь?

У деда глаза с хитринкой прищурил: молодых в крепе, как у зайца. Крепкий пулеметчик не растерялся:

— А это уж как придется, товарищ командующий!

— Правильно, братцы, воевать!

— Так точно, товарищ командарм! — Пулеметчики не ответили так браво, что комбат Иванченко вступился и погрозил им пальцем. «Щенуй голенй в отрочку непутевый». Мне из книги убежища каждое слово слышно и видно решительно все. Командарм рассмеялся.

— Молодцы! Хвалю! — Он обратил внимание на щегольского красного и алого Пырнова. Легонько тукнул его пальцем в грудь:

— О чем задумался, богатырь сибирский?

— Думаю, как бы стать генералом, товарищ командарм! — не раздумывая, брякнул солдат.

Командарм опять хохотнул, а потом:

— Гм... Генералом, говоришь? А зачем?

— А чтоб все боялись, как вас, товарищ командующий!

Командующий так и покатился со смеху, а потом к комдиву Моисеевскому:

— Да они у тебя, полковник, юмористы. Ну что ж, братцы, я надеюсь, что вы и воюете так же успешно, как острите?

— Так точно! Это мы могем...

— Да... сибиряки — народ стоящий, — задумчиво протянул командарм. — Ну, а взводный ваш где?

У меня сердце: бух, бух!.. А дед Бахвалов навытяжку:

— Туточки они. При деле, стало быть. Прикажете позвать?

— Да нет. Раз при деле — не надо. Сам вижу, чего стоит. Как он, братцы, парень — хват?

— Мощa, товарищ командарм!

— Суворов!..

— По блату от самого господа бога нам достался!..

Вдруг с непостижимым проворством командарм подскочил к моей ячейке и, ухватив за наплечные ремни, извлек меня наружу. Я и дух перевести не успела. И опять не узнал меня генерал Поленов.

— Глядика, какой малышок! И воюет. Помилуй бог, товарищи, воюет! Вот уж воистину и млад, и стар. Батюшки! Да еще и в офицерских галифе! И пистолет? И автомат? Ну и ну. «Два взгляда по тарелкам — сбоку мауер — и Сколько раненых вынесла?

— Ни одного, товарищ командующий.

— Гм. Хвалю. За чистоту. Ну, а перевязывать-то умеешь?

— Приходилось.

Тут выступил вперед комдив, доложил:

— Она — командир пулеметного взвода. Это, — кивнул на деда Бахвалова, — ее солдаты.

Улыбку с лица командарма как ветром сдуло.

— То есть как это командир? — черные брови изумленно взлетели. — Этакая пигалица — командир? Вы шутите, полковник.

— Не шучу, товарищ командующий.

— Нет, позвольте. Да какой из нее командир взвода? Кто позволил? Да кто ей офицерское звание присвоил?

— Мы, товарищ командующий.

— Я?! — от возмущения командарм хлопнул себя по бедрам, да так, что полы бурки разлетелись.

«Ну все. Отомандовалась, — равнодушно, как о ком-то постороннем подумала я. — Чему быть — того не миновать. По крайней мере тот душу отведу — за всех генералов разом справедливую обиду выскажу». — И рванулась в атаку:

— Ага, по «Здравствуй, Анна пулеметчица»? А то: «Кого пошлешь?» да «Кто приехал?» Справедливо — ничего не сказано.

— Кто? Когда? Кого? — От, как растерялся командарм. Черные глаза — что сверла.

И молча мотнула рукой в сторону. А генерал меня к себе за плечи поворачивает и опять, вроде бы уже поделовому.

— Что ж недужишь, как мышь на крупе? Давай разберемся, что к чему.

Ни я молча глотала слезы. От несправедливой обиды шипеть не могла: выполнять. От нестерпимого стыда не смела взглянуть ни на начальство, ни на солдат. Эх, генералы!

Первым нашелся дед Бахвалов:

— Товарищ командующий, дозвольте слово молвить?

— И не дожидаясь разрешения. — Сумление ваше напрасно. Она — отменный командир. И если что — другого вам не надобно...

Долго сидел в моей домашней командарм Поленов с глазу на глаз со мной. Моя маленькая биография интересовала его во всех подробностях. Удивлялся, переспрашивал, записывал. И долго дивились вы Чапаева, по словам командарма. Обо всем сердитом генерал с нею рано умерших родителей, а про бабушку, потянувшую по ту сторону фронта, и про первую мою должность, и про то, как я тыл меня хотел отправить.

А потом были наступление на смоленской земле. Я была ранена на знаменитой Соловьевской переправе. Так что моя сибирская дивизия штурмовала Смоленск уже без меня и получила почетное звание Смоленской.

После выздоровления я уже пулеметной ротой командовала — в третьей по счету дивизии — и еще дважды была ранена.

Когда была опубликована моя повесть «Чапай — птичка с характером», щурясь, отыскивающий наш бывший командарм Виталий Сергеевич Поленов. В гости к себе в Воронеж приглашал — «отчаянно хлебнуть коньячишка». Не довелось и, к сожалению, уже не доведется... А что было, то было, из песни слова не выкинешь.

КЛУБ

СТУЛЬЕВ

ПАРОДИИ

Григорий БОРИСОВ

Ну почему?..

А главное — не надо
пить с утра.
Майя БОРИСОВА

«А главное — не надо пить
с утра...»
«Еще не вечер», —
говорят в народе...
Ей-богу, мне сейчас
на до пародий.
Но все же объясниться
нам пора:
Борисов, Майя,
так же, как и Вы, а,
И хоть я обращаюсь
и Вам впервые,
Вы для меня —
как милая сестра.
Ваш опыт, Майя,
в целом принимая,
Я, Майя,
одного не понимаю:
Ну почему не надо пить
с утра!!

Михаил ВЛАДИМОВ

Хождение по звукам

Звучит во мне твое:
«Приду»...
А я, отчаянная, жду
И, не боясь нелепиц,
Весь день в
беспомощном бреду
По слову этому бреду...
Дина ТЕРКИШКО

Свиданье наше — впереди.
Ты заявил: «Приду».
Приди!
Мой адрес!
Спея немало в нем.
Пойдешь по слову
«площадь»
До слова «улица».
Потом
Войти ты сможешь
в слово «дом»,
Потом все будет проще:
Поднимешься по слову
«лифт».
А если лифт у нас стоит,
Шагай по слову «постница»
И не страшись нелепицы...
Пройдя по слову
«коридор»,
Войдешь ты а слово
«кабинет»,
Где я брожу по слову
«вздоре»,
А иногда — по слову
«бред»!
Ты заявил: «Приду»...
Приди!
Но все ж меня
бредубредя!

К 175-летию со дня рождения Е. А. Боратынского

«МЫСЛЬ, ОСТРЫЙ ЛУЧ!..»

Вадим КОЖИНОВ

Имя поэта всегда было знаменитым, но прежде всего — как имя сподвижника Пушкина. Сама по себе поэзия Евгения Боратынского долго, слишком долго оставалась поэзией «для немногих». Правда, стихи его были у всех на устах в дни его молодости, в золотую пору русской поэтической культуры. Но уже с середины 1830-х годов наступило «время прозы», и когда в 1842 году вышла наиболее зрелая и глубокая книга поэта «Сумерки», она, по воспоминаниям современника, «...произвела впечатление привидения, явившегося среди удивленных и недоумевающих лиц, не умевших дать себе отчета в том, какая это тень и чего она хочет...»

Очень характерно, что и впоследствии более или менее широкой известностью пользовались лишь те стихи Боратынского, которыми он прославился еще в годы первой молодости — «Разлука» («Расстались мы, на миг очарованьем...»), «Разуверение» («Не искушай меня без нужды...»), «Водопад» («Шуми, шуми с крутой вершины...»), «Череп» («Усопший брат! кто сон твой возмутил?..») и т. п. Зрелая его поэзия вообще не была освоена вплоть до XX века, а в известной степени даже и до наших дней.

Ныне, когда каждому культурному человеку ясно, что высшие творения Боратынского будут полнокровно жить, пока вообще жива русская поэзия, как-то даже странно звучит фраза из юбилейной (!) статьи, посвященной столетней годовщине со дня рождения поэта, статьи, которую в 1900 году написал весьма влиятельный тогда литературовед П. О. Морозов: «В наше время Боратынский представляет интерес почти исключительно исторический».

Сейчас можно, в частности, с полной уверенностью утверждать, что книга Боратынского будет немедленно распродана независимо от тиража издания. Мы еще явно недостаточно осмыслили и оценили тот громадный перелом в отношении к отечественной классике, который совершился в самые последние годы. Приведу только один, но весьма выразительный факт. В 1956—1958 годах вышло собрание сочинений Николая Лескова, которое не издавалось дотоле более полувека. Тем не менее это одиннадцатитомное собрание простояло на полках магазинов лет десять — хотя оно и было вскоре уценено в два раза и стоило всего лишь 6 рублей с копейками! Но попробуйте сейчас достать это собрание — едва ли что-нибудь получится...

Среди классиков, впервые ставших объектом внимания по-настоящему широких читательских кругов, оказался ныне и Боратынский, хотя это, безусловно, один из наиболее трудно воспринимаемых поэтов.

Все знают, что Боратынский — «поэт мысли». Но его лирика очень существенно отличается, скажем, от стихотворений Тютчева (которого также называют «поэтом мысли»), где мысль обычно вплетена, внедрена в образ многогранного и цельного переживания. У Боратынского размышление является нередко как бы в «чистом» виде, в своей собственной форме. Поэтому многие считали, да и теперь еще считают его стихи слишком рассудочными, слишком абстрактными, лишенными органической жизненности. Даже высоко ценивший Боратынского Тургенев заметил: «Боратынский не поэт в единственно истинном, в пушкинском смысле...».

Думаю, что это совсем не так. В поэзии Боратынского воплотилась живая жизнь, но только живая жизнь самой мысли как таковой (можно даже сказать, отвлеченной мысли), ее органическое саморазвитие.

Поэт ясно сознавал все своеобразие и всю небывалую трудность избранного им творческого пути. Он писал, имея в виду, без сомнения, свое собственное творчество (к искусству Пушкина, например, эти стихи явно неприменимы):

Все мысль да мысль!
Художник бедный слова!
О вред ее! тебе
забвенья нет;
Вся тут, да тут и человек,
и свет,
И смерть, и жизнь,
и правда без покрова.
Резец, орган, кисть!
счастлив, кто аленом
К ним чувственным,
за грань их не ступая!
Есть хмель ему
на праздничном мирском!
Но пред тобой, как
пред нагим мачом,
Мысль, острый луч!
бледнеет жизнь земная.

Да, во многих стихах Боратынского мысль словно вбирает в себя весь мир без остатка; в них воссоздается не сама «земная жизнь», а движение мысли, порожденное этой жизнью. Как бы объясняя выбор такой творческой задачи, Боратынский писал: «...русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить» (напомню, что это было сказано тогда, когда в деятельности Чаадаева, любомудров и т. д. рождалась новая русская философия). И еще одно замечательное суждение: поэт утверждает, что стихи призваны доказать «высокую моральность мышления».

В поэзии Боратынского действительно воплотилось не только само по себе движение «отвлеченной» мысли, но и нравственное значение этой мысли и, добавлю, ее красота. Иначе говоря, перед нами именно жизнь мысли, жизнь, в которой всегда есть этическое и эстетическое содержание. Но воспринять и освоить эту поэтическую жизнь мысли в ее цельности очень нелегко: читатель должен прежде открыть в самом себе способность углубленного и обобщающего мышления и ощутить в нем силу добра и красоту. Иначе он не сможет увидеть и оценить эти свойства в поэзии Боратынского, и она предстанет перед ним как чрезмерно рассудочная, абстрактная, сухая.

Еще в 1830 году критик и философ Иван Киреевский, ближайший друг поэта, заметил: «...чтобы дослышать все оттенки лиры Боратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, незамеченного с первого взгляда, — верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии...»

Далеко не всякий читатель Боратынского воспринимает сложный и богатый смысл его лирики во всей его глубине. И надо прямо сказать, что и теперь еще обаяние имени поэта во многом обусловлено достигшим поистине безграничной силы обаянием имени Пушкина, с которым Боратынский нераздельно связан в нашем сознании.

Но наиболее серьезные читатели уже понимают, что зрелое творчество Боратынского совершенно самобытно, что именно глубоким своеобразием поэта обусловлена первостепенная ценность его наследия.

В поздних стихах Боратынского — как, скажем, и в стихах Тютчева — выразилась иная стадия художественного развития, чем в творчестве Пушкина. Если поэзия Пушкина — как это признано ныне многими исследователями — имеет ренессансную природу, то зрелая лирика Боратынского, на мой взгляд, может быть определена как воплощение стихии искусства барокко, которое повсюду сменяет искусство Возрождения. Это искусство, обнажающее трагедийную противоречивость бытия, искусство беспокойной напряженности и резких контрастов, усложненных форм и метафорической символики. Поэтический мир зрелых творений Боратынского — таких, как «Толпе тревожный день приветен...», «Смерть», «На что вы, дни!..», «Недоносок», «Рифма», «Осень» и т. п., — коренным образом отличается от поэтического мира Пушкина.

Само творчество предстает в стихах Боратынского как сила, пробуждающая молнии жизненных трагедий:

Люблю я вас, богини пенья,
Но ваш чарующий наход,
Сей сладкий трепет
вдохновенья, —
Предтечей жизненных
невзгод.
Любовь намек с враждой
Фортуны —
Одно. Молчу! Боюсь я.
Чтоб персты, падшие
на струны,
Не пробудили вновь
перуны,
В которых спит судьба моя.
И отрываюсь, полный муки,
От музы, ласковой ко мне,
И говорю: до завтра, звуки,
Пусть день угаснет
в тишине.

До недавних пор поэзию Боратынского чаще всего «мерили», как уже говорилось, пушкинской поэзией, и это мешало понять и оценить ее подлинную суть. Творческая воля Боратынского была напряженно устремлена в грядущее (Блок справедливо заметил, что Боратынский — поэт, «опередивший свой век в одиноких мучениях и исканиях»), она разрывала пределы созданной Пушкиным гармонической целостности — разрывала уже хотя бы тем, что воплощалась в «поэзию мысли». Это, конечно, вело к односторонности и известной дисгармонии, но иначе и невозможно было бы поступательное развитие литературы после Пушкина.

Творчество Боратынского, в частности, подготовляло ту художественную почву, на которой сложилось искусство Достоевского, о чем в последние годы неоднократно говорилось в исследованиях о поэте. М. М. Бахтин показал, что в творчестве Достоевского мысль, идея «становится предметом художественного изображения», а сам Достоевский стал великим художником идеи». Но в определенном смысле именно Боратынский был одним из первых «художников идеи» в России.

Вместе с тем он близок Достоевскому открытой трагедийностью мироощущения. Можно бы поставить своего рода эпиграфом к художественному миру Достоевского, где нераздельно переплетены смирение и своеволие, проникновенные строки поэта:

...Мятежные мечты смирим
иль позабудем,
Рабы разумные,
послушно согласим
Свои желания со жребием
своим —
И будет счастлива,
спокойна наша доля,
Безумец! не она ль,
на вышняя ли воля
Дарует страсти нам?
и на ее ли глас
В их гласе слышим мы?
О, тягостна для нас
Жизнь, в сердце бьющая
могучею волною
И в грани узкие
втесненная судьбою.

Надо думать, что острый современный интерес к поэзии Боратынского объясняется, в частности, и ее внутренней близостью к искусству Достоевского, которое находится сейчас в центре всеобщего внимания.

В литературе о Боратынском много говорилось о его заведомом пессимизме; подчас это повторяют и теперь. Но в действительности творчество поэта — подобно творчеству Достоевского — так же далеко от пессимизма, как и от поверхностного оптимизма. Оно в полном и глубоком смысле трагедийно, а подлинная трагедия всегда содержит в себе не только стихию гибели, но и ее преодоление. В самых «мрачных» стихах Боратынского остается живой и торжествует его мощная мысль — этот, по его слову, «острый луч», несущий в себе и добро, и красоту. И внешняя «безысходность» ряда стихотворений Боратынского должна быть понята как беспощадное испытание идеи «на прочность» (что присуще и творчеству Достоевского). Даже в его отчаянии нет расслабленности и капитуляции; поэт всегда бесстрашно глядит в будущее.

В конце 1843 года, за несколько месяцев до смерти, он писал из-за границы, куда впервые в жизни выбрался: «Поздравляю вас, любезные друзья, с новым годом... Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо...».

Наше настоящее — уже очень отдаленное будущее для Боратынского, умершего сто тридцать лет назад, и это будущее воспринимает его с жадным вниманием и любовью.

• Часто встречающееся написание Боратынский возникло случайно и должно быть признано неверным (см. об этом подробно в моей статье «Легенды и факты» в № 2 журнала «Русская литература» за этот год).

Художник и книга

Иллюстрации художника Б. Анцанэ к сборнику стихов Расула Гамзатова «Книга любви». Издательство «Советская Россия». 1974.

● ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЮЛИИ БОРИСОВОЙ

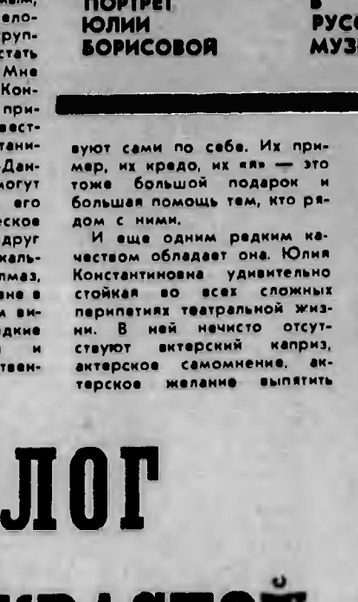
● НАХОДКИ В РУССКОМ МУЗЕЕ

ИСКУССТВО

● «ВЫБОР ЦЕЛИ». ПРЕДИСЛОВИЕ К ФИЛЬМУ

МОНОЛОГ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

Михаил УЛЬЯНОВ,
народный артист СССР
лауреат Ленинской премии

Мастера и мастерство

В КОНЕЧНОМ счете жизнь человека складывается не только из того, какой он сам, но и из того, с кем он общался. С кем он встретился. Я не такой оптимист, чтобы абсолютно точно переносить на реальность смысл поговорки «Скажи, кто твой друг, и я скажу — кто ты», но, конечно, воздействие на тебя спутников по жизни огромно. В театре отобенно. В театре, где каждый — индивидуальность, а все вместе — коллектив и где коллектив, настоящий творческий коллектив без ярких индивидуальностей не может существовать (как, впрочем, и индивидуальность должна найти свой коллектив, который дал бы ей возможность раскрыться в полной мере). О театральной среде много ходит всяких россказней — о плохих взаимоотношениях, о сложных столкновениях, о всяких прочих сопутствующих вещах. Слов нет, есть и такое. Хотя, думается мне, не больше, чем в любом другом коллективе, просто здесь это обнаженнее. Но нравственная атмосфера зависит от людей, от тех, кто лидирует в коллективе, кто является движущей силой, нравственным мерилом.

Театр имени Евг. Вахтангова — театр, который обладает немалым количеством замечательных, ярких, своеобразных, просто редкостных творческих индивидуальностей. Заслуга в этом, вероятно, и школы, воспитывающей актеров, и духа, который на протяжении десятилетий создавал у нас Рубен Николаевич Симонов. Так вот, в этом театре одной из ведущих — а для меня, пожалуй, самой первой актрисой по своим нравственно-творческим принципам — стала Юлия Константиновна Борисова.

Ведущая она не только потому, что играет главные роли и ее имя привлекает на спектакли тысячи любителей театра. Она ведущая и по духу лидерства, по поразительной самоотдаче, по удивительной работоспособности (порой непонятно, откуда у этой тоненькой, хрупкой женщины берутся силы. Она играет почти каждый вечер. В среду на афише «Иркутская история», в четверг — «Из жизни деловой женщины», в субботу — «Ситуация», в воскресенье — «Антоний и Клеопатра»...). Ведущая по той преданности делу, по тому творческому отрешению от своих мирских забот, коими отличается эта замечательная актриса и удивительнейший человек.

Повторяю, выделяется не только ее талант, но и нравственно-творческая позиция. Вообще, в человеке нельзя разделить художника и личность, по существу личность и составляет художника. Все разговоры о том, что можно быть плохим человеком и хорошим художником, едва ли соответствуют действительности. Можно быть злым человеком, но обязательно надо быть крупным человеком. Можно быть нелюдимым, трудным в общении человеком, но надо быть крупным человеком, чтобы стать крупным художником. Мне думается, что Юлия Константиновна Борисова — пример, подтверждение известным размышлениям Станиславского и Немировича-Данченко о том, что не могут разделяться в артисте его нравственное и человеческое начала. Как природа вдруг создает чистейший, уникальнейший углерод — алмаз, так в Юлии Константиновне в кристально-первозданном виде воплотились очень редкие человеческие качества и очень редкие художественные достоинства.

Я не стал бы говорить всякие ласковые слова лишь по случаю Международного женского дня и даже Международного года женщины. Этот искренний разговор назревал давно, и я рад случаю, предоставленному «Литературной газетой».

Юлия Борисова — настоящий человек. Она прежде всего добрый человек. Добрый не потому, что делает добро, когда это удобно и легко, а и тогда, когда не хватает сил и приходится подчас преодолевать препятствия, слабость, трудности. Доброта незаурядных людей заключается и в том, как они живут на свете, как существуют сами по себе. Их пример, их кредо, их «я» — это тоже большой подарок и большая помощь тем, кто рядом с ними.

И еще одним редким качеством обладает она. Юлия Константиновна удивительно стойкая во всех сложных перипетиях театральной жизни. В ней нечисто отсутствуют актерский каприз, актерское самомнение, актерское желание выпятить себя, актерское преувеличенное внимание к своей нервной системе. Все годы, что я ее знаю, она всегда работает на пределе. Я никогда не видел ее прохлаждающейся, отдыхающей, ничем не занятой. Конечно, за стенами театра у нее своя жизнь, но я говорю о творческом процессе, о работе над ролями. Редчайшая, самозабвенная преданность театру, выражение любви не в словах, а в деле. Вот уж истинно она любит не себя в искусстве, а искусство в себе. А когда человек, кроме «я», ничего за собой не имеет, тогда это «я» лопается так же быстро, как сильный пузырь, даже если не какой-то период и блеснет.

Какая она актриса — написано много. Мне кажется, Юлия Борисова — художник одной поразительной темы. Темы неизбывной, неистребимой, неизменной любви к русской женщине. Своих героинь она так любит, так верит им, так их оправдывает во всем, что порой кажется даже в чем-то однобокой. Но, поднимая в героинях человеческое достоинство, честь, гордость, самосознание, какое-то ощущение большой человеческой значимости, она принципиальна и тверда. Эта тема облагораживания образа, вероятно, исходит не просто из того, что ей так нравится играть. Тем она протестует и против неоправданных сложностей жизни, которые встречаются не только на пути театральных персонажей, но и нас самих. Актриса поднимает своих героинь не пьедестал, так сказать, недоступной чистоты. Она воспевает Прекрасную Даму, не дожидаясь, когда придет Дон Кихот (ныне дождаться его довольно трудно), и сама создает культ этих хрупко-неспибаемых, этих тонко-нервных, этих чуткиx и нежных женщин — Валь, Анисий, Настасий Филипповен и прочих, прочих, прочих.

И еще. Юлия Константиновна — поразительная партнерша. Партнерша, которая всегда работает не на себя, а на тебя. Ты уверен, что если начнешь ошибаться или проваливаться, то почувствуешь ее руку. Маленькую, но сильную и верную руку настоящего товарища по сцене. Не так уж часто встречаются такие верные соучастники дела, которому ты в этот вечер служишь. Говорю об этом не только потому, что часто ее партнер — именно я и она моя неизменная спутница на театральных дорогах. Сопоставляя ее с многими другими актрисами и актерами, могу совершенно убежденно и смело заявить: одна из самых прелестных партнерш, самых верных, самых «удобных» и самых талантливых, с которой ты чувствуешь себя поразительно легко и поразительно спокойно на сцене, — это Юлия Борисова.

Пожелаю ей доброго здоровья и хороших ролей. К сожалению, не всегда актрисе, художнику с огромными возможностями достается поле деятельности по плечу. Подчас они занимаются легкими поделками, которые, в общем-то, не их дело. Поэтому я искренне желаю ей крупных ролей, достойных ее гуманного, глубокого, благородного, редкого таланта.

На киностудии «Мосфильм» завершены съемки фильма «Выбор цели». Корреспонденты «ЛГ» Е. Гаврис и О. Беляевский обратились к писателю Д. Гранину и режиссеру И. Таланкину с просьбой рассказать о новом фильме.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ — КУРЧАТОВ

Даниил ГРАНИН:

Начнем с того, что сценарий написан в соавторстве с Игорем Васильевичем Таланкиным. Он же является и постановщиком картины. Сценарий этот о том, как создавалась атомная бомба в трех странах — в фашистской Германии, в США и у нас, в Советском Союзе, о людях, которые принимали участие в этой эпопее. Фильм «Выбор цели» в двух сериях. Первая начинается с 1939 года и кончается взрывом в Хиросиме. Вторая завершается испытаниями нашей бомбы в 1949 году и мирными работами Курчатова.

История создания в нашей стране атомной бомбы — воистину героическая история. Героическая для страны, героическая для людей, которые занимались этой проблемой. Нетрудно представить себе, как ускоренно начали работать над ней после взрыва в Хиросиме, то есть в 1945 году. Работать в условиях страны, разоренной войной, когда не хватало электроэнергии, топлива... Нужно было огромное количество материалов, самых дефицитных, начиная с таких, как цемент, лес, железо, цветные металлы, электротехнические изделия... И все необходимо было давать на решение атомной проблемы, хотя в этом так нуждались разоренные районы, заводы, которые восстанавливались... Давать во имя решения физиками проблем, которых они до того не решали и не были уверены, как у них это получится.

Мне приходилось встречаться и разговаривать с многими людьми, так или иначе причастными к этой работе. Там возникало немало драматических ситуаций. Вот одна из них. Нужно было решать некоторые вопросы радиохимии. Пригласили виднейшего ленинградского специалиста — это происходило в 1942 году, — и Курчатов предложил ему заняться этой программой. Человек преклонных лет, он знал, насколько это опасно. Защита от облучения была еще очень примитивная, неясно было, как ею пользоваться.

И вот они сидели с Курчатовым и обсуждали проблему. Не потому, что Курчатов вынуждал его к этому, а потому, что никто, кроме этого специалиста, не смог бы сделать такой работы в сжатые сроки. И он сам потребовал поручить ее ему: да, надо это сделать как можно быстрей.

Это был один из многих подвигов, связанных с решением важнейшей задачи, от которого существенно зависела жизнь страны. И наши люди шли на такие подвиги. Напишне говорить, какую роль в современном мире сыграла и играет атомная бомба. В этой эпопее нам были интересны моменты, когда существовала возможность предотвратить ее создание. Был момент, когда так казалось почти всем группам западных физиков. Теперь о тех временах трудно говорить, потому что с историей нельзя обращаться экспериментально.

Известная книга Юнга «Ярче тысячи солнц» по-журналистски доступно и интересно рассказывает о многих фактах. Но она округляет некоторые проблемы и, округляя их, часто говорит неполно. Взять хотя бы фигуру Гейзенберга.

Данные о нем были противоречивы. Гейзенберг активно не противодействовал созданию немецкой атомной бомбы. Гейзенберг не рвался форсировать, скорее закончить работу. Впрочем, несомненно одно: он работал на гитлеровскую военную машину и в этом смысле несет моральную и нравственную ответственность. Безусловно и другое — что у него были сомнения и колебания. Поведение его выглядело сложно. Характер получался многослойный, со своей трагедией — трагедией ученого в условиях гитлеровского нечма.

Исследовать эти и многие другие факты, знакомиться с множеством материалов, документов разного рода, встречаться с людьми было не только чрезвычайно интересно, но и поучительно.

Юрий Николаевич Тынянов говорил, что его работа начинается там, где кончается документ. Я не рискну сказать так про сценарий. Во всяком случае американские и немецкие материалы использованы достаточно подробно и широко. Хотя надо сказать, что и какие-то личные встречи мне чрезвычайно помогли.

У нас над атомной проблемой работало много людей самых разных специальностей. Всех упомянуть невозможно. Поэтому было решено оставить только Курчатова. Остальные герои вымышленные. Тем более, что мы не претендуем, очевидно, на документальную полноту картины. Нас интересовали какие-то иные, человеческие проблемы, связанные с этой работой. Важно было сохранить общий дух, общую атмосферу, правду истории.

Хоть мне и доводилось встречаться с Игорем Васильевичем Курчатовым, по личных впечатлений у меня очень немного. Так что я не мог на них опираться совершенно. Есть две хорошие книги о Курчатове — Головина и Асташенкова. И это — почти все из литературных источников. Приходилось расспрашивать сотрудников Курчатова. Впечатления собирались по крохам. Причем вот любопытная вещь: люди, которые с ним почти повседневно работали, как правило, мало могли о нем рассказать. И, напротив, те, кто встречался с ним редко, даже всего один-два раза, рассказывали очень примечательные вещи — так у них врезалась в память его личность.

И Курчатов возникал как человек исключительного дарования — организатор и руководитель. Это была, по-видимому, чрезвычайно удачная кандидатура на пост руководителя такого масштаба. В нем сочетались все необходимые качества. И в то же время он был большой ученый, научный талант которого только начинал по-настоящему разворачиваться. На каком-то этапе работа потребовала от него, чтобы наука отступила на второй план перед организационными заботами. Но размах этого человека и масштабность его личности не могли бы, думается, существовать, если бы он не был большим ученым.

С началом работы над атомной проблемой на плечи Курчатова легла огромная ответственность. После 1945 года, после Хиросимы и Нагасаки, эта ответственность неимоверно возросла. Может быть, впервые так много в судьбе народа, в истории нашей страны зависело от ученых и в том числе от Курчатова особенно. Создание советского ядерного оружия привело к краху империалистическую политику атомного шантажа в годы «холодной войны».

Фильм закончен. Скажу откровенно, несмотря на все потери, мне нравится то, что получилось. Потом, когда начнется суд критики и зрителя, будут, наверное, и разочарования. Но пока я нахожусь в недолгом, но прекрасном периоде удовлетворения.

Курчатов — С. Бондарчук

Игорь ТАЛАНКИН:

У Даниила Александровича Гранина положение намного лучше моего. Он может наш фильм воспринимать несколько со стороны, сердито коситься на меня там, где сценарий кажется ему безнадежно испорченным, довольно кивать головой, когда происходящее на экране совпадает с его видением материала. Я лишен этой возможности, ибо до сих пор еще весь в работе, картина срослась со мной, я не в состоянии быть объективным. Ей отдано четыре года жизни, и о результате судить зрителям.

Для писателя сценарий — конечный результат его творческого труда, хотя съемки и вносят свои коррективы в литературную основу. Для режиссера — это только начало работы, самое прекрасное время; оно дает возможность легко и свободно фантазировать, сколько позволяет тебе воображение. Можно придумать и записать в сценарий все. Можно вслед за Горьким написать: «Море — смеялось», правда, потом, когда начинаешь снимать, море смеяться не будет, и тогда поймешь, как прав был дядя-капитан из повести В. Пановой «Сережа», который говаривал, что море есть море!

Исторический материал, лежащий в основе сценария, настолько богат, необычен и полон драматизма, что можно было бы выстроить очень интересный, почти детективный сюжет. Мы сразу же от этого отказались. С самого начала фильма были открыты карты. Картина начинается с атомной бомбардировки Хиросимы. И далее мы ограничили себя рамками жесткой задачи.

Нас интересовали ученые разных стран, причастные или не причастные к созданию атомной бомбы. Если они ее делали — то почему делали, если отказывались — то по каким мотивам. Мы не изобретали события и характеры, а стремились анализировать человеческую психологию в острейшие моменты жизни. Как художники, мы, естественно, имели право догадываться о том, что думали участники исторической драмы, личности незаурядные, огромных темпераментов, блистательных способностей, гигантских масштабов, крупнейшие ученые нашего века. ...Нас волновала важнейшая проблема — как ученый определяет свое место в сегодняшнем мире, как оценивает свой труд. Наука — сама по себе — не является нравственной категорией, она может служить и прогрессу, и целям варварским. Важно, в чьих руках она находится и кто ее творец. Я отдаю себе отчет в том, что, вероятно, не все проблемы, поднятые нами, исчерпывающе разрешены в фильме.

Подлинный исторический материал требовал определенной стилистики, своеобразного пластического решения на экране.

Если мои предыдущие картины отличались некоей экспрессией, стремлением и поэтической метафоре, то здесь принципы совершенно иные — скупость в мизансценах, в движении камеры, в цвете, много крупных планов, ибо нас прежде всего интересовали люди, их глаза, мимика. В этом мне очень помогали настоящие художники, вложившие в фильм много труда и сердца, — оператор Н. Ардашников, художники А. Мягков, Т. Лапшина, композитор А. Шнитке.

Если в предыдущих моих работах — особенно в «Дневных звездах» — текст мог уместиться на нескольких страничках, то в «Выборе цели» герои очень много разговаривают, спорят, убеждают. Нужно было реконструировать не только события, но и их атмосферу. География действия разнообразна — Советский Союз, Германия, США... Множество подлинных исторических персонажей. Я пришел к выводу, что крупного человека может сыграть только актер незаурядного масштаба. Я имею в виду не фактуру и голос, а неповторимую, значительную индивидуальность. Актер должен быть личностью. Таков Сергей Бондарчук, сыгравший в нашем фильме академика Курчатова, актер бесконечной глубины. Он умеет даже молчать так удивительно, что ты о многом задумываешься, глядя на этого человека. И. Скобцуновский исполнил небольшую, но очень емкую роль Рузвельта. Непривычно для своей острой эксцентрической манеры, аскетически скупо играет Оппенгеймера Сергей Юрский. Интересны работы Г. Жженова, И. Соловьева, И. Скобцевой, Я. Грипольского, А. Демидовой. Кроме советских актеров, приглашены исполнители из ГДР, Польши, Чехословакии.

На экране запечатлен отрезок жизни Курчатова, но не в повседневном течении будней, а в моменты душевных поисков, напряженных решений, значительных не только для героя, но и для судеб мира.

АРХИВ

Ю. АЛЯНСКИЙ

«ВСЕ ЧУДНО В НЕЙ!»

В ИСТОРИИ старого русского театра, особенно в неофициальной его истории — в сфере актерских, человеческих судеб, были свои трагедии, драмы, фарсы. Жизнь легендарной актрисы Александринского театра Варвары Николаевны Асенковой, умершей в двадцать четыре года, была коротка и печальна. Талант и в еще большей степени внешний облик Вареньки Асенковой стали объектом восторженного изумления нескольких поколений людей, любящих театр. «Все чудно в ней!..» — писал Некрасов, посвятивший актрисе стихи «Офелия» и «Памяти <Асенков-ой».

Увы, сохранившиеся портреты артистки не передают, на мой взгляд, ее тонкого очарования. Наиболее удачный из этих портретов — тот, что изображает ее в роли Эсмеральды с лютней в руках, — сделан известным художником-портретистом В. Гау. В момент, когда рисовался этот портрет, Асенковой был 21 год. Гау — 22. Можно было предположить, что юный художник, встретившись с очаровательной и знаменитой современницей, должен был стремиться нарисовать ее не только в роли, но и в жизни.

Я попросил Людмилу Павловну Рыбакову, заведующую отделом графики Русского музея, показать мне папку рисунков Гау. И среди этих рисунков мы нашли «Портрет молодой женщины», заметно напоминавший лицо Асенковой на портрете в роли Эсмеральды. Только «молодая женщина» была еще обаятельнее.

Установить, что неизвестный и не вполне оконченный портрет Гау изображает именно Асенкову, мне помогла эксперт-криминалист капитан Ольга Николаевна Володимерова. Мне хотелось рассказать об этой работе и ее методах подробнее. Но пока я собирался с мыслями, произошли новые события, связанные с изображениями Асенковой.

В отделе скульптуры Русского музея в течение многих лет хранился скульптурный портрет небольшого, настольного размера. Имелось туманное предположение что неизвестный скульптор изобразил в нем Варвару Николаевну Асенкову. Я снова обратился в научно-технический отдел Оперативно-технического управления УВД Ленинграда, начальник которого полковник Владимир Алексеевич Барчиков и заместитель начальника подполковник Борис Владимирович Краверский так охотно и заинтересованно откликнулись на первую мою просьбу.

Обычная сфера интересов отдела — это уголовные дела или, во всяком случае, дела, связанные с правонарушением. За каждым из подобных заданий — жертва или преступник. И какие-то следы события, запечатленные современными методами, в частности фотографией.

Однако с недавних пор отдел расширил сферу своей деятельности и взялся помочь в случаях, не имеющих отношения к обычному кругу дел.

В истории с предполагаемым акварельным портретом Асенковой отсутствие необходимой для подобной экспертизы фотографии можно было как бы вынести за скобку: имелись два портрета, писанные одним художником, одной рукой. Их можно было сравнивать. Не этот раз перед экспертом предстала скульптура, не имеющая аналогов, да к тому же полностью анонимная — не были известны ни автор произведения, ни изображенное лицо. Задача оказалась еще более сложной.

Лидия Петровна Шапошникова, старший научный сотрудник Русского музея, рассказала, что таинственная скульптура — один из «физиотипов», сделанных в конце тридцатых — сорокового годов прошлого столетия Лемольтом. Этот предприимчивый француз появился в Петербурге в середине тридцатых годов и сразу обнаружил необычайную энергию и разносторонность. Он работал в качестве литейщика, скульптора, механика, устроил детский театр и театр теней, читал лекции о гальванопластике и даже... открыл лечебное заведение, где пытался лечить больных с помощью некоей «электрической машины». Он-то и задумал сначала механизировать скульптурное дело с помощью «физиотипов», а затем с помощью другого аппарата — «редуктора» копировать скульптурные портреты в уменьшенном масштабе, и делая это с математической точностью.

Бюст неизвестной молодой женщины, который предстояло исследовать эксперту, отлит из особой мастики и не имеет швов, какие остаются при обычном формовочном способе отливки. Машина Лемольта сработала отлично. Теперь надо было раскрыть секрет этого произведения.

Володимерова решила сопоставлять сделанные ею фотографии скульптуры с фотокопией канонического портрета Асенковой в роли Эсмеральды, уже сослужившего один раз добрую службу. Был произведен раздельный анализ черт внешности по признакам «словесного портрета». Отклонением от обычной методики явился условный допуск: скульптурный портрет сравнивался с графическим.

Результаты проведенного исследования представлены в таблице и поражают полным тождеством всех 26 признаков лица. Но это еще не все. Эксперт сфотографировала скульптуру в тех же ракурсе и масштабе, в каких сделана акварель Гау, и исследовала эти отпечатки способом фотоналожения и фотосовмещение. И опять было установлено, что оба фотоотпечатка полностью совпадают между собой по всем чертам внешности.

У фронтовиков есть поверье: снаряд в одну воронку дважды не попадает. История с портретами Асенковой в каком-то смысле опровергает эту мысль. В течение менее чем года мне посчастливилось обнаружить две не известных до сих пор портрете Асенковой и участвовать в их атрибуции (кстати сказать, уже принятой и Русским музеем). Первый, акварельный, впервые, по-моему, объяснивший восторг современников по поводу облика любимицы театрального Петербурга, помещен издательством не переплете недавно вышедшей моей книги об Асенковой. Второй, скульптурный, в книгу попасть не успел и публикуется сегодня впервые за 130 лет своего существования. Он также дает представление о «прелестном цветке нашей сцены», как называли Асенкову современники.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В. Ф. ПИМЕНОВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Владимира Федоровича Пименова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного критика и ученого, заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора, с семидесятилетием.

За пятьдесят лет литературной, научно-педагогической и общественной деятельности Вы прошли большую жизненную школу, внесли ценный вклад в развитие театрального искусства, в коммунистическое воспитание подрастающих поколений. Видный деятель в области науки и культуры, Вы успешно выполняли ответственную работу в Министерстве культуры СССР и в аппарате правления СП СССР, плодотворно трудились на посту директора Театра имени Евг. Вахтангова и редактора журнала «Театр», в качестве одного из руководителей ГИТИСа имени А. В. Луначарского и — на протяжении вот уже десяти лет — ректора Литературного института имени А. М. Горького.

Мы знаем и высоко ценим Вас как одного из активно работающих театральных критиков, автора многих интересных статей и исследований, лучшие из которых вошли в книги «Жизнь, драматургия, театр», «Занавес не опущен», «Год за годом», «Жизнь и сцена», «Продолжение пути» и другие.

В Ваших произведениях, публикующихся в центральной и республиканской печати, с четких партийных позиций поднимаются большие вопросы театроведения и драматургии, они проникнуты глубоким знанием театральных процессов, верным пониманием идейно-творческих задач, стоящих перед советским театральным искусством.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых успехов в творчестве и многогранной общественной деятельности».

■

В огромном мире советского театра, думаю, нет человека, который не знал бы Владимира Федоровича Пименова. Его не просто знают, его уважают, любят, считаются с его мнением — всегда глубоко аргументированным и доброжелательным. Суждения Владимира Федоровича всегда определенны и принципиально ясны, но манера их выражения напоминает слово в диалоге, где собеседником критика выступают и автор пьесы, и режиссер, и актеры, и зритель. В характере его статей отражаются черты его человеческого характера: редчайшее трудолюбие, доброта души, постоянное стремление поддержать, помочь. В его статьях вы никогда не обнаружите тона стороннего наблюдателя, взирающего на искусство равнодушно или же со снисходительной похвалой, которая хуже ругани. Если В. Ф. Пименов на страницах печати ведет разговор о драматургии и театре, можно быть уверенным в том, что этот разговор ведется с партийных позиций, под знаком высоких идейно-художественных критериев.

В творческой деятельности Владимира Федоровича сказывается его недюжинный жизненный опыт. С молодости он отдавал много сил строительству театрального дела. Создавал театральные коллективы, выступало направлял репертуарные поиски театров и уже тогда приложил немало энергии к тому, чтобы на сценах наряду с классикой появлялись лучшие советские пьесы.

Много лет он является одним из руководителей Совета по драматургии Союза писателей СССР. Дружеское его внимание благотворно отразилось на судьбах тех драматургов, которые сейчас определяют лицо советской многонациональной драматургии.

Большой организаторский и педагогический талант Владимира Федоровича, его творческий авторитет сказываются и в работе уникального высшего учебного заведения нашей страны — Литературного института имени А. М. Горького. В качестве ректора В. Ф. Пименов делает все для того, чтобы институт, имеющий славные традиции воспитания литературной смены, высоко держал знамя своего основателя — Максима Горького.

Семьдесят лет — жизнь, полная труда, труда большого и счастливого. Но, встречаясь с Владимиром Федоровичем, никогда не услышишь от него жалобы на усталость, он бодр, полон сил и лишь слегка подтрунивает над собой, перечисляя множество дел, которые предстоят ему в течение дня, но таких дел, что и одного хватило бы для крепкого молодого человека! Ну, скажем, заседания бюро Краснопресненского райкома КПСС. Ответственная и не просто почетная, а очень сложная работа.

Да, он не кабинетный критик — он партийный труженик в литературе. И это ощущается в каждой книге, в каждой статье, в каждом слове.

А. САЛЫНСКИЙ

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

СЕМЬ ДНЕЙ В МАРТЕ...

Прогрессивная печать широко и многообразно рассказывает о положении трудящихся женщин в разных уголках планеты: о борьбе за элементарные права — в мире науки и бизнеса, об активном участии в общественной и трудовой деятельности — в странах социалистического содружества и в тех государствах, которые встали на путь демократического и социального обновления.

Этот плакат в честь Международного года женщины опубликовала американская газета «Дейли уоркер»

ДОСЬЕ «ЛГ»

ЭТИ ЖАРКИЕ ЗИМНИЕ ДНИ ИСПАНИИ

Последний зимний месяц в Испании был отмечен усилением классовой борьбы. Забастовки, которые в этой стране официально запрещены, основательно потрясли франкистский режим.

В манифестациях протеста против неправого суда над десятью антифашистами рабочих комиссий приняли участие представители практически всех слоев общества. Такого единодушного требования перемен Испания за последние 35 лет еще не знала.

Апелляционный суд над десятью активистами состоялся в Мадриде в середине февраля. Но еще задолго до него оппозиционные силы страны готовились к схватке с диктатурой. Об этом свидетельствуют сообщения иностранных агентств и печати.

Военный министр и министр морского флота официально предупредили офицеров, чтобы они не вмешивались в политическую жизнь, и призвали их видеть свою роль в охране главных институтов Испании. Это было первое официальное признание существования политических разногласий в вооруженных силах.

ЮПИ

В первый месяц 1975 года в Испании состоялось беспрецедентное число все еще запрещенных в стране забастовок. Они потрясли и без того уже ослабленную экономику страны и поставили правительство перед вероятностью самого беспокойного года трудовых конфликтов за многие десятилетия.

«Мы знаем, что забастовки объясняются экономическими и политическими мотивами, — говорит один высокопоставленный представитель правительства. — Но политическая борьба, в частности борьба за расширение профсоюзных свобод, сейчас выходит на первое место. Мы ожидаем волнений».

АП

Полиция арестовала трех деятелей оппозиции и разыскивала еще трех как возможных организаторов пресс-конференции, на которой противники нынешнего строя открыто обсуждали планы свержения нынешнего режима. Эта пресс-конференция состоялась в одном из роскошных мадридских отелей под видом обсуждения вопросов санитарии. Более часа, пока официанты подавали спиртные напитки и закуски, представители подпольного демократического совета разъясняли свои планы и программу. Они обсудили «создание здоровых институтов» и применение «медикаментов» — основных политических изменений.

ЮПИ

После решительных протестов со стороны видных общественных деятелей были освобождены два человека, арестованные по обвинению в проведении незаконной пресс-конференции. Это Марио Родригес Арагон, бывший директор мадридского еженедельника «Сабадо графикон», и врач Донато Фузхо. С протестами против ареста этих двух лиц выступили представители мадридских коллегий юристов, журналистов и врачей.

Рейтер

Тысячи испанских студентов проводят собрания и забастовки, требуя больших свобод, поддерживая бастующих промышленных рабочих и протестуя против действий полиции в учебных заведениях. Несколько студентов арестовано.

ЮПИ

268 католических священников из Памплоны послали своему архиепископу письмо протеста против штрафов, к которым приговаривают священников их района. Они сообщают, что гражданский губернатор уже оштрафовал 14 священников больше чем на 80 тысяч долларов за проповедь в поддержку бастовавших рабочих.

АП

Начало рассмотрения верховным судом апелляции десяти заключенных, руководителей испанских трудящихся, ознаменовалось уличными демонстрациями. В то время как защитники осужденных излагали суду свои заявления, участники демонстраций скандировали: «Свобода! Свобода!»

ЮПИ

Сегодняшняя Испания — уже не та Испания, где господствовали бесмолвие и фатальность. На улицах начинает пробиваться народная демократическая воля.

«Юманите» (ФРАНЦИЯ)

Верховный суд резко сократил сроки наказания, вынесенные десяти профсоюзным лидерам, и приказал освободить четырех из них.

ЮПИ

Разлад и дух мятежа проникли в самую основу режима. Правительственные чиновники в различных министерствах, в том числе и в министерстве иностранных дел, впервые бастуют, а 500 высокопоставленных государственных служащих требуют демократии в Испании. В заявлении, посланном премьер-министру Карлосу Ариасу Наварро, эти 500 человек требуют создания демократического государства, где власть исходила бы от народа, при участии всех граждан.

«Кристиан сайенс монитор» (США)

До сих пор в забастовках участвовал лишь рабочий класс. Но сейчас к нему примыкают и торговцы на мадридских рынках, и актеры в театрах, и служащие в государственных учреждениях. Это нечто новое.

«Ия» (ИСПАНИЯ)

Правительство начало политическую чистку среди служащих государственных учреждений.

ЮПИ

Политические деятели и политические группы, которые до сих пор в какой-то мере отождествляли себя с нынешним режимом, поспешно бегут с корабля, чтобы прослыть за незапятнанных демократов.

«Монд дипломатик» (ФРАНЦИЯ)

Во дворце Пардо, резиденции генералиссимуса Франко состоялось заседание испанского правительства, на котором впервые со времени окончания гражданской войны 36 лет назад обсуждался закон, разрешающий забастовки. В правительственных кругах отмечают, что закон разрешит забастовки при условии, что они не носят политического характера.

ЮПИ

Майор Хулио Бускетс и капитан Хосе Хульвес, офицеры инженерного корпуса армии, арестованы в Барселоне. Сообщается, что оба офицера были членами группы, насчитывающей около 20 военных, которые регулярно собирались, чтобы обсуждать текущие события, в том числе политические. Эта группа поддерживала контакты с политическими деятелями и студентами, которые проводят забастовки за пределами Барселонского университета и в нем самом.

Рейтер

25 армейских офицеров в Барселоне подписали заявление, в котором говорится, что армия не должна использоваться в качестве полицейской силы против общественности. «Армия является не силой обеспечения общественного порядка, а находится на службе народа», — указывается в нем.

АП

Младшие офицеры испанских вооруженных сил начинают интересоваться политикой в такой степени, что это вызывает беспокойство среди высших командующих. Продолжают появляться сообщения, что в армейских гарнизонах существуют тайные комитеты молодых офицеров.

«Кристиан сайенс монитор» (США)

Амнистия, прекращение репрессий и восстановление демократических свобод стали лозунгами миллионов испанцев.

«Юманите» (ФРАНЦИЯ)

Досье составил
М. МАКСИМОВ

ВЧЕРА — ДУБИНКА. СЕГОДНЯ — «ЧЕРНЫЙ ЯЩИК», ЗАВТРА...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Единственный приемлемый метод «модификации» человеческой личности — это непрерывная деятельность, направленная на воспитание и самовоспитание, на образование и самообразование. Вечна жажда совершенства человечества и отдельных людей. Но это достижимое, хотя и не достигнутое еще совершенство прежде всего включает в себя уважение. Надо уважать право быть личностью.

Великий венгерский поэт Ференц Кёлчеи в начале XIX века сказал: «Любить человечество — необходимое свойство каждого благородного сердца». И, служа человечеству, благородные сердца принесли огромные жертвы. Достаточно вспомнить о великих мучениках науки, рисковавших жизнью за открытия, которые могли облегчить судьбу человечества, жизнь отдельных людей. Модифицировали ли их открытия наши личности? Несомненно. Они помогли нам стать лучше, благороднее. В наших душах навеки остались и благодеяния Пастера, и глубокий гуманизм супругов Кюри, и открытия Павлова.

«Литературная газета» написала о тех американских ученых, которые, позоря звание людей науки, тоже занимаются разработкой методов модификации личности. Но они стремятся достигнуть этого не изменением моральных условий и сознания людей, а методами психотерапии, психохирургии. Опыты проводятся на живых людях, на членах общества под прикрытием возвышенных лозунгов, при забвении такой «малости», как права, данные человеку природой.

О чем идет речь? О лечении психически больных? Или же о новом оружии против «политически и общественно опасных» элементов? Я не врач и не хочу рассматривать вопрос с точки зрения методов лечения. Но подобное «научное оружие», сущность которого вытекает из эксплуатации человека человеком, скрывает в себе большие опасности. Повторяю: человеческую личность нужно совершенствовать, но не насильственным путем, не подчиняя личность произволу, опирающемуся на новые научные открытия и изобретения. Человека надо воспитывать. Человек должен учиться. Пусть человек гордится тем, что может стать личностью. Те, кто в течение десятилетий занимается воспитанием нового человека социалистического общества, знают, с какими трудностями сопряжено выполнение этой задачи. Сколько еще не решенных вопросов каждый день возникает перед нами! Мы еще далеки от того, чтобы почивать на лаврах.

Человека нельзя переделать насилием. Если бы конечная цель действительно заключалась в лечении психически больных, как утверждают, то и в этом случае общество должно располагать строго определенными, законными гарантиями, предотвращающими возможность злоупотребления научными открытиями и средствами. Никто не имеет права злоупотреблять тем, что создано в интересах человека, против самого человека, против человечества.

Люди XX века, услышав об опытах, проводимых на живых пациентах, вспоминают об ужасах, пережитых в недавнее время. Человек гуманистических убеждений не может забыть, что гитлеровцы совершали свои злодеяния под флагом «лечения опасных для общества больных». Опыты во имя таких, как они говорили, «благородных» целей привели к истреблению миллионов людей в разных странах.

Недавно я познакомился с потрясающим документом о преступлениях, совершенных «во имя науки». Венгерский врач Миклош Нисли в 1944 году был вывезен в Освенцим, где стал свидетелем зверских опытов над живыми людьми. Он пережил эту трагедию, остался в живых, выступал свидетелем против убийц в белых халатах на заседаниях Международного трибунала, в присутствии, кстати сказать, и американских судей. Позже он написал воспоминания. Чтение этой книги потрясает, она является напоминанием о преступлениях, совершенных против человечества под «флагом науки». Из книги доктора Нисли видно, что нацистские убийцы тоже хотели «помочь» немецкому народу. Они тоже хотели изменить природу человека. И делали это насильственно, нарушая элементарные законы человечности.

Трудно забыть этот исторический факт, читая об опытах по «модификации поведения», проводимых в США. Потому что человек XX века помнит и о том, каких гигантов мысли дала человечеству американская культура и наука; не может забыть, что много американских солдат отдали свои жизни за победу над фашизмом. К этому «ряду памяти» относятся и протесты честных американцев против войны во Вьетнаме, в которой также участвовали и откровенные вандалы, выдававшие себя за ученых. Я убежден, что ужасные опыты по «модификации поведения» не должны больше продолжаться. Человека нужно уважать!

Пал ФЕХЕР,
член редколлегии газеты «Непсабадшаг»
(ВЕНГРИЯ)

БУДАПЕШТ

КИТАЙ СЕГОДНЯ

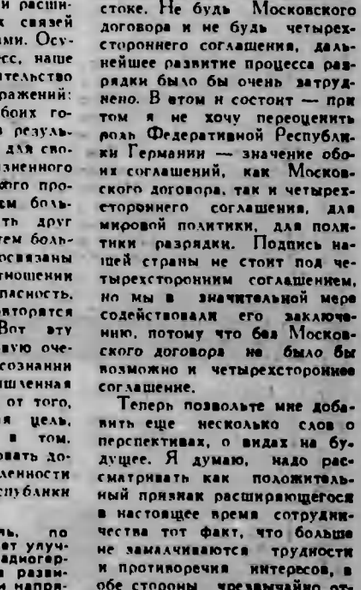

Вместо того чтобы модернизировать исторически отсталое сельское хозяйство Китая, перестроить его на основе механизации и интенсификации, маоисты тратят большие средства на развитие военного потенциала. Деревне же предлагается «опираться на собственные силы». Что это значит — показано на снимке, который мы перепечатываем из американской газеты «Кристиан сайенс монитор».

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ГЕЛЬМУТ ШМИДТ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Специальный корреспондент «Литературной газеты» В. Сырокомский обратился к федеральному канцлеру Федеративной Республики Германии Гельмуту Шмидту с просьбой ответить на ряд вопросов.

ВОПРОС. Во время визита в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева была достигнута договоренность об обмене выставками между нашими странами. В минувшем году в Дюссельдорфе с успехом прошла первая торгово-промышленная выставка Советского Союза. Теперь, с 13 по 25 марта, в Москве состоится выставка Федеративной Республики Германии. Как Вы охарактеризовали бы основную ее идею, господин федеральный канцлер?

ОТВЕТ. Прежде всего мне хотелось бы, чтобы советские граждане оценили эту выставку как свидетельство очень быстрого углубления и расширения экономических связей между нашими странами. Осуществляя этот процесс, наше федеральное правительство исходит из двух соображений: во-первых, народы обоих государств извлекают в результате большую выгоду для своего реального жизненного уровня и экономического прогресса. Во-вторых, чем больше мы будем помогать друг другу экономически, тем больше мы будем взаимосвязаны и в экономическом отношении и тем меньше будет опасность, что когда-нибудь повторятся ужасы прошлого. Вот эту идею и должна в первую очередь утвердить в сознании людей такая промышленная выставка, независимо от того, что ее специфическая цель, естественно, состоит в том, чтобы продемонстрировать достижения промышленности Федеративной Республики Германии.

ВОПРОС. Какую роль, по Вашему мнению, играет улучшение советско-западногерманских отношений в развитии процесса разрядки напряженности в Европе и во всем мире? Какие перспективы усматриваете Вы здесь?

ОТВЕТ. Московский договор, который оба наших государства заключили между собой 12 августа 1970 года, имел тот результат, что взаимный обмен мнениями, взаимные визиты, регулярные консультации руководителей государств, а также не в последнюю очередь экономический и технологический обмен больше не рассматриваются как что-то необычное, а как что-то нормальное. Во-вторых, и в особенности в связи с заключением четырехстороннего соглашения от 3 сентября 1971 года, договор этот устранил угрозу для мира в Центральной Европе, на взгляд многих людей дотоле существовавшую в скрытой форме.

В этом смысле Московский договор, как и четырехстороннее соглашение, явился решающим элементом, без которого политика разрядки во всем мире, осуществляемая как из Москвы, так и из Вашингтона и из других столиц, была бы ограничена в своих масштабах и в глубине проникновения, скована и по-прежнему подвергалась бы известному риску.

Иными словами, если бы в отношениях между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, к примеру, по вопросу о Берлине (Западном) или по другим вопросам мог бы возникнуть кризис, способный затронуть все остальные государства мира, то это явилось бы тормозом и препятствием для развития мирового процесса разрядки. Если же благодаря договорам, заключенным между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии, и благодаря четырехстороннему соглашению возникновение подобных кризисов почти полностью исключено, тогда это является важной предпосылкой для развития разрядки в Европе и во всем мире, как и для развития сотрудничества в Европе и во всем мире.

Процесс разрядки на первых порах чрезвычайно осторожно, а затем шаг за шагом все шире и шире начал развиваться в отношениях между США и Советским Союзом в 60-е годы. Вершину этого процесса в данный момент представляет принципиальная договоренность, достигнутая господином Брежневым и господином Фордом во Владивостоке. Не будь Московского договора и не будь четырехстороннего соглашения, дальнейшее развитие процесса разрядки было бы очень затруднено. В этом и состоит — при том я не хочу переоценить роль Федеративной Республики Германии — значение обоих соглашений, как Московского договора, так и четырехстороннего соглашения, для мировой политики, для политики разрядки. Подпись нашей страны не стоит под четырехсторонним соглашением, но мы в значительной мере содействовали его заключению, потому что без Московского договора не было бы возможно и четырехстороннее соглашение.

Теперь позвольте мне добавить еще несколько слов о перспективах, о видах на будущее. Я думаю, надо рассматривать как положительный признак расширяющегося в настоящее время сотрудничества тот факт, что больше не замалчиваются трудности и противоречия интересов, в обе стороны чрезвычайно откровенно говорят об этом друг с другом. Говорить откровенно о таких вещах можно лишь тогда, когда друг другу доверяют. Мне видится здесь процесс растущего взаимного доверия, и я рассчитываю, что он в будущем будет развиваться дальше, — доверия, достаточно прочного, чтобы можно было вести откровенный разговор по поводу разногласий, не рискуя тем, что собеседники усмотрят в этом угрозу или опасность для себя.

В ходе развития нашего сотрудничества, очевидно, и в дальнейшем будут возникать трудности, поскольку противоречия интересов у нас имеются во многих областях. По многим вопросам у нас есть трудности и с нашими западными партнерами по договорам. И точно так же по многим вопросам у нас есть трудности с нашими западными торговыми партнерами. Это нормальное явление, и трудности, могущие возникнуть в отношениях между Советским Союзом и нами, все больше и больше рассматриваются как нормальное явление и соответственно преодолеваются нормальным путем.

Я думаю, что современная ситуация, когда со времени окончания второй мировой войны прошло почти ровно тридцать лет, — что эта ситуация открывает перед нашими народами, как и перед всеми народами Европы, более благоприятные перспективы для будущего развития, чем когда-либо раньше за минувшие три десятилетия в период между 1945 годом и сегодняшним днем.

● ОКОНЧАНИЕ НА 14-Я СТР.

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

ДУХ ЛОРДА КЕРЗОНА

Лондонская «Морнинг стар» опубликовала статью редактора иностранного отдела газеты Сэма Рассела, в которой анализируется позиция противников развития советско-английских отношений. В статье, в частности, говорится:

Еще не успели высохнуть чернила на документах, подписанных в Москве, как вся свора контрреволюционеров подняла большой шум, осуждая это соглашение и давая выход своей антисоветской злобе.

«Дейли телеграф» назвала эти соглашения «неудачной сделкой». «Файненшл таймс» выразила свое «глубокое несогласие» с ними. А новоявленный лидер консерваторов Маргарет Тэтчер заявила, что встреча в верхах была «выгодна лишь России».

При этом г-жа Тэтчер предостерегающе заметила, что контакты с Советским Союзом можно было бы приветствовать при условии, что «они никогда не позволят нашей стране успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности». Консерваторам аплодировали ей.

Семь лет прошло с тех пор, как премьер-министр Англии в последний раз ездил в Советский Союз. За это время очень многие президенты, премьер-министры и другие государственные деятели, отнюдь не разделяющие политических взглядов советских руководителей, побывали в Советском Союзе и заключили важные и ценные соглашения.

Только Великобритания не принимала в этом участия, и английские консерваторы, эти ничему не научившиеся бурбоны, отказывались сделать какой-либо шаг, который мог бы привести к улучшению наших отношений с Советским Союзом.

И по-прежнему витает дух лорда Керзона, который был министром иностранных дел с 1919 по 1924 год, Эрнеста Бевина (министра иностранных дел с 1945 по 1951 год) и лорда Хьюма, возглавлявшего внешнеполитическое ведомство позже, так много сделавших для того, чтобы отравить англо-советские отношения.

Но лорд Керзон умер уже полвека назад, а Советская страна, вопреки его надеждам и надеждам его потомков — консерваторов, занимает одно из ведущих мест в мире как самое могущественное государство и с экономической, и с военной точек зрения. Лорд Керзон мертв, но его злобный дух царит в умах сановников. Англия и Советский Союз многого лишились в результате упорного саботирования отношений между ними на протяжении многих лет. Но советский народ и его руководители всегда отдавали себе полный отчет в том, что английский народ стремится к дружбе с их страной.

Им также известно, какие силы всячески стараются помешать этой дружбе.

В этой связи следует выразить самую серьезную тревогу по поводу того, каким образом английская консервативная печать и радиовещательная компания Би-би-си стремится умалить значение достигнутых соглашений.

Слушатели Би-би-си на следующий день после подписания соглашения узнали из выступления дипломатического обозревателя газеты «Дейли мейл» Джона Дикки, что на переговорах Вильсон «вошел на уступки» в области европейской безопасности.

Возникла совершенно ясная угроза того, что люди, столь много сделавшие для омрачения англо-советских отношений в прошлом, приложат все усилия, чтобы торпедировать новые соглашения.

Сэм РАССЕЛ

...И ЗА ТОГО ПАРНЯ

В первые же дни Великой Отечественной войны свыше тысячи работников Московского завода электровакуумных приборов ушли защищать родную землю от гитлеровских захватчиков. 463 человека не вернулись с фронта. Их бессмертный подвиг воплощен в граните мемориальной стелы, установленной при входе на завод.

30-летие Победы коллектив предприятия стремится отметить новыми производственными успехами. По инициативе передовиков рабочие встают на трудовые вахты в честь героев войны. Комсомольско-молодежная бригада Нины Коровиной включила в свой состав бывшего рабочего цеха Евгения Аниканова, отдавшего жизнь за Родину. Каждый день монтажницы выполняют норму и за него.

Евгений Аниканов. Ныне его имя — в списке комсомольско-молодежной бригады.

Фотоочерк Анатолия ХРУПОВА

Девушки из бригады Нины Коровиной нашли новые возможности повысить показатели своей работы за счет улучшения качества продукции. Этот почин получил на заводе широкое распространение ➡

Завод помнит своих героев

Новичку всегда помогут

Цеховая стенгазета — зеркало соревнования

Ветеран войны, Герой Социалистического Труда Юрий Николаевич Дьяков вспоминает...

— Мобилизован я был в 1941-м, 16 октября. Враг рвался к Москве.

Когда началась война, мы как раз защищали диплом. И нас тут же мобилизовали на трудовой фронт. Попал я с ребятами на военный завод, где делали боеприпасы. Через месяц-два из военкомата прислали повестки. Остались работать немногие, одни подростки. А потом — и мне повестка.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ
17.10.41

Здравствуйте, дорогие и милые Марфа Андреевна, Александр Михайлович. Зоенька! Всем передаю свой горячий, сердечный и искренний поцелуй, желаю вам всего хорошего, здоровья...*

Сегодня я отосплюсь. Нас накормили завтраком — дали суп гороховый со свининой и картофель-пюре. Так что насчет питания хорошо. Больше писать нечего.

Целую крепко всех, мои милые. Зоя пусть не печалится и не сомневается: я ее очень люблю и буду любить до конца.

* Марфа Андреевна и Александр Михайлович Драченины — родители Зои Александровны.

ПИСЬМО ВТОРОЕ
3.11.41

Здравствуйте, дорогие мои Марфа Андреевна и Зоечка! Простите, что долго не писал вам: был все время в дороге, и не было городов, и опустить письмо некуда. Сейчас сдам дальше. Пишу на ходу, поэтому плохо. Получили ли вы мою открытку? Обо мне не беспокойтесь. Скоро напишу.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ
4.11.41

...Привет вам всем от меня и от красавицы матушки Волги. Очень соскучился о вас. Живы ли вы, здоровы ли, не знаю. А как хочется узнать. Моя милая Зоя, как ты себя там чувствуешь? Не больна ли? Поступила ли ты работать? Сколько еще вопросов, которые я хотел бы задать! Ну, да ладно, приеду на место, узнаете мой адрес — напишете. Простите, что несладко пишу. Очень трудно сейчас: перед глазами вы, нахлынули воспоминания.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ
28.11.41

Дорогая Зоечка, я тебя очень прошу, сделай мне одолжение. Я пишу маме письма, а может, дома их давно нет. Если они уехали и прислали свой адрес и если ты его знаешь, то напиши им, пожалуйста, что я жив, здоров и т. д., а адрес их пришли мне.

Милая Зоя, как плохо, что нет твоей фотографии большой. Пока довольствуюсь только теми, которые я взял. Каждый день перед тем, как лечь спать, смотрю на тебя. Ну ладно, будет. Иногда, да и почти всегда, эти строки обходятся для меня очень трудно: переживаю...

— А переживать-то тогда еще нечего было особенно. Все только начиналось, и пороха еще мы не нюхали. Это если из более позднего вспомнить, к примеру, то — да... Как под Волховом выбило почти всю нашу роту — всего трое осталось. Под Мясным бором бой. Раз шесть переходил тот бор из рук в руки. Или, скажем, разведка боем. Бывало такое: напролом шли к немцам. Нарочно себя обнаруживали и шли прямо на них, чтобы рассекретить огневые точки. Сами понимаете, не все возвращались.

А тогда что? Тогда для меня все только начиналось. Хотели определить в летную школу, но потом стали готовить из нас минометчиков. А минометы — «пятиалтынники», 50-мм калибр. Опорная плита, ствол и визир. Хитрого ничего не было в этом оружии. Зачетные стрельбы прошли. Тут уж маршевые роты стали комплектовать.

Погрузили нас в «телятники». Нары с двух сторон. Бочка с трубой, для обогрева. Рядом — жарко, подальше — холод. Тут уж чисто фронтовой запах пошел. От ремней, от сапог подгорелых.

Между прочим, в Коврове одели нас почти как офицеров. И полушубки дали новые, белые-белые. Даже ремни офицерские. Вот нас и путали. Погон-то не было еще. Вроде как офицеры. Мы, пацаны, и фасонили.

Только через два дня от фасона этого ничего не осталось, стала одежка черная.

ПИСЬМО ПЯТОЕ
25.02.42
ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ

Здравствуйте, дорогие и милые мои Марфа Андреевна (мама), Александр Михайлович (папа), Зоечка моя!

Я пишу в скобках «мама» и «папа», потому что для меня Вы, Марфа Андреевна, и Вы, Александр Михайлович, теперь как бы родные отец и мать, до чего я к вам привык и природился. А Зоя как бы стала моей сестрой. Да что и говорить, для меня вы все кажетесь такими близкими и родными, что нет слов, чтобы описать все это на бумаге.

Моя милая Зоя, как я тебе благодарен за твои письма! А я одном — твоя фотокарточка. Я не могу никак оторваться... Вспомнилось все то время, которое я проводил с вами вместе. Ну, да ничего, кончится война, и опять жизнь забьет ключом.

— Выгрузили нас где-то под Тихвином. А уже Тихвин наши взяли. Начали рыть окопы. Землянки копать. Дали нам оружие. Помню, все старались не винтовку, а карабин взять. Дали противогазы. Гранаты: «консервные банки» такие здоровые. Противотанковые. Неудобно с ними было на марше: все норовили куда-нибудь не туда сползти.

Потом помню — строй. Капитан говорит: «Коммунисты, шаг вперед! Комсомольцы, шаг вперед!». Я комсомольцем был. «Вот я, — говорит командир, — набираю в разведку. Кто желающий?»

И попал я в разведбатальон. А потом из нас сделали разведроту при штабе 65-й дивизии.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ
25.03.42

Ставлю вас в известность, что я жив, здоров и невредим. Был ранен, но уже вылечился, давно стою на ногах и продолжаю уничтожать врага. Будьте уверены, что не один уже десяток нашел себе могилу на нашей родной земле от моего автомата.

Сейчас я вспоминаю духом. Получаю от вас письма, получил письмо от сестры и два письма от мамы. Ну, прямо красота! Между прочим, третье тоже письмо, Зоенька, я прочитал в тылу у немцев. Метрах в 10—15 сидят они в блиндаже, а я вырыл себе окопчик из снега и тоже сижу — наблюдаю. Теперь уже не только этого блиндажа, но и на одного фашиста из него не осталось.

— Вот такие эпизоды, они больше всего запомнились. На войне нет деталей, из мелочей все и складывается.

Помню бомбежку одну, сильную. Мы занимали позицию у дороги Чудово — Новгород. Время было трудное. Так что больше не в разведке, а в обороне находился. А почему именно эту бомбежку помню...

Это случилось рано утром. Справа — лес с мелким молодняком. Слева — поле, пустое, белое, ровное. Километра на полтора тянется. Три дня подряд они бомбили. И все по этому месту. Все исковыряли, кругом черно.

А мы — рядом, в песочке. Немцы пунктуальны до крайности. Самолеты с интервалом минут в пятнадцать появляются. Идут строем, вытягиваются каруселью и один за другим пикируют. И бомбы сыплют. Видно их километра за полтора. И они летят на тебя. И вот помню: одна — кувырком. Может, стабилизатор испорчен был?

А на следующий день они пошли с танками...

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ
10.04.42

Мои дорогие, вы меня простите за то, что я вам редко письма пишу. Вы, конечно, понимаете, что времени у меня свободного очень и очень мало. Я бы рад написать, но сами понимаете...

На днях я послал вам 200 рублей денег. Лежали они в кармане без дела, без употребления — дай, думаю, пошлю их. А к тебе, Зоенька, просьба: сходи в кино, пригласи с собою подруг своих и скажи, что это я приглашаю их. И вообще, Зоенька, используй свободное время. Пофа Андреевна изобретает, какой ей сварить обед или ужин и из чего. В общем, как всегда, работы у вас по горло, так ведь?

— Им там было тяжело, чего говорить. Я так думаю, нелегче, чем нам. Нас все-таки на фронта получше кормили. И потом, как им приходилось? Когда почтальон идет, руки дрожат—что несет: радость или гора? Я считаю, что переживали больше в тылу. Потому что мы получали только хорошие письма, а от нас...

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ
БЕЗ ДАТЫ

Ты мне пишешь, Зоенька, мол, мужайся, Валя, и т. д. А ведь здесь для меня и для всех нет слов «смерть» или «жизнь», а есть одно лишь стремление больше бить проклятых врагов и знать их с нашей земли, с нашей Родины. Ты пишешь, Зоя, что я из Валястика-мальчика превратился в настоящего мужчину... Нет, я все такой же. Все так же шучу, смешу товарищей... (Конец письма не сохранился.)

— К ожиданию смерти человек привыкает. Но что интересно: из госпиталя вернулся — снова стал пулям кланяться. Надо же, перерыв-то совсем небольшой, а вот ведь. Но страх быстро проходит.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ
ФЕВРАЛЬ 1944

Наконец-то я смог вам подать весточку о себе. Наверно, вы меня давно похоронили. А я живой! Был я в тылу у немцев, в партизанском отряде. Сейчас мы вышли из тыла. Нахожусь в Ленинграде. Скоро напишу подробно, так как сейчас я только что прошел несколько сот километров, очень устал. Как получите мое письмо, то сразу же пишите ответ, очень жду. Как ты там, моя дорогая, живешь? Напиши все, побольше и скорее.

— Около полутора лет перерыв в письмах, видите. Даже сейчас представить страшно, что тут они пережили. А было так.

В конце 1942 года меня в числе других забросили со специальным заданием в тыл врага. Происходило это во время боя, очень жестокого. А в части друзья посчитали нас погибшими. Даже очевидцы нашлись того, как я упал. Случались и такие ошибки. Матери моей прислали похоронную, а Зое письмо: «Валентин после боя не вернулся». Под письмом подпись стояла — Михаил Середкин. Ты точно помнишь, Зоя? Середкин ли? Не спутала?

— Нет, точно. Середкин.

— Наверное, писарь наш. Ошибся.

— А хороший, душевный человек. Приписку сделал: «Хотите, вместо Валентина я буду с вами переписываться?» И пока ты не «воскрес», все время поддерживал меня. Два строчки всего пришлет, а как-то легче. Он многим, наверное, так писал. Характер настоящий. Интересно, жив он или нет? Свидеться бы, поговорить.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ
МАРТ 1944 года

Я еще от вас не получил ни одного письма. Наверно, потому, что мой адрес изменился. Как моя Зоечка поживает? Я ее не забыл, ношу уже третий год кольцо с ее именем. Ты, Зоечка, мне напиши обязательно.

опять ранили. Ранили легко, в ногу. Чувствую себя хорошо. Только скучно: мои товарищи получают на день одно, она, а то и три письма, а я — ни одного. Во всем виноват, конечно, мое положение: скитаюсь из одного госпиталя в другой. Сейчас, думаю, укрепился на месте. Пишу письмо, а мой сосед по койке беседует со своей женой. Она приехала из Москвы к нему. Завидую ужасно. Счастливые!..

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ
15.04.44

Наконец-то, наконец я получил от вас письмо, написанное дорогой рукой моей Зоеньки. О, какая радость — за два года получить весточку! Как с неба! Поверьте, не мог спокойно распечатать: руки дрожали. Мне кажется, что для меня это самый торжественный, самый радостный день во всей моей жизни!

Очень рад, что вы все живы и здоровы, за исключением моей второй мамы. Дорогая Марфа Андреевна, искренне, от всего моего любя-

Чем дальше уходят в историю 1418 дней войны, тем пристальнее внимание наше к каждому часу тех лет. И нельзя не согласиться с писателем Л. Успенским, который заметил: «Как хотелось бы... встретить хотя бы два или три томика «Записок» рядовых бойцов... Ведь каждый из них... является хранителем уникальных, потому что индивидуальных, воспоминаний, каждый помнит свое, неповторимое» [«ЛГ», № 33, 1974].

Сегодня мы предлагаем читателям ознакомиться с письмами участника Великой Отечественной войны В. Н. Кособокова к своей невесте Зое Драченинной и его воспоминаниями.

Сейчас Валентин Никопаевич и Зоя Александровна живут в Балашихинском районе Московской области. У них двое детей. Сын Александр работает техником в НИИ и учится на вечернем отделении Московского электротехнического института связи. Дочь Елена — ученица 10-го класса.

ЖДИ

В. П. Кособоков и З. А. Драченина, 1940 г. Фотография прошла с Валентином Николаевичем всю войну...

В. Н. Кособоков. Май 1945 г.

старайся отдыхать, повеселиться. А если эту мою просьбу ты не выполнишь, тогда, смотри, приеду, уши надеру: ведь я и немного постарше, так что имею право.

Зоя, передай привет мой горячий всем ребятам, девчатам, преподавателям моим.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ
18.05.42

У меня выдался свободный часок. Отдыхаю. Здесь, в лесу, хорошо. Сейчас 10 часов вечера, но птичий гомон не утих. Всюду раздаются чириканье и свист. Изредка этот напев прерывают разрывы снарядов и мин. Птицы, вероятно, привыкли. Сейчас прошел маленький дождик. Воздух чистый-чистый. Вдыхаешь его и думаешь, что у вас сейчас так же хорошо и приятно. Молодые да и старые березы распустили свои листья и уже шумят тихо, взбудораженные теплым ветром.

Мои товарищи пошли выполнять очередное задание, а я сегодня остался отдыхать. Больше месяца я не мог взять карандаш и написать вам хотя бы одно слово. Объясняется тем, что я был в таком положении, что, кроме автомата и гранаты, в руках ничего не держал.

Сейчас я — командир взвода. Ребята у меня хорошие. С ними я уже не раз получал благодарность от командования. Вообще, по-моему, они меня любят, и я их тоже. Скоро получим летнее обмундирование.

От сестры и от мамы я получаю письма, но они говорят, что я давно не пишу им. На самом деле я писал наравне со всеми, а маме даже больше. Правда, до сегодняшнего дня был большой перерыв: находился в тылу у врага.

Ты пишешь, Зоя, не скучаю ли я? А как ты думаешь? Очень. Но что сделаешь? Временами помечтаешь, помечтаешь, вспомнишь о вас — и как будто побывал у вас и видел вас всех. Как ты копаешься в огороде, как ты моешь полы, стираешь пыль с цветов, стульев и т. д. Мар-

Я сейчас уже снова нахожусь на передовой Ленинградского фронта. Не знаю, получили ли вы те две весточки, которые я вам послал? Одну из них написал еще в тылу врага, когда находился в партизанском отряде. Вторую — когда наш отряд прибыл в Ленинград. Там нас встретили с музыкой и назвали народными мстителями... (Конец письма не сохранился.)

— Хорошо нас приняли, очень хорошо. Накормили как следует. Отоспались мы. Обмундирование новое выдали. Опять полушубки чистые. А ведь пестрые пришли, одеты по-разному. Оружие тоже разное. А потом нам и говорят: «Ну, давайте, ребятки, хватит, отдохнули. Война еще не кончилась, давайте продолжать, ребятки...» А ты думала, я погиб.

— Не верила я, Валя, ни одной минуты я твою гибель. Под Новый год мы гадали. А я и говорю: «Мне гадать не нужно: Валя — живой».

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ
19.03.44

У меня снова изменился адрес, так что я не получил от вас ни одного письма. Меня

щего сердца желаю Вам выздоровления.

С прискорбием узнал о смерти моего любимого брата Толи. Что ж, судьба, да и к тому же — война.

— Нас пятеро было братьев да три сестры. Всего восемь детей в семье. Двое погибли — Толя и Саша.

Толя был главным инженером фабрики «Красная Роза». И когда прислали ему приказ записывать добровольцев с фабрики, он первой свою фамилию поставил. Пошел рядовым, пулеметчиком. Погиб под Москвой.

Что ж, судьба, да и к тому же — война.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ
23.04.44

Скоро выпишусь, наверное. Об отпуске даже в голове не держу. Не дадут, да и задерживаться нельзя: надо бить фашиста.

Ты пишешь, что Юра имеет два ордена. Поздравляю вас и его с наградами. Ну, а*

* Юрий Александрович Драченин — брат Зои Александровны.

На участке сборки

ПИСЬМА СОЛДАТА С ФРОНТА

МЕНЯ

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ
БЕЗ ДАТЫ

Милая Зоенька, поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе здоровья и хорошей жизни. День 28 апреля у меня врезался в память навсегда. 28-го я буду думать только о тебе. А мечты твои обязательно сбудутся, да и мои тоже. При условии верности друг другу. А в этом я уверен.

Прости, что так несвязно пишу. Это потому, что еще до ранения я был немного контужен. Да и много не напишешь: насчет бумаги здесь — ни за какие деньги не купишь! Не то что писать, но иногда и закурить невозможно. Ну, а в остальном все хорошо.

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ
2.05.44

Праздник провели хорошо. Были подарки: кисеты, носовые платки, пирожки и т. д. Мое здоровье хорошее, поправляюсь не по дням, а по часам. От скуки рисую коечто. Участвовал в оформлении госпиталя, остались мною довольны.

Вчера наши ребята, которые со здоровыми ногами, танцевали с девушками, сестрами. И я невольно вспомнил тебя. Были бы ты здесь, кажется, с больной ногой стал бы с тобой танцевать. Очень грустно, что ты от меня далеко. Целую тебя крепко.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ
10.05.44

В солнечный день выползаю на улицу подышать свежим воздухом. Нарисовал твою милую мордочку, пришлю тебе. Скоро опять на фронт. Пора...

— На войне, конечно, человек держится верой. Верой в победу, верой в правое дело свое. Верой в своих близких, дорогих людей. В то, что они не подведут. А все же человек — это человек. И у него бывают минуты сомнений: «Как они там? Ждут ли? Не забыли?» А потом вспоминаешь симоновское «Жди меня...» — эти стихи весь фронт наизусть знал: «Как я выжил, будем знать только мы с тобой, — просто ты умела ждать, как никто другой». И пишешь — отбросив минутное колебание. Им ведь тоже нелегко: надо подбодрить.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ
БЕЗ ДАТЫ

Очень сочувствую вам, что трудно вам живется. Но ты должна, Зоенька, жалеть мать и не пускать ее, по возможности, на тяжелые работы. Лучше сама приналяге. А война кончится, приеду, соберемся все вместе и будем вспоминать ваши труды.

Посылаю тебе свое произведение — твой портрет. Надеюсь, ты за него с меня не взыщешь, дорогая. Ведь условия, ты знаешь, какие: нет хорошей бумаги, карандашей и красок. Целую вас всех крепко-крепко, а Зоеньку 100 000 000 000 раз.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ
22.06.44

Сегодня исполнилось три года войны. Три года разлуки для сотен тысяч людей, разлуки с родными, близкими, любимыми. Да, как все это было давно, сто тысяч лет назад — милые встречи, любимые даты, ночь, резеда, сад... Фу, что-то в поэзию ударился: настроение такое, наверно. Ближе к жизни надо быть, к современной. Бить их надо, бить. И гнать.

Я раньше времени выписался из госпиталя, некогда разлеживаться. Сейчас нахожусь в запасном полку, на пути к фронту. Опять пойду в разведку. Так лучше, хотя и опаснее. Но привык.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ
16.10.44

Вы, наверное, волновались, да? Задержка писем была потому, что мы идем все вперед и вперед, а почта за нами не успевает. Так что не думайте, что я вас забыл. Если так подумаете, я буду глубока обижен. Ваш Валя.

— На Прибалтийский фронтах, да и на других, пошло такое наступление, что почта в самом деле за нами не поспевала. Только на машины садись. Только успевай адреса менять. Дорожная, словом, жизнь была.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ
17.10.44

Зоенька моя дорогая! Что-то ты стала реже писать мне. Уж не надоел ли я тебе? Может быть, ты полюбила другого? Не такого, как на этой карточке? Снимался, когда пришел из госпиталя. Сейчас немного посимпатичнее выгляжу. Все-таки оправился. Правда, седые волосы почему-то стали лезть. Я их уничтожаю, а они все лезут и лезут. Скоро еще сфотографируюсь, может быть, будет получше. А там, черт его знает: как ни фотографируйся — все равно, каким был, таким и остался.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ
31.10.44

Здравствуй, дорогая Зоенька моя! Недавно получил от тебя два письма, одно — с открыткой. Но почему ты выбрала открытку очень печальную? К чему это ты мне прислала именно ее? С таким изображением, где молодой человек стоит, понуря голову, и его невеста в обмороке. И картина эта озаглавлена «Прерванное обручение». Неужели и у нас с тобой все прервется? Уж не намекаешь ли ты мне на это? Я что-то не верю пока. Я и товарищу моему показал открытку, и он и говорит: «Почему она выбрала именно эту?»

— А ты мои письме товарищам читал!

— Как видишь, читал иногда.

— Юра вот тоже писал: «Как получим твое письмо, Зоя, так всем взводом читаем». А открытку такую послала, потому что другой просто не было. Не предполагала, что такое впечатление на тебя произведет.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ
23.12.44

Вчера приехал Жучков. Вручил мне от тебя платочки и полпачки папирос. Сознался, что не вытерпел, в дороге полторы пачки искурил, а водка, дескать, разбилась в кузове машины. А платочки все целы. Хотя он и напроказничал, но я его очень благодарил, что он исполнил мой наказ и передал тебе все, что я просил. О водке не жалею: пить я не мастер, да и не тянет, а папирос у нас хватает. Словом, не жалею — ведь не пропало, а человеку досталось, солдату.

— А я, честное слово, на Жучкова тогда не рассердился. Ну вот, ни кровешком душ. Мы ведь как привыкли жить? Все было на всех. Иногда котелков, ложек не хватало. Народ был коллективный. А тем более в разведке. В общем-то, все были друзья. На войне обязательно должны быть друзья. Война роднит людей больше, чем что-либо.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ
27.12.44

Поздравляю вас всех с Новым годом, желаю вам всего наилучшего, что можно пожелать на свете,—здоровья хорошего, жизни и успехов в работе. Я думаю, когда наступит Новый год, вы вспомните обо мне. И я вас прошу поднять (если будет вино) тост за меня, за моих товарищей.

А ты, Зоенька, закрой на минутку глаза, и тебе предстанется мой образ. Закрыла? Ну как, похож? Ты тогда сразу открой глаза, и поскорей, чтобы больше не представлялся тебе «такой образ», а то ночью не будешь спать. Счастья тебе и здоровья. Твой Валя.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ
4.01.45

Наконец-то я свободен пока. Вчера отоспался, поверь, до 12 часов дня. А сегодня пишу тебе письмо, но не такое, какие я до сих пор писал. Ведь я писал лишь в том случае, если у меня урывалась маленькая доля свободного времени. Я писал, торопился, фразы мои, вероятно, не были связаны грамматически, не говоря уже о логике. Но в них я вкладывал все мои чувства, все мои стремления к тебе. Правда, я их плохо выражал, потому что в голове моей лежали и другая забота — бить врага.

Я уверен в твоей любви ко мне и горжусь этим. Мои чувства к тебе останутся священными до конца. Как бы ты ни была далека от меня, мое сердце будет биться в такт с твоим. Думай всегда, что сдело на снеге живет часть твоей души — это я. Я не отдельное существо, я — часть тебя. Во мне всегда живет неудержимое стремление к тебе. Мои думы всегда о тебе. И если когда-нибудь тебе будет тяжело, если настигнут такие минуты, когда под ударом обстоятельств ты почувствуешь слабость духа, подумай обо мне, и ты услышишь мои мысли о тебе, и ты скажешь: что ты сделал за четыре года войны, какой сделал подвиг, чем отличился? И я не смогу сказать тебе ничего особенного. Правда, я все, что мог, отдавал на пользу Родины. Пулям не кланялся, выполнял все задания. В разгроме немецких захватчиков есть и моя миллионная доля труда. Но по сравнению с большинством она еще слишком мала.

— Сергей мой — человек знаменитый. О нем даже в военных мемуарах написано. Он был по связи, подполковник, и о нем маршал Переспыкин писал.

Не для регалий воевали, конечно, не для парада. А все же скажу, когда первый раз в начале войны оказался среди нас солдат с медалью «За отвагу», знаете, как мы на него смотрели! Ого!

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ
13.02.45

Вот мне часто приходит в голову такая мысль. Что если я жив останусь и приеду к тебе? Ведь я не смогу работать по своей специальности. Я все перезабыл, мне надо сначала начинать жить и учиться. Конечно, ты мне станешь помогать. Я горжусь тобой.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ
10.05.45

Здравствуй, дорогая Зоенька!

Поздравляю тебя с днем большой радости — Днем Победы, днем окончания войны. Желаю, дорогая, встретить тебя такой же, какой ты была до войны. Желаю тебя видеть здоровой, твердой, уверенной в своих действиях. День встречи нашей с каждым днем приближается...

Я думаю, ты меня встретишь как человека, как солдата, честно выполнившего свой долг.

— Тридцать лет прошло. Что-то забывается, конечно. Но главное в памяти осталось. Как выстояли, как победили. Как вору друг в друга через всю войну пронесли: «...ожиданием своим ты спасла меня» — это очень точно у Симонова сказано. А таких, как мы с Зоей,—миллионы. Поколение.

Валентин Николаевич и Зоя Александровна Кособоковы с детьми. Февраль 1975 г.
Фото А. ГУЩИНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Вы прочитали фрагменты из писем солдата В. Н. Кособокова к его невесте. Штемпель на первом конверте — 17 ноября 1941 года, на последнем — 10 мая 1945 года.

Публикацию подготовил специальный корреспондент «ЛГ» Леонид АЗАРХ

---

* Сергей Николаевич Кособоков — брат В. Н. Кособокова.

ПИСАТЕЛЬ ЧИТАЕТ ПОЧТУ

НЕПРИМЕТНОЕ МУЖЕСТВО

И. ИРОШНИКОВА

Прочитать эти письма — значит вновь и вновь убедиться, какие огромные запасы преданности и прочности тант в себе женские сердца. Мне довелось повидать некоторых из этих женщин.

...Живет в Москве Анисья Андреевна Бабкина — жена инвалида Великой Отечественной войны первой группы, старшего сержанта Алексея Артемовича Бабкина. В 1944 году санитар привез его из госпиталя домой.

Алексей Артемович контузило в боях под Будапештом. Контузия оказалась жестокой. И прочно вгнездилась в него на годы, дает себя знать мучительными, до потери сознания припадками. Поражение центральной нервной системы. Поражение позвоночника. Тут арсенал лекарственных средств, которым располагает медицина, оказался неэффективным. И нередко бывало так, что Алексею Артемовичу от лекарств становилось хуже. Врачи не сулили продлить ему жизнь. И не могли облегчить страданий.

А жена? Ну что же могла жена! Была всегда и безотлучно при нем — отказалась от хорошо оплачиваемой работы, от достатка. Научилась жить на его сержантскую пенсию.

«Никуда я не ходила, никого и ни о чем не просила, — говорит Анисья Андреевна. — Хотела лишь одного: продлить своему Алексею жизнь, облегчить сколько можно его страдания». И уверовав в лечебную силу трав, она обратилась к ним. Травы стойко пахли детством. Запах этот рождал надежду. Алексею Артемовичу становилось как будто легче. Но когда в доме у Бабкиных появлялись сестры Анисьи Андреевны и, от души желая дать ей передохнуть, принимались сами ухаживать за Алексеем Артемовичем, травы тоже переставали действовать. Было так до тех пор, пока Анисья Андреевна не догадалась, что их целебная сила для мужа — еще и в ее руках, в ее голосе, в тех словах, что она говорит ему. И тогда она поняла — для нее передышки не будет. Не положена ей передышка.

Тридцать лет прошло с того дня, как санитар привез Алексея Артемовича домой из госпиталя. Тридцать лет — это свыше десяти тысяч дней. И, соответственно, ночей. Ни одной из этих ночей не довелось Анисье Андреевне спать спокойно.

«Нет, не припомню я такой ночи, — говорит она. — Опасаюсь, сердце может не выдержать. Стала часто думать теперь об этом». И признается, понизив голос: «Страшиться стала, чтобы раньше Алексея не умереть...»

...Живет в Москве Евдокия Трофимовна Ефимова — жена инвалида Великой Отечественной войны первой группы, сержанта Ефимова Николая Никаноровича. Об их семье хотелось бы рассказать подробнее.

Когда Николаю Никаноровичу подошло время выписываться из госпиталя в глубоком тылу, где пролежал он около года после ранения, жены его в Москве не было. Вместе с детским садом, где она работала няней, Евдокия Трофимовна была эвакуирована из Москвы. И с той поры почтовой связи между нею и мужем не было, так как полевая почта Николая Никаноровича все время менялась. Поэтому перед выходом из госпиталя он написал письмо сестре, которую тоже, как и его жену, звали Евдокия. Из всей семьи Ефимовых она ему была, пожалуй, ближе других. В те невыразимо тяжкие дни, когда жизнь Николая Никаноровича, по которой шел он крепким и ладным парнем, находчивым в труде и, как оказалось, в бою, оборвалась жестоко, непоправимо, в эти дни ему было легче поделиться своей бедой именно с нею, Евдокией.

«Дорогая сестричка!» Так писал Николай Никанорович, а вернее — кто-то писал под его диктовку: «Дорогая сестричка! Я остался слепым. Как ты мне посоветуешь начинать жизнь?..»

...Он был ранен в бою на орловско-курском направлении в июле 1943 года. За этот бой Николай Никанорович был впоследствии награжден орденом Отечественной войны первой степени. Как его ранило, он не помнит. Очнулся, когда самолет стал садиться в Туле. Был Николай Никаноровичвесь в осколках. В госпитале определили, что попал он под минометный огонь.

Сестра не задержалась с ответом...

«Дорогой братик!

Хотя ты высказал свои мысли не до конца, я могу догадаться, о чем ты думаешь. Как же ты, имея за собою такую семью, как наша, мог подумать об инвалидном доме! Приезжай из госпиталя прямо ко мне. Вместе будем начинать жизнь...»

Но «такой семьи» уже фактически не было. Умер отец — попал под взрывную волну, когда бомбили Москву. Погиб на фронте брат Василий (брат Иван погиб под Берлином позже). Погибли мужья сестер, в том числе и муж самой Евдокии Никаноровны, Сергей. Обо всем этом сестра не посчитала возможным сообщить брату — у брата своя беда. Приедет — узнает, куда денешься!

Когда Николай Никанорович в сопровождении медсестры вернулся в Москву из госпиталя, жены его в Москве еще не было. В то время возвращались уже заводы и учреждения и можно было написать жене, поторопить с приездом. Этому Николай Никанорович воспротивился. Их жизнь решать теперь не ему — жене.

...Жили они до войны ладно и хорошо, хотя поженились в три дня. Произошло это так: Николай приехал в отпуск в деревню к старшей сестре. И... увез оттуда молодую жену.

Семья Ефимовых невестку одобрила.

«Она такая красивенькая была, — вспоминает теперь Евдокия Никаноровна. — Складненькая. Глаза синие. Волос темный — коса густая, длиннющая, до колен. Не глядя, что деревенская — в поле, на ветру, в любую погоду, а лицо у ней было до того нежное. И румянец не грубый, во всю щеку...»

(Осталось это в Евдокии Трофимовне, пробившись через годы, — и нежная окраска лица, и тонкость черт, своеобразная привлекательность облика...)

...Тридцать лет прошло с того дня, как вернулся из госпиталя Николай Никанорович. За это время выросла Ниночка. Закончила школу, техникум. В семье появился новый человек, Ниночкин муж. Федосов Женя — наладчик станков с программным управлением. (И Женя, и Ниночка особо подчеркивают это: с программным!) За это время Ефимовы переехали сперва в двухкомнатную, затем в трехкомнатную квартиру. Вскоре появился и маленький Сережа Федосов. И уж как только не придумает ласково назвать его Евдокия Трофимовна! А Николаю Никаноровичу все кажется, что Сереженька обделен вниманием. И он покрикивает на своих женщин: «Разбежались! Что мать, что бабка — всем некогда. К ребенку некому подойти...»

«...Я своей жизнью вполне довольна, — как бы подводя итог раздумчивым нашим разговорам, замечает Евдокия Трофимовна.—Мужем я могу только гордиться. Фронтовик и защитник Родины. Двадцать девять лет в одном и том же цеху на одном и том же месте. Работу свою выполняет первоклассно. У меня дочь, внук, зять... У меня — семья! — И повторяет: — Да! Я своей жизнью вполне довольна. Потому что я ей не поддалась. Я переборола ее».

А у Николая Никаноровича — забота. Тревожит его судьба жены. «За мной-то ей хорошо, — говорит он,— потому что я такой пробивной», — повторяет он с удовольствием, давая мне тем самым понять, что семья его, и все, что в семье, им достигнуто, его трудом. И Ниночка говорила мне, что отцу приятно бывает подчеркнуть это. И что мать, понимая, никогда не перечит. Разве только иногда скажет тихонько, с потаенной своей усмешкой, что, мелькнув в глазах, чуть трогает губы: «А я-то где же была?»

«За мной-то ей хорошо, но вот случись что со мной, — развивает свою мысль Николай Никанорович, — с чем же она останется? 27 рублей пенсии и все, поскольку неполный трудовой стаж. А почему — неполный? Что она — нетрудовой элемент? Да ей отовсюду грамоты, где она ни работала. А что в полную меру работать не могла, так это из-за меня. И вот какая ерунда получается. Мне к пенсии положено двадцать рублей по уходу, если за мной чужой человек ухаживает. А у меня такой нужды нет, за мной всю жизнь ухаживает жена. Но только чужому человеку начислялся бы трудовой стаж, а жене трудовой стаж не идет. Почему? Разве ж это не работа — уход за мной? И какая еще работа! Значит, если б ухаживала она за чужим человеком, числилась на работе, был бы у нее полный трудовой стаж, получала бы она пенсию 45 рублей. Все ж полегче было бы. А то как же она проживет на 27 рублей, если меня не станет?! Неужели она за трудную свою жизнь минимальной хотя бы пенсии не заслужила по полному трудовому стажу?!»

«На протяжении тридцати лет,—пишет в редакцию подполковник И. Ф. Бабенко,— моя жена, с которой прожили мы до войны всего 23 счастливых дня, все переживает вместе со мной. Она забрала меня из госпиталя, когда я не мог даже повернуться на кровати. Первые четырнадцать лет не работала из-за моего состояния. Помогла мне, лежачему, окончить Одесскую партшколу. И вот оказывается, что гигантский труд жены по уходу за инвалидом Отечественной войны первой группы никем не учитывается и никому, кроме самого инвалида, не нужен. Моей жене не хватает до пенсии четырех лет трудового стажа, хотя она тридцать лет несла меня, как тяжелый крест на своих плечах...»

Что можно добавить к этому? И нужно ли добавлять? Разве повторить, что жизнь этих женщин, их исполненный самоотречения уход за искалеченными войной мужьями, их неприметное мужество, что сродни подвигу, по праву, по справедливости заслуживает признания — общественного и государственного.

Группа ведущих ученых Уральского научного центра в турбинном цехе завода «Уралмаш». Фото Ю. РЫБЧИНСКОГО

В свое время именно так — «От идеи до машины» — мы назвали большое интервью с вице-президентом АН СССР академиком М. А. Лаврентьевым, положившее начало серии статей и репортажей о путях технического прогресса. Сегодня мы вновь возвращаемся к этой рубрике.

«Прогресс науки и техники — это главный рычаг создания материально-технической базы коммунизма, — говорил в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. — Вот почему в таком важнейшем вопросе, как развитие науки и техники, мы отчетливо должны видеть перспективы, учитывать из в практической работе».

В завершающем году девятой и в преддверии десятой пятилетки «Литературная газета» предполагает широко обсудить на своих страницах комплексную проблему «от идеи до машины», включая такие ее аспекты, как пути ускорения и оптимальной организации процесса внедрения научно-технических достижений, роль отраслевых исследовательских и проектных институтов, вопросы, возникающие в результате интеграции науки и производства, социальные и нравственные коллизии в ходе научно-технического прогресса, психологические проблемы творчества и реализации идей и т. д.

ОТ ИДЕИ ДО МАШИНЫ

«всего лишь» в 163 тысячи рублей...

А. ЦЕЛИКОВ,
академик, директор Всесоюзного ордена Ленина научно-исследовательского и проектного института металлургического машиностроения

ДАЙТЕ ИНСТИТУТУ ЗАВОД!

В XX ВЕКЕ сделано, вероятно, больше открытий и изобретений, чем за всю предшествующую историю человечества. Это значит, что переход от старого к новому, который еще не так давно был в жизни производства явлением редким, эпизодическим, сделался теперь нормой. Когда между открытием и его практическим использованием проходили века и тысячелетия, пять или десять лет ничего не решали. Сейчас же несколько лет часто решают все.

Чтобы справиться с новыми задачами, необходима хорошо продуманная, четкая система реализации открытий, изобретений, разработок. Отраслевые НИИ, КБ и СКБ с самого начала и мыслились как промежуточное, связующее звено, как мост между наукой и производством. На практике же нередко получается иначе. Разумеется, нетрудно найти сколько угодно примеров плодотворной работы отраслевых НИИ и КБ. Но если оценивать ситуацию в целом, то надо сказать определенно: подлинным мостом между наукой и производством отраслевые центры пока не стали. Почему?

Да, научно-техническим исследованиям у нас уделяется много внимания. Но, к сожалению, итоги этих исследований часто существуют как бы сами по себе и не оказывают существенного влияния на производство. Происходит это потому, что многие научные работники (в том числе и отраслевых институтов) не прилагают достаточных усилий, чтобы использовать полученные результаты на том или ином предприятии, предложения на машину (или прибор), конструирование, изготовление, испытание. Кажется, что звенья в этой цепи расположены строго последовательно. Если, однако, весь цикл работ выполняется одной организацией, какие-то стадии можно совместить или упростить. Можно, например, начать разработку технического предложения сразу же по завершении исследований. Можно приступить к изготовлению наиболее трудоемких (или сомнительных) узлов, когда конструирование второстепенных или типовых узлов еще не закончено.

Но особенно эффективно такое совмещение при одновременном выполнении нескольких работ. В этом смысле заслуживает внимания опыт «Энерготехпрома», о котором писали «Известия». Совмещение разных стадий разных работ (скажем, по типу сетевого графика) позволило бы резко сократить суммарный срок их окончания, полнее и рациональнее использовать материальную базу, снизить расходы.

Практика ВНИИметмаша свидетельствует, что отработку принципиально нового технологического процесса или машины можно завершить весьма быстро. Несколько лет назад в связи с механизацией трудоемких процессов в сельском хозяйстве возникла огромная потребность в цепных транспортерах. Понадобилось, в частности, в кратчайший срок организовать производство, способное давать ежегодно до 300 миллионов «пальцев». Мы подсчитали, что при традиционном технологическом процессе на токарных автоматах для этого потребуется 600 станков и соответствующее число людей.

Институт выбрал иной путь. По совету заместителя министра тяжелого машиностроения В. Кротова мы провели исследования принципиально новой возможности — изготовления «пальцев» методом винтовой прокатки. Сразу после получения обнадеживающих результатов было решено начать проектирование стана и параллельно — по первым чертежам и эскизам — его изготовление. В результате весь комплекс работ от идеи до работающей машины был выполнен меньше чем за год. Машина заменила 50 токарных станков и повысила производительность труда при изготовлении «пальцев» в 30 раз.

Разумеется, работы по каждому из звеньев могут выполняться и разными организациями. Но на практике это вряд ли целесообразно. Ни один из смежников не станет рисковать, и, значит, работа будет вестись строго последовательно. Скажем, конструкторское бюро не приступит к составлению технического предложения, пока исследование не завершено и полученные результаты должным образом не оформлены. Точно так же завод-изготовитель не запустит чертежи в производство, пока все они не будут закончены, получены и скомплектованы.

Но это еще идеальная схема. В действительности обычно возникают разрывы на стыках. Предложение на машину, разработанное организацией А, почему-то всегда не устраивает конструкторов организации Б. Так что между предложением и выполнением проекта возникает еще одно промежуточное звено — переписка.

Особенно же велик разрыв (чтобы не сказать: дыра) между проектом и изделием. Любая попытка включить в план промышленного предприятия изготовление новой машины наталкивается на барьер. Это понятно. У предприятий свой план, новая же техника отвлекает от дела квалифицированных исполнителей, лучшие станки, инженеров и практически «на план» не работает. Да и вообще, почему предприятие, специализированное на выпуске серийной продукции, должно заниматься изготовлением отдельных образцов? Для этого у него нет ни опыта, ни условий, ни времени.

Значит, одно из двух. Либо надо планировать (причем жестко и определенно) действующим предприятиям свободные мощности «под новую технику», либо дать такие мощности самим НИИ и КБ. Мне второе решение представляется более целесообразным по крайней мере с двух точек зрения: качества и сроков.

К этому надо добавить, что для успешного осуществления результатов исследования на практике требуются не только затраты труда — необходимы еще и уверенность, и известная смелость, и эти качества более присущи авторам исследования, нежели работникам завода-изготовителя, озабоченным главным образом выполнением своего производственного плана.

К примеру, опытный завод ВНИИметмаша изготовляет множество машин самой различной конструкции, причем в большинстве — принципиально новых. И тем не менее я не помню случая, чтобы в процессе пуска возникли какие-либо трудности и претензии. В частности, станы для прокатки труб и шаров, изготовленные на заводе, получили весьма лестную оценку во Франции, Швеции, ФРГ, США, Японии, Бразилии, где накоплен солидный опыт их эксплуатации. Многовалковый стан 700, спроектированный и изготовленный нами для Магнитогорского металлургического комбината, позволил освоить прокатку прецизионной полосы для кинескопов цветных телевизоров более высокой точности, чем импортная.

Еще нагляднее, пожалуй, выигрыш во времени. Работа, которая на опытном заводе выполняется за несколько месяцев, на обычном предприятии отнимает годы.

БЫТУЕТ, впрочем, и иное мнение. Многие руководящие работники плановых органов и министерств считают, что опытный завод, используемый преимущественно для экспериментов, для производства потерян.

Не станем иронизировать по поводу наивности такого противопоставления. Подобное мнение неверно по существу. Приборы и узлы, изготовляемые для экспериментальных целей, составляют не более 5—7 процентов в общей продукции опытного завода. Все остальное (93—95 процентов!) — это первые экземпляры опытно-промышленных машин (приборов) и промышленные машины из числа тех, что еще не освоены серийным производством. Как правило, опытно-промышленные машины после испытаний и доводки остаются на предприятии и становятся эффективным средством повышения его показателей. И последнее. Принимая на себя изготовление и доводку новой техники, работу весьма трудную и кропотливую, опытный завод в огромной степени ускоряет и упрощает собственно внедрение, то есть процесс освоения промышленными предприятиями новой продукции.

Если все это подсчитать, окажется, что использование части имеющихся мощностей для экспериментов и опытов не просто рациональную, а чрезвычайно выгодно.

Снажем, Московский опытный завод ВНИИметмаша (основные фонды — 6,2 миллиона рублей) изготовляет в год машины и приборы стоимостью около 9 миллионов рублей. Годовая прибыль от их эксплуатации — порядка 10 миллионов, средний срок окупаемости — 6 месяцев. Вряд ли кто-либо сможет назвать машиностроительное предприятие, чьи экономические показатели выше!

Казалось бы, о чем тут спорить? Но вот совсем свежий факт. Понимая значение опытного производства, министр тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения В. Жигалин передал в ведение ВНИИметмаша (кстати, головного института металлургического машиностроения) довольно крупный завод в Славянске. Решение это тем более опрометчиво, что на Московском опытном заводе накопилась уйма разработок института, ждущих своей очереди. Однако ряд работников министерства принял решение в штыки. Было сделано все, чтобы до предела загрузить славянский завод... производством устаревшего оборудования. А теперь подготовлен еще и проект решения об изъятии его из ведения института.

МЫ МАЛО занимаемся изучением связей в системе «наука — производство». До сих пор, к примеру, нет исследований по такой актуальнейшей проблеме, как выбор оптимального объема опытного производства в зависимости от отрасли, которую оно обслуживает. А ведь опытное производство — это тыл отрасли, без которого невозможно сколько-нибудь эффективное движение вперед.

У нас, в металлургическом машиностроении, опытное производство дает около 1,5 процента общего выпуска соответствующих машин и примерно 0,01 процента объема производства заводов черной металлургии. Думаю, и неспециалисту ясно, что процент далек от оптимума. А проще говоря, это мало, очень мало. Трудно даже представить, насколько повысились бы технический уровень производства и эффективность труда, если бы эти показатели были увеличены, допустим, в четыре-пять раз. Не берусь давать рецепты (вероятно, процент следует дифференцировать в зависимости от характера производства и других факторов), но, бесспорно, в любой отрасли опытная база должна быть достаточно мощной.

Это диктуется его задачами. Опытное производство должно изготавливать образцы новых машин и приборов высокого качества. И не только первые экземпляры, но и малые серии. Такого рода серийное производство, выгодное заводу экономически, ускорит широкое внедрение в производство созданных им машин.

Это тем более важно, что особой мобильностью наше машиностроение пока не блещет. Известно, например, что распознание эффекта деформации металлов и их порошков при гидростатическом давлении свыше 3 тысяч атмосфер может открыть новую страницу в производстве жаропрочных сплавов, быстрорежущей стали и пр. Однако страница эта пока остается закрытой. Созданные ВНИИметмашем семь лет назад промышленные образцы пресс-гидростата до сих пор не пошли в серию. Не смог преодолеть инерцию даже Госкомитет Совета Министров СССР по науке и технике...

Передача части мощностей институтам вовсе не означает, что для промышленности они будут «потеряны». Мощности эти должны, конечно, учитываться в производственном балансе страны. Думаю, что Госплан или министерства могли бы планировать опытным заводам общие объемы производства, а номенклатура — определяться руководством института, исходя из реальных потребностей.

«Дайте мне точку опоры, и я сдвину землю», — сказал Архимед. Сближение науки с производством, их прочный сплав и есть точка опоры, от которой зависит весь ход научно-технической революции.

А. ПИСЬМЕН,
кандидат химических наук

«ИНФОРМАЦИОННЫЙ ВЗРЫВ» — ЗАГРЯЗНЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ?

ЧТО ВЫ скажете о научной статье, которую никто ни разу не процитировал или процитировали один-два раза, да и то скорей всего сам автор, или его сотрудник, или догошный составитель обзора, решивший никого не обделить и не обидеть? Понимаемому, вы решите, что такая статья бесполезна.

Между тем, по данным «Индекса цитируемости», такие статьи составляют большинство. Это своего рода отходы науки. Впрочем, и обилие ссылок на статью, как любой формальный показатель, не служит гарантией полезности и высокого качества работы...

Конечно, производство отходов крайне нежелательно; при огромном размахе современной научной деятельности было бы очень ощутимо даже небольшое увеличение ее КПД. Над этим глубоко задумываются науковеды, организаторы науки и сами ученые и в нашей стране, и за рубежом. Здесь я хочу, однако, подчеркнуть другую сторону проблемы: отходы не только бесполезны, но и вредны.

Представьте себе обычный завод, с неизбежными отходами производства. Последние выбрасываются в дымовые и канализационные трубы, выкидываются в отвалы. Результат очевиден: загрязняется окружающая среда, о чем теперь так много пишут. Нечто подобное происходит сегодня и вокруг науки, хотя такое сравнение, может быть, несколько гиперболично. «Загрязнение среды» наиболее заметно в научных журналах. Если вы перелистаете, скажем, «Журнал Русского физико-химического общества» начала века или даже «Журнал физической химии» 30-х годов, то увидите там длинные, обстоятельные статьи и встретите имена авторов, не забытых и сегодня. Большинство современных научных журналов (которым самим несть числа) являет совсем иную картину. Статьи кратки, отрывочны и конспективны, и большинству их, как и подавляющему большинству авторских имен, суждено промелькнуть, не оставив следа.

Резкий рост числа публикаций принято называть «информационным взрывом». На деле это скорей похоже на рост терриконов вокруг шахт, с той, однако, разницей, что уголь и пустая порода в нашем случае сваливаются вместе.

Поиск ценной научной информации осложняется не только обилием статей, в которых таковая не содержится. Хорошие по существу работы, теснясь, как пассажиры в переполненном автобусе (ведь надо дать место работам худшим и просто плохим), сами подчас принимают в общей давке такую форму, что становятся совершенно неудобочитаемыми.

ПОТРЕБИТЕЛЬ чаще всего заинтересован в научной информации двоякого рода. Во-первых, ему нужна «дробная» информация — факты, формулы и прочий необходимый для работы материал, который было бы легко разыскать и пустить в дело. Во-вторых, информация обобщенная, дающая ясное и целостное, не чрезмерно детализированное представление о данной проблеме и путях ее решения.

В обычной научной статье бывают перемешаны частицы информации того и другого рода. Чтобы извлечь из нее «дробную» информацию, статью нужно разобрать на детали (да и то по настоящему ценные подробности придется лично выпытывать у автора). Сумев пригнать друг к другу несколько статей (или скорей несколько десятков с несовпадающими выступами и пазами), вы получите громоздкое и неудобное варианте подобие обобщенной информации.

Отрывочность и конспективность статей снижает их потребительскую ценность. Между тем на практике поощряется именно такая форма публикаций. Справиться с лавиной «информационного взрыва» пытаются, конденсируя, трамбуя и прессуя информацию. Но при такой обработке из нее вытекает сок, а «сухой остаток» может стать настолько сухим, что переварить его уже будет невозможно.

Как это ни парадоксально, решение проблемы может быть как раз обратным. Будем писать размеренно и неторопливо, как писали наши предки. Пусть все, что мы сделали, будет у читателя как на ладони. Не стоит экономить бумагу в ущерб смыслу.

Бумага — это, разумеется, больной вопрос. Сейчас публиковать подробные и обстоятельные статьи журналы не могут за недостатком места. Но все ли должна терпеть журнальная бумага?

Прежде всего надо разделить разные виды информации. «Дробная» информация нужна считанным людям, но зато им она нужна в самой детальной форме. Уже сейчас существует подходящий для этого способ публикации — депонирование в ВИНИТИ. Пока им мало пользуются, так как оно, с одной стороны, хлопотно для автора, а с другой — дает вроде бы неполноценную публикацию. Чтобы этот способ привился, необходимо превратить его в основной канал фактической информации, обеспечив широкое и систематизированное оповещение о содержании депонированных работ.

При этом существующие журналы освободили бы свои страницы для обобщающих статей. Размер их можно и не ограничивать, но зато от них следует непременно требовать не просто фактической, но идейной новизны. Если широко публиковать только действительно обобщенную и идейно значимую информацию, то, возможно, выяснится, что никакого «информационного взрыва» в деле нет, а существует лишь загрязнение традиционных каналов информационными потоками, которые следовало бы направить в иное русло.

Особо стоит вопрос о широких обзорах и монографиях. Активно работающий ученый может сейчас взяться за их написание только, как говорится, из любви к искусству, так как это не вменяется никому в обязанность, стоит массы хлопот, а если и оплачивается, то совершенно непропорционально вложенному труду.

Другой, очень нужный, но недостаточно уважаемый жанр — «популярная» статья или книга высокого уровня, рассчитанная на ученых, работающих в других областях науки. Широта кругозора, воспитываемая такой литературой, — лучшее противоядие от «крупноблочного загрязнения» научными безделушками.

ДЕЛО, конечно, не в изобретении панацеи от всех болезней системы научной информации. Конкретные формы «лечения» могут быть самыми разнообразными. Принципиальный момент заключается в том, что следует стремиться к такой организации системы публикаций, которая давала бы ощутимые преимущества наиболее ценным и с потребительской, и с творческой точек зрения формам научной информации.

Кто-то сказал, что гриль — это вещество не на своем месте. Отходы перестают быть отходами, если их можно вовлечь в цикл производства. В применении к науке этого можно добиться, сделав «дробную» информацию максимально доступной путем ее рациональной классификации и по объектам, и по методам исследования. Широта круга потребителей «дробной» информации, выдаваемой ученым, равно как и качество производимой им информации более высокого класса могут служить критерием эффективности его работы.

В чистом окружении лучше работается, и само наведение чистоты воспитывает полезные навыки. Горы фактического и расчетного материала подобает, как следует рассортировав, помещать в надежные хранилища, откуда полезные сведения могли бы быть легко извлечены, а бесполезные — без хлопот переправлены в Лету. На виду должны остаться методы и идеи, излагаемые без невнятицы и скороговорки. Если практически осуществить эту программу, окрестности науки будут лучше приспособлены для работы и познавательных экскурсий.

С. АЛЬТОВ

ШКУРОСНИМАТЕЛЬ

Главная наша задача, чтобы все бытовые неудобства доставляли людям радость!

Соковыжималки, кофеварки, петлеподъемники, занозовытаскиватели и многое, многое другое, что вам и в голову не придет, делаем мы!

Никогда не забуду одну штучку.

Где-то в 69-м году придумали мы удивительную вещь — шкуросниматель «Сказка-24». Сбылась вековая мечта домохозяек! Наш шкуросниматель легко и непринужденно чистил яблоки, апельсины, картофель, рыбу и дичь! «Сказка-24» выгодно отличалась от предыдущих шкуросимателей, которых еще не было. Цена аппарата была 2 рубля 40 копеек.

Получили премию за изобретение — другие бы успокоились, а мы нет! И уже через год смогли предложить покупателям новую новинку — шкуросниматель универсальный «Вихрь-5». Наш «Вихрь» не только чистил овощи, фрукты, рыбу и дичь, но и прекрасно циклевал полы!

Смонтированный в удобном кресле, «Вихрь» прекрасно вписывался в любой интерьер и, кроме того, развивал на прямом участке пути небывалую для шкуросимателей скорость — 80 километров в час!

«Вихрь-5» выгодно отличался от предыдущего. Цена, если не изменяет память,— 148 рублей 20 копеек.

Еще полгода, я вот вперед вами новый, модернизированный шкуросниматель «Геракл-8»! Благодаря подводным крыльям и китобойной пушке шкуросниматель не только чистил все яблоки и груши, рыбу, дичь и полы в радиусе двух километров, но и позволял охотиться на акул и медведей! «Геракл-8» выгодно отличался от всего того, что было создано ранее. Стоил он 882 рубля с копейками.

Год ушел на выставки, симпозиумы, дележ опытом. Наконец, мы снова вернулись к своему детищу! И создали на базе него новое детище — шкуросниматель «Уют-22»!

Это был не шкуросниматель, а игрушка! Приятная окраска стен, встроенная мебель, смелое решение санузла! Да что говорить! 1543 рубля покупатель платил не даром! Этот шкуросниматель выгодно отличался от всего того, что было создано у нас и за рубежом! Тут было на что посмотреть! По желанию покупателя к «Уюту-22» прилагался приусадебный участок. Казалось бы — предел! Однако мы получили столько писем от населения, что вынуждены были снова взяться за шкуросниматель и сделать так, чтобы он удовлетворял самым взыскательным вкусам!

И уже сегодня вы можете увидеть на прилавках магазинов новый образец шкуросимателя «Дружок». Удобная форма ручки и острое лезвие обеспечивают прекрасное снятие шкуры с яблок, картофеля, редьки и прочего.

Теперь со шкуросимателями покончено.

Мы работаем над автоматической двухколесной пудреницей с распылителем и питанием от сети напряжением 220 вольт. Думаю, что наши пудреницы явятся для покупателей настоящим сюрпризом!

4 декабря 1974 года в «ЛГ» было опубликовано письмо писателя Олега Волкова под заголовком «Чем дальше в лес...», адресованное министру лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР И. Тимофееву. Писатель указал на ряд недостатков в деятельности лесозаготовителей и задал И. Тимофееву вопрос о том, готово ли министерство организовать работу своих предприятий в районе Байкало-Амурской магистрали на строго научной основе. Сегодня мы помещаем ответ министра.

МИНИСТР ОТВЕЧАЕТ ПИСАТЕЛЮ

ЛЕС НЕЛЬЗЯ ЗАПИРАТЬ В «КЛАДОВУЮ»!

Многоуважаемый Олег Васильевич!

Среди природных богатств, которыми располагает наша страна, лесные ресурсы по своему народнохозяйственному значению являются одними из важнейших. Нам принадлежит первое место в мире по запасам древесины, площади лесов, а также по объему в них заготовок, восстановительных и лесохозяйственных работ.

Эксплуатация лесов в нашей стране находится на разных стадиях развития, начиная от заготовок в местах, только что ставших доступными, до районов, где заготовка древесины осуществляется многие десятилетия (центральные районы европейской части СССР).

В первые годы Советской власти экономические возможности освоения новых массивов были еще очень ограничены. Эксплуатировались в основном леса в центральных и южных районах европейской части страны.

В настоящее время неосвоенных лесов в северных районах европейской части СССР уже не осталось. Вовлечены в планомерную эксплуатацию новые массивы в Сибири и на Дальнем Востоке.

Однако и сейчас равномерное освоение лесных ресурсов одновременно на всей территории страны экономически не оправдано, поскольку это связано с необходимостью одновременного же строительства огромного количества специальных дорог, производственных зданий, сооружений, жилья, коммуникаций, с затратами капитальных вложений в миллиарды рублей, которые окупятся лишь за многие десятилетия.

Неосвоенные леса сосредоточены в северной половине азиатской части страны. В этих массивах властвуют лишь законы природы: деревья растут и погибают, а на их месте постепенно, естественным путем появляются новые. Процесс этот протекает медленно, иногда прерываясь различными стихийными действиями природы (пожары, вредители леса и др). В неосвоенных местах ежегодно гибнут миллионы кубометров древесины. Преобладание спелых и перестойных деревьев ведет к неудовлетворительному санитарному состоянию лесов.

Наличие в стране более 55 миллиардов кубометров спелых и перестойных насаждений (60 процентов всех лесных запасов) оправдывает народную поговорку: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Единственным путем преобразования спелых и перестойных лесов (а естественно, и главной задачей в нашем деле) является сокращение их площади и создание массивов с равномерной возрастной структурой, обеспечивающих высокую продуктивность лесов. Поэтому появление молодых насаждений, которые отдельные литераторы называют «мелколесьем», есть неизбежная стадия выращивания нового поколения лесов, которые по своей продуктивности и защитным свойствам будут значительно превосходить спелые и перестойные древостои.

В последнее время не только у любителей леса, далеких от теории и практики этой отрасли хозяйства, но даже среди отдельных специалистов появились взгляды, согласно которым для сохранения и приумножения зеленых богатств необходимо запретить на значительной площади их рубку, в том числе рубку спелых и перестойных деревьев. Подобного рода предложения напоминают запрещение пользоваться водой в колодце с целью ее накопления. Это запрещение не увеличит уровня воды, однако она будет становиться все более застойной, не пригодной для употребления. Так и запрещение рубки, особенно спелых и перестойных насаждений, не способствует накоплению ценных древесных запасов.

Лесные ресурсы относятся к восстанавливаемым, причем интенсивность и характер восстановления тесно связаны со способом и степенью их использования. Иначе говоря, лесопользование и лесовосстановление — взаимообусловленные и взаимосвязанные процессы. Лесопользование — это многосторонний процесс. Он характерен прежде всего тем, что рубка изменяет ход роста леса и его развитие, создает нужную возрастную структуру древостоев и тем самым приводит к повышению продуктивности зеленых массивов.

В этой связи нельзя признать удачным неоднократно проводимое Вами сравнение лесных ресурсов с лесной «кладовой». Этот художественный образ больше подходит для невосстановимых природных ресурсов.

Раз включив леса в эксплуатацию, мы уже не можем ее прекращать, не можем запирать их в «кладовую». Как продукт живой природы дерево проходит все жизненные стадии. В процессе эксплуатации за ним необходимо следить, не допуская оставления его на корню до стадии распада, когда оно обесценивается и пропадает и как предмет производительного труда, и как полезный элемент окружающей нас среды.

Теоретически это положение обосновано давно. Практически оно подтвердилось опытом выделения лесов первой группы, в которой прекращена нормальная эксплуатация. Фактически была заперта в «кладовую» под замок огромная площадь (более 115 миллионов гектаров) с запасами спелых и перестойных насаждений около 5 миллиардов кубометров.

На территории европейской части СССР каждый четвертый гектар находится в лесах первой группы с ограниченным режимом пользования, что привело к накоплению больших площадей и запасов спелых и перестойных древостоев, в значительной степени утративших свои защитные функции и качество древесины. Поэтому с точки зрения биологической, экономической, а также и защитной настала необходимость омоложения лесов первой группы. Их надо спасать, а для этого — извлечь из «кладовых». Иначе пройдет еще немного времени, и их уделом будут сплошные санитарные рубки. А чтобы освоить имеющиеся в первой группе запасы спелой и перестойной древесины, потребуется при нынешних объемах заготовок почти 110 лет.

Вы правильно, Олег Васильевич, отмечаете, что литераторов не может не волновать будущее русского леса и что заботу о бережном использовании и приумножении этого народного богатства они считают своим долгом.

Настоящее и будущее русского леса в не меньшей степени, чем литераторов, от имени которых Вы обращаетесь ко мне, волнует, конечно, рабочих и инженерно-технических работников нашей отрасли, отдающих свой труд, опыт и знания не только заготовке, но и восстановлению лесов. Вопросы охраны зеленого океана, рачительного использования и приумножения его богатств имеют для нас особое значение. Ведь это сырьевая база лесозаготовительных и лесоперерабатывающих предприятий, и от того, является ли она стабильной или сокращающейся, зависит будущее сотен наших предприятий, а значит, судьбы работающих на них людей и наиболее рациональное обеспечение потребностей народного хозяйства в древесине.

Вы говорите, что некоторые районы потеряли свое «лесопроизводящее» значение на многие годы. Данные учета свидетельствуют об обратном. Покрытая лесом площадь за последние 20 лет возросла на 42 миллиона гектаров, общие запасы насаждений — на 17,9 миллиарда кубометров, в том числе запасы хвойных — на 12,8 миллиарда кубометров. Запасы спелых и перестойных насаждений увеличились на 13 миллиардов кубометров, в том числе хвойных — на 10 миллиардов кубометров.

В динамике лесосырьевых ресурсов твердо определилась положительная тенденция на увеличение площади лесов и их запасов (в том числе по хвойным насаждениям) не только в целом по стране, но и в Европейско-Уральской зоне, где сосредоточено 68 процентов всех наших заготовок. Причем за последние два с лишним десятилетия было заготовлено и поставлено народному хозяйству около 8 миллиардов кубометров древесины преимущественно хвойных пород.

Вы считаете, что самые богатые и ценные «лесные кладовые» уже отдали существенную часть своих запасов. Но ведь для того и ведется их эксплуатация, чтобы они ежегодно отдавали часть запасов для удовлетворения потребности народного хозяйства в древесине. Вы доводите до сведения читателей «Литературной газеты», что «лесная кладовая» Вологодской области уже отдала существенную часть своих богатств. Но вот о чем говорят цифры. В 1960 году в лесах Вологодской области, находящихся в ведении государственных органов лесного хозяйства, было учтено 445 миллионов кубометров спелой и перестойной древесины, из них 350 миллионов кубометров — хвойной. За прошедшие 12 лет эта «кладовая» отдала (было вырублено и поставлено народному хозяйству) 190 миллионов кубометров в основном хвойной древесины, а в 1972 году здесь было учтено уже 465 миллионов кубометров спелой древесины, из них хвойной — 350 миллионов кубометров. Это свидетельствует, что оскудения лесного потенциала области нет. Вологодчина не потеряла своего «лесопроизводящего» значения. Для использования лиственной и низкокачественной древесины там построены заводы древесноволокнистых и древесностружечных плит. Строится вторая очередь Шекснинского завода мощностью 220 тысяч кубометров древесностружечных плит в год. Действующие и строящиеся заводы по переработке низкокачественной, преимущественно лиственной, древесины будут производить продукцию, равноценную 1,5 миллиона кубометров деловой древесины хвойных пород.

В чем же дело, недоумевают многие ценители лесов? Почему, несмотря на рубку, запасы древесины увеличиваются? Происходит это потому, что лес, как уже говорилось, — восстановимый продукт живой природы. Он воспроизводит себя сам, но еще лучше — с помощью человека. Только предприятия министерства с 1966 по 1974 год провели восстановительные работы на площади 6 миллионов гектаров, что составляет 29 процентов от всего лесовосстановления в стране.

Вы пишете о «напористом вторжении в легкодоступные и особо охраняемые леса», ярким примером чего считаете разрешение рубок главного пользования в водоохранных лесах первой группы в верховьях Волги, Днепра и Западной Двины. Но в этих районах нет заготовительных предприятий нашей отрасли, за действия же других Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР, естественно, отвечать не может.

Наша страна более полувека назад первая в мире покончила с частной собственностью на леса. Этим была устранена главнейшая причина того безудержного их уничтожения, которое было характерно для дореволюционной России. Только в европейской части России за период с конца XVII века до 1914 года площадь зеленых массивов сократилась с 204 миллионов гектаров до 159 миллионов, причем наибольшее сокращение произошло в пореформенный период в районах относительно быстрого развития капитализма. Это исторический факт.

А о беспощадной эксплуатации крестьян на заготовках леса Вам, наверное, известно из трудов В. И. Ленина.

Я рекомендовал бы Вам, Олег Васильевич, посетить Мостовской леспромхоз Калининской области и Крестецкий леспромхоз Новгородской области, где Вы могли бы ознакомиться с современным направлением работ и получить ответ на сделанное Вами сопоставление об опыте мануфактурщиков и наших современных лесозаготовителей.

Строительство Байкало-Амурской магистрали даст возможность вовлечь в эксплуатацию значительную площадь сибирской и дальневосточной тайги (примерно около 40 миллионов гектаров) с запасами древесного сырья около двух миллиардов кубометров.

По трассе железной дороги проектируется строительство лесопромышленных комплексов, включающих в себя крупные высокомеханизированные заготовительные предприятия постоянного действия и перерабатывающие производства, обеспечивающие комплексное промышленное использование заготовляемой древесины, включая отходы.

Само собой разумеется, что проектами будут предусмотрены, а затем построены, в соответствии с требованиями нашего времени, благоустроенные поселки для рабочих, служащих и инженерно-технических работников.

«До сих пор в лесистых областях ведутся условно-сплошные рубки, признанные давно невыгодными и вредными для леса», — пишете Вы.

Условно сплошные рубки, когда часть лиственных деревьев остается на лесосеке, являются вынужденными, обусловленными экономическими возможностями отдаленных районов и отсутствием сухопутных транспортных путей. В этих районах около 70 миллионов кубометров заготовленной древесины вывозится на молевой сплав. При сплаве же лиственной древесины, в значительной степени поврежденной гнилью, она теряет плавучесть и тонет. Для перевода всех предприятий на сухопутный транспорт и использования 11—13 миллионов кубометров лиственной древесины, которая, кстати, не имеет полного сбыта даже в Центральном районе, потребуется, по расчетам института «Гипролестранс», затрата более 3 миллиардов рублей. В настоящее время народное хозяйство не в силах пойти на такие затраты, которые не могут быть экономически эффективными.

Кроме того, среди ученых, изучающих влияние условно-сплошных рубок на последующие лесовосстановление и формирование насаждений, нет единого мнения на этот счет. Одни считают, что при таких рубках сохраняется лесная среда и успешнее протекает процесс восстановления ценных пород, другие отмечают отрицательную селекцию и повышенную захламленность на лесосеках. Поэтому столь категоричное утверждение, что эти рубки «признаны давно невыгодными и вредными для леса», преждевременно.

Министерство проводит систематическую работу по снижению молевого сплава древесины. С 1965 по 1973 год он прекращен по 941 реке и озеру общей их протяженностью 29 тысяч километров. Это позволило за девять лет сократить объем молевого сплава на 38 миллионов кубометров.

В последующие годы в соответствии с народнохозяйственным планом, а также строительством лесоперерабатывающих производств и дорог объемы молевого сплава, а следовательно, и условно сплошных рубок будут постепенно сокращаться.

Несмотря на огромные потенциальные возможности наших лесов, предприятия министерства делают многое, чтобы потребность народного хозяйства в древесине удовлетворялась за счет более полного использования заготовляемого древесного сырья, без существенного увеличения рубок. К сожалению, не все замечают те перемены, которые произошли в использовании лесосырьевых ресурсов и комплексной переработке древесины.

В завершающем году девятой пятилетки предусмотрено планом производство 3,6 миллиона кубометров древесностружечных плит, 237,5 миллиона квадратных метров твердых древесноволокнистых плит, 7,4 миллиона кубометров технологической щепы для целлюлозно-бумажной промышленности и другой продукции, заменяющей деловую древесину. И все это будет произведено за счет использования малоценных, лиственных пород и отходов заготовок, обработки. Выпуск указанной продукции будет эквивалентен заготовке более 40 миллионов кубометров деловой древесины и увеличится за пятилетие на 65 процентов. Все это позволит сберечь от рубки более 220 тысяч гектаров лесов. Конечно, в системе министерства есть еще предприятия, где отходы производства используются не в полной степени. В этой связи уместно сказать и о Ново-Михлаковском лесокомбинате, о котором пишете и Вы, Олег Васильевич. Здесь построен завод древесноволокнистых плит, организуется производство технологической щепы, и с пуском его на полную мощность все отходы будут использоваться для производства эффективных заменителей деловой древесины. Пример этот далеко не единичный. Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР объединения «Кареллеспром», «Запуралдревпром» и другие полностью используют древесное сырье.

«Сплошное вырубание лесных массивов, ведущее к их истощению и деградации», можно с Вами согласиться, дело, конечно, бесперспективное. Сказать о нем что-либо более конкретное не имеется возможности, поскольку такое «сплошное вырубание» у нас в стране нигде и никогда не имело и не будет иметь места, так как на месте вырубок проводятся большие работы по лесовосстановлению. Труженики государственных лесозаготовительных предприятий прекрасно понимают многоцелевое значение наших зеленых богатств как источника получения древесины для удовлетворения неотложных нужд народного хозяйства, а также важнейшего компонента биосферы, выполняющего многогранные функции защиты окружающей среды. Их забота о сохранении леса находит свое выражение не только в том, чтобы сберечь деревья от рубки. Рано или поздно то или иное дерево надо рубить, иначе оно бесполезно погибнет. Но они твердо убеждены в том, что при правильном ведении хозяйства лес может и должен являться стабильным источником получения важнейшей продукции — деловой древесины, различных строительных и других материалов, целлюлозы, картона и бумаги — и выполнять защитные функции (водоохранные, санитарно-гигиенические, климаторегулирующие, эстетические и др.).

Не будет преувеличением сказать, что подлинная забота о будущем лесе начинается на лесосеке. При правильной ее разработке обеспечивается не только полное использование выращенной древесины, но и создание необходимых условий для того, чтобы эта площадь не пустовала, а на ней начало расти новое поколение деревьев. Большое значение при этом имеет сохранение жизнеспособного подроста. Рожденный инициативой Героя Социалистического Труда Геннадия Денисова в костромских лесах, метод разработки лесосек узкими лентами успешно обеспечивает сохранение подроста и молодняка, сокращает на 10—15 лет выращивание насаждений. Эта технологическая схема была усовершенствована заготовителями Удмуртии, Скородумского леспромхоза на Урале и в леспромхозах Сибири и Севера. В этом мы видим заботу заготовителей в организации рационального использования лесных ресурсов, основанного на принципах непрерывности лесопользования и воспроизводства лесов и полного удовлетворения потребностей народного хозяйства в древесине.

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза говорил: «Ставится задача без существенного расширения объемов лесозаготовок значительно увеличить выпуск того, что составляет конечный продукт этой отрасли,— лесных материалов, целлюлозы, бумаги, картона, мебели, древесных плит».

Труженики леса прилагают все свои силы, чтобы обеспечить выполнение поставленной задачи, ибо они хорошо понимают, что этот путь обеспечит не только сохранение, но и приумножение наших лесных богатств.

Н. В. ТИМОФЕЕВ,
министр лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР

Итак, выявились две различные точки зрения.

Редакция предполагает продолжить разговор о рациональном использовании лесных ресурсов страны и надеется, что вопросы, затронутые в выступлениях писателя О. Волкова и министра лесной и деревообрабатывающей промышленности Н. Тимофеева, заинтересуют наших читателей и они выскажут свое отношение к обсуждаемым проблемам.

Письмо в защиту волка

ПИРАТЫ ИАИ САНИТАРЫ?

Волки не сразу обратили внимание на тревожный гул: в небе часто сейчас грохочут блестящие птицы, но они не садятся в тундре. Эта же неслась совсем близко. Почуяв неладное, звери бросились врассыпную. Трое выбежали на озеро, а опытная волчица повернула к темневшему неподалеку лесу. Но птица понеслась наперерез ей и настигла. На ровной глади озера Курыгекантыйлор птица накинулась на двух самцов.

Настал черед последней волчицы. И тогда она, поняв, что и ей не избежать той же участи, остановилась и, оскалившись, прыгнула на врага. Но гром ударил вновь, и все было кончено...

На заготовительном пункте состоялось вскрытие. Огромные тела распластались от потолка до пола. Крупные клыки, лапы, густой, грубый мех — внушительные атрибуты северных зверей.

Мне сказали в конторе: эти волки съели массу совхозных оленей. Накануне в одной бригаде зарезали шестнадцать голов, в другой — не меньше. Если судить по актам, на каждом хищнике должен быть слой сала толщиной не менее чем в четыре пальца. Но, право же, звери были худы... «как волки».

Мне вспомнились улыбки на лицах некоторых коренных жителей, когда речь заходила о волках.

Листаю северные блокноты, еще раз смотрю и сравниваю цифры. Ямало-Ненецкий округ, совхозы «Байдарацкий» и «Россия». В первом — стадо в 18 тысяч голов оленей, во втором — в 16 тысяч. А затравлено волками оленей в один год соответственно 789 и 411. Почему такая разница? Совхоз «Казымский». Два отделения: в одном потери 400 голов, в другом — 150. В чем дело? Неужели олени в этих отделениях сделаны из разного материала?

Главная причина таких контрастов — в отношении к делу оленеводов. Почти каждая потеря — результат их недисциплинированности. В своей диссертации В. П. Макридин, бывший сотрудник Ямальской сельскохозяйственной станции, пишет: «Нападение волков в период присутствия в стаде пастуха редко заканчивается гибелью большого числа оленей, так как, заметив панику в стаде, пастух немедленно примет меры к отражению нападения».

С директором совхоза «Казымский» М. И. Вокуевым мы вели беседу о волках.

— Конечно, дисциплинированный и умелый пастух отразит их нападение, — соглашался Михаил Иванович, — но нас тревожит другое: кое-где уже научились списывать на зверей свою бесхозяйственность, прикрывать хищения. Тысячи людей на газопроводе, и среди них есть любители полакомиться свежим мясом. При этом научились заметать следы лучше волков. Съедят оленя, а все рожки да ножки сожгут в костре.

Как видим, волк становится уже и... «козлом отпущения».

В волке видят лишь один лик пирата. И забывают, что природа отвела ему благородную роль санитара, исцелителя многих болезней животных. Он призван чистить землю от тех, кто плохо бегает, летает, ползает, от того, что гниет, разлагается. Уничтожая больных животных, он спасает от заражения, а следовательно, и от вырождения зайцев, тетеревов, куропаток, лисиц, песцов, лосей, диких оленей. В ненецкой тундре, где волки почти истреблены, оленеводы утверждают: стало больше больных диких оленей, которые так или иначе заражают домашних сородичей; трупы павших некому убирать, и коварные болезни стерегут стада на пастбищах.

По данным охотоуправления, на громадных просторах Тюменщины, где может разместиться несколько европейских государств, обитает всего около 300 волков.

— Боюсь, что скоро придется покупать и завозить их на Север, — серьезно сказал мне один охотовед.

Вторгаться в природу надо активно, но — умело и бережно. Безусловно, регулировать число хищников мы должны. Но первое слово следует отвести не ружью, а науке.

Р. СМИРНОВ
Тюмень

ПРОЗА ОБ АРЫКАХ

Испокон веков арыки были гордостью и предметом особой заботы жителей среднеазиатских городов. Из них горожане брали воду для питья, для приготовления пищи. Арычной водой поливались сады, огороды, цветники. О журчащих арыках поэты Востока слагали баллады и поэмы. А. Навои воспел их в своей бессмертной поэме «Фархад и Ширин»:

Когда по этой вашей
приютом вод,
Вниманье используя
весь народ.

И современные поэты не обводят их своим вниманием.

Вдоль арыков растут,
красивы,
Шелковицы и тополя.
Разделенная на массивы,
Слышит дехканина земля,
Как бегут арыки, бурля,
Свой напев повторяя
всегдашний...

— пишет Мирмухсин.

Это поэзия. Но есть и проза. В местных газетах проза об арыках публикуется обычно под весьма многозначительной рубрикой «Письма в редакцию». Не стану здесь цитировать подобные публикации — все они вопиют об одном: в арыках нет воды!

Несколько лет тому назад я жил на Железнодорожной улице. Как тогда бойко текла вода по арыку! А что я увидел здесь сегодня? Арык там модернизирован — в плане научно-технического прогресса, — его берега забетонированы. Но арык... пуст. И обочина, взрослая в свое время травой, выглядит сейчас голой, пыльной.

Вот уже 30 лет, как я живу в Ташкенте. Его облик неузнаваемо изменился за это время. Я помню, как копали озеро в парке Победы, строили стадион «Пахтакор». На моих глазах росли новые жилые кварталы на Чиланзаре, на Каракамыше, Бешагаче, Юнус-Абаде, Ав-Тепе...

Сотни объектов промышленного, культурного и социально-бытового назначения, более двух миллионов квадратных метров жилой площади построено в столице Узбекистана только с начала девятой пятилетки. Ташкент растет, хорошеет с каждым днем. И в то же время, как это ни парадоксально, многие городские кварталы с какой-то неукротимой последовательностью отдаются на растерзание пыли и солнцу.

Среди ташкентцев бытует убеждение, что их город — самый зеленый в Средней Азии, что это настоящий город-сад. Но, к сожалению, это далеко не так. Посудите сами. На каждого жителя Ташкента приходится не более 5 квадратных метров зеленой поверхности. Это в 5 раз меньше, чем в Алма-Ате, в 6 раз меньше, чем во Фрунзе, в 8 раз меньше, чем в Киеве. Даже минимальная норма — 10 квадратных метров. Конечно, во время землетрясения в 1966 году сильно пострадал и зеленый наряд Ташкента. И все-таки...

В чем же загвоздка? Она, мне думается, — в арыках.

Строители Главташкентстроя оставили без арычной воды весь новый жилой массив Юнус-Абада. Старую оросительную сеть они засыпали, а новую взялись было строить, да бросили. И здесь из-за отсутствия воды в арыках гибнет огромный сквер. С болью в сердце смотрел я на засохшие елочки и сухие тополевые прутики, что торчат сейчас на пустыре, словно в укор тем людям, которые о них забыли.

Гибнет без воды сад у кинотеатра имени 50-летия Ташсовета, высохли тополевая роща по улице Энгельса, молодые дубки по улице Шота Руставели, саженцы, высаженные по обочинам Алмалыкского шоссе.

Бездействует арычная сеть в жилых кварталах Чиланзара, Каракамыша... Велик этот грустный список потерь.

Да разве только в Ташкенте? Такую же картину я увидел и в Фергане. Глохнут арыки и в Бухаре, в Андижане...

И поскольку надежды у горожан на арыки нет никакой, то им приходится поливать зеленые насаждения, высаженные возле своих домов, водопроводной водой. Льется, рекой льется ценная водопроводная вода. Подсчеты, которые сделали работники отдела водосбыта треста «Водоканал», показывают, что во многих домах Ташкента воды расходуется вдвое-втрое больше нормы...

Нет, арыки еще нужны. Рано сдавать их в архив.

В. ТЮВИКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

ГЕЛЬМУТ ШМИДТ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 6-Й СТР.

Я хотел бы добавить еще один абзац. Выше я подчеркнул, что не только Московский договор, но и четырехстороннее соглашение представляют собой важный общий, единый фактор развития политики разрядки во всем мире, и я полагаю, что точно так же смотрит на это и советская сторона. Относительно четырехстороннего соглашения я, однако, хотел бы еще добавить, что его строгое соблюдение и полное осуществление всеми сторонами составляют одну из основ для дальнейшего роста доверия, точно так же, как необходимо и строгое соблюдение обеими сторонами Московского договора. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы заверить читателей Вашей газеты в том, что мы и в дальнейшем будем придерживаться этого принципа строгого соблюдения и полного осуществления и что мы также не стремимся к какому-либо изменению статуса Берлина (Западного).

ВОПРОС. После заключения Московского договора экономическое сотрудничество СССР и ФРГ развивается вполне успешно. Советско-западногерманская торговля растет хорошими темпами. И все же, господин федеральный канцлер, как отмечалось во время Вашего визита в Москву, наши страны в этом отношении находятся лишь в начале пути. Каким представляется Вам наш общий «торговый путь» в ближайшие годы?

ОТВЕТ. Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что Вы совершенно правы, говоря, что торговый обмен между нашими странами развивался весьма благоприятно, я бы даже сказал, как свидетельствует статистика торговли ФРГ, необычайно благоприятно в сравнении с нашим торговым обменом с другими государствами. В 1971 году объем товарного обмена в денежном выражении составил 2,9 миллиарда марок, в 1974 году он увеличился до 8 миллиардов марок. Иными словами, за три года он возрос почти втрое. Для внешней торговли Федеративной Республики Германии это совершенно необычный рост. Я не уверен, что в ближайшие десять лет нам удастся добиться девятикратного увеличения. Но я почти не сомневаюсь в том, что в ближайшие десять лет мы вправе ожидать дальнейшего роста, который намного превысит средний уровень развития нашей внешней торговли.

Правда, высказывать подобные ожидания и надежды мало, надо еще кое-что делать для их осуществления. И тут — об этом нельзя умалчивать — имеются трудности, коренящиеся в принципиальном различии наших систем. У вас решение по поводу любой внешнеторговой сделки принимают правительство или, соответственно, другое официальное учреждение. У нас же партнером в любой сделке, в любом проекте выступает не федеральное правительство, даже не министерство, а, к примеру, фирма «Мерседес Бенц», или фирма «Крупп» или же любая другая, возможно, даже небольшая фирма способная, однако, поставить необходимый товар,—как правило, частная фирма. Во многих случаях это может быть также предприятие, находящееся в собственности государства, — например, фирма «Зальцгиттер» или же «Ховальдт» в Киле, такие тоже бывают.

Но даже тогда, когда фирма принадлежит государству, то и в этом случае она сама решает, какие товары она хочет и может поставлять или же какие товары она хочет и может приобрести и каким способом она намерена финансировать эту сделку. Федеральное правительство оказывает в таких случаях помощь, но решающее слово ему не принадлежит.

Правильно строить отношения между соответствующими органами наших фирм и вашего государства уже научились многие из наших государственных служащих и многие наши фирмы. Многим же другим этому еще предстоит научиться.

Развитие торговли за последние три года, однако, показало, что подобные трудности преодолимы, и потому я полагаю, что в будущем они могут преодолеваться еще успешнее, в особенности потому, что в народнохозяйственном отношении обе наши страны очень хорошо могут друг друга дополнять.

Мы хотели бы в возрастающем объеме получать от вас энергетические ресурсы, нефть, природный газ, возможно, также и электроэнергию — обеими сторонами уже ведется работа над крупным проектом: предполагается построить в вашей стране электростанцию, которая будет поставлять нам ток. Мы хотели бы получать также и сырьевые материалы, которые пройдут первую стадию обработки, требующую больших затрат энергии, на территории Советского Союза, а потом уже будут экспортироваться в Федеративную Республику Германии.

Как известно, у нас нет своего, немецкого, сырья; кроме каменного и бурого угля, у нас практически ничего нет. Но ведь этим вы располагаете сами, это вам не нужно от нас. Вы заинтересованы в том, чтобы получать от нас машины и капитальное оборудование, возможно, даже целые фабрики, целые электростанции. А мы тем и живем, что поставляем другим государствам высокопроизводительную промышленную продукцию или же капитальное оборудование, чтобы, в свою очередь, иметь возможность оплатить наш импорт сырья.

Я думаю, что налицо прочная основа для рассчитанного на долгие-долгие годы взаимодополняющего экономического обмена.

ВОПРОС. Конечно, торговый обмен в его классической форме уже не может в полной мере удовлетворить требования сегодняшнего дня. Все большее значение приобретают такие новые формы экономического обмена, как совместное осуществление крупномасштабных проектов, налаживание промышленной кооперации, сотрудничество в разработке природных ресурсов. Какие из крупных совместных проектов, на Ваш взгляд, наиболее перспективны?

ОТВЕТ. Я согласен с мнением, высказанным Вами. В сущности, в моем ответе на предыдущий вопрос я уже обрисовал тенденцию развития, которая представляется мне вероятной и желательной и которую я хотел бы поощрять.

Если же Вы спрашиваете меня о наших крупных совместных проектах, то я охотно назову — и в первую очередь хотел бы выделить — два из них, а именно: Курский металлургический проект, а также проект сооружения атомной станции на советской территории, причем оборудование впоследствии частично было бы нам оплачено путем поставки электроэнергии.

Но мне представляется необходимым подчеркнуть также, что крупные проекты очень важны потому, что они означают крупный шаг вперед как бы «за один раз», и еще потому, что чисто психологически они имеют столь большой вес в сознании людей. Однако по меньшей мере столь же важны, как два, три, четыре крупных проекта, сто или даже тысяча одновременно осуществляемых более мелких проектов, более мелких шагов на пути развития товарного обмена. Весь объем внешней торговли никогда не может исчерпываться одними крупными проектами; чет, масса торгового обмена остается из многообразного тысячеликого потока товаров, непрерывно текущего как в одном, так и во встречном направлении, — и то же время только подобный тысячеликий поток способен обеспечить достаточное число контактов между людьми с обеих сторон.

ВОПРОС. Известный публицист Себастиан Хаффнер писал недавно в журнале «Штерн»: «Сегодня торговля с Россией могла бы принять гигантские масштабы и, возможно, даже в условиях мирового экономического кризиса обеспечить нам полную занятость». Разделяете ли Вы, господин федеральный канцлер, эту точку зрения?

ОТВЕТ. Я считаю эту мысль правильной, хотя я не стал бы употреблять такое выражение, как «гигантские масштабы». Но мысль сама по себе правильная — что занятость промышленности и занятость работающих по найму в промышленности Федеративной Республики Германии, естественно, опираются на расширение нашего экономического обмена с Советским Союзом, как и на расширение нашего экономического обмена с ГДР и другими восточноевропейскими государствами. Я не хочу умалчивать об этом. К тому же это один из многих аргументов, с помощью которых я доказываю Немецкому бундестагу, как и общественности моей страны, почему мы заинтересованы экономически, заинтересованы и с точки зрения политики занятости —как я всегда говорю в этой связи — в расширении торговли с Советским Союзом.

ВОПРОС. В каких областях мировой политики усматриваете Вы, господин федеральный канцлер, возможности дальнейшего сотрудничества, с тем чтобы сделать разрядку необратимой?

ОТВЕТ. О самой главной области сотрудничества между обоими нашими государствами мы уже говорили. Это система политических договоров вкупе со всей работой, ведущейся на этой основе, и система экономического сотрудничества. Помимо этого, необходимо назвать многостороннее поле деятельности, которое уже некоторое время совместно «распахивается» на Женевском совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе—как я надеюсь, оно будет успешно завершено летом этого года.

Упомянув о Совещании по европейской безопасности и сотрудничеству в Женеве, поскольку слово «сотрудничество» входит в само его название, и поскольку в круг вопросов, рассматриваемых им, включен также вопрос о многостороннем экономическом сотрудничестве, я хотел бы подчеркнуть следующее: спад мирового хозяйства, надеюсь, приведет к тому, что мы сообща начнем ломать голову над взаимосвязями мирового хозяйства, над старыми и вновь возникшими проблемами.

Советский Союз вместе с другими государствами — членами СЭВ представляет собой очень весомый фактор в мировой экономике. Я не хотел бы показаться невежливым, но я верю, что Советский Союз в будущем еще больше осознает свою международно-экономическую роль.

Федеративная Республика Германии играет в мировой экономической политике первостепенную роль. В этой области — и только в этой — мы являемся мировой державой.

Я полагаю далее, что в тех районах планеты, где существует острая опасность для мира, нужно в более тесном и лучшем контакте, чем до сих пор, добиваться сохранения мира. Сказанное в отношении не столько к Федеративной Республике Германии сколько к крупным политическим мировым державам. В любой сфере будь то переговоры об ограничении стратегических вооружений, или же Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, или, надеюсь, в ближайшие годы многосторонние переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, ведущиеся в Вене, очевидно, что заключение соглашений или закрепленных договорами урегулирований предпочтительнее скрытого постоянного противопоставления сил — и в этом можно было также убедиться на примере Московского договора и четырехстороннего соглашения. Необходимо осознать, что это относится и к другим сферам, таящим в себе какую-либо опасность.

В указанных сферах роль Советского Союза, конечно, неизмеримо весомее роли Федеративной Республики Германии. Мы не мировая держава. Мы государство среднего масштаба. Однако мы стараемся полностью внести вклад в эту работу. Мы осуществляем это в сотрудничестве с нашими партнерами по Европейскому сообществу. Кстати, я считаю, что происходит соревнование между процессом экономической интеграции в Европейском сообществе и экономическим процессом, протекающим в рамках СЭВ. И хорошо было бы, если бы можно было позаботиться о том, чтобы обе эти крупные экономические организации не только состязались в продуктивности и конкурировали между собой, но и установили бы организованные связи и положили бы начало взаимодополняющим процессам обмена между ними.

ПЕРИСКОП

Женщины Панамы вышли на демонстрацию протеста против засилья американского империализма.

Фото из газеты «Вариант» (ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН)

«Сокращайте ваши прибыли, а не рабочие места», — требуют от монополистов женщины — участницы демонстрации в Нью-Йорке.

Фото из журнала «Уорлд мэгэзин» (США)

Еще одна демонстрация арабов в Иерусалиме была разогнана израильской военщиной и полицией. Среди арестованных — женщины и дети.

Фото из журнала «Нойе берлинер иллюстрирте» (ГДР)

Демонстрация алжирских женщин. Плакаты призывают к борьбе за социальный прогресс, против неоколониализма.

Фото из журнала «Нои донне» (ИТАЛИЯ)

Молли ГЛЕЙЗЕР

«ПРАВА» ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ БЕСПРАВИЯ

«ПОДАЙТЕ ДЕСЯТЬ ЦЕНТОВ ДОКТОРУ НАУК»

ИСПОВЕДЬ АМЕРИКАНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ, КОТОРАЯ В СОРОК ВОСЕМЬ ЛЕТ, ИМЕЯ ДОКТОРСКУЮ СТЕПЕНЬ И ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ СТАЖ НАУЧНОЙ РАБОТЫ, ОКАЗАЛАСЬ НЕНУЖНОЙ УНИВЕРСИТЕТУ ШТАТА КАЛИФОРНИЯ.

СТАРЫЕ стиральные машины, разбитые автомобили, горы рваных покрышек и другой хлам загромождают свалки Америки. Кое-что из этого еще можно использовать. Например, вышедшую из моды одежду, старые игрушки, различные машинки и приспособления, которые действуют, но считаются устаревшими. К этому разряду относятся и люди.

Мне сорок восемь лет.

Моя специальность — физическая химия.

Я потеряла работу в Калифорнийском университете, потому что мои исследования были прекращены из-за недостатка средств.

Я пыталась найти работу в пятидесяти различных местах — и везде получила отказ. Ну что же, можно устроить себе творческий отпуск, пока не подвернется какая-нибудь вакансия. Мое жизнь приобретает приятное однообразие: по утрам я читаю, я полдень — пишу, по вечерам — выпиливаю из фанеры.

Но в один прекрасный день моему спокойствию приходит конец. «Дорогая доктор Глейзер, — читаю я в письме из отдела пенсионного обеспечения Калифорнийского университета, — если вы оставите все ваши сбережения на текущем счету и по достижении 55 лет захотите получать из них ежемесячное пособие, то его размер будет составлять 24 доллара 90 центов до конца жизни...».

А между тем плата за квартиру в следующем месяце повышается сразу на 10 долларов.

Я обращаюсь еще в добрый десяток мест. Меня даже не вызывают для беседы. И по утрам я начинаю работать трижды в неделю в крошечной ремесленной лавчонке, где приходится сидеть, поджав ноги, на полу, а выручку прятать в старую коробку из-под сигар. Никакого постоянного оклада нет. От каждой покупки мне полагается двадцать процентов.

«Молли, почему бы тебе самой что-нибудь не смастерить, потом продашь на ярмерке в день Четвертого июля?» — спрашивает один из ремесленников.

И в ближайшее воскресенье в 7 утра я спешу в Пойнт Ричмонд. Мне удается наторговать на 28 долларов. В субботу и воскресенье я мотаюсь на попутках по ярмаркам. Но я все меньше и меньше выпиливаю из фанеры. Такая работа отнимает слишком много времени, чтобы давать какой-то доход, и я постепенно превращаюсь в ручную фабрику латунных побрякушек. Мне ни разу не удается заработать больше 30 долларов в неделю, а этого мало.

Я знакомлюсь с ремесленниками и их жизнью. Пишу о них статью, переделываю ее шесть раз и посылаю в «Калифорния лиаинг». Недостаточно широко, говорит редактор. Я беру еще девять интервью, выбираю три новых и расширяю статью. Месяц работы. 125 долларов. Все равно не хватает.

Разносится слух, что дорожная полиция нанимает людей, которые будут переводить детей через дорогу возле школ. В полицейском участке мне выдают желтый плащ для плохой погоды и оранжевую куртку для хорошей. Около начальной школы дети вкладывают в мои руки бархатные ладошки и, покуда я конвоирую их через дорогу, делятся со мной своими секретами.

Объявление в «Беркли газетт»: «Работа до рождества — торговля по телефону. Опыт не требуется. Комиссионные. Заработки выше среднего, покуда не найдете работу по специальности. Звонить 843—2921».

Набираю номер.

— Это мистер Холт? — спрашиваю я.

— Да.

На следующий день меня приводят в помещение, где дюжина мужчин сидит перед телефонами, около каждого лежит стопка карточек с именами и телефонами потенциальных покупателей. Все кричат в полный голос.

— Говорит Эл Честер по поручению клуба пожарников Беркли. Клуб устраивает детское представление в пятницу, 18 сентября. Деньги пойдут в фонд помощи сиротам и вдовам пожарников. Билет стоит один доллар. Могу я записать вас на икс билетов?

Эл, мой сосед, дает мне несколько советов. Икс зависит от того, насколько, по вашему мнению, состоятелен клиент. Подчеркните, что вы говорите по поручению клуба пожарников Беркли, иначе фирму могут обвинить в умышленном обмане, а вас — тут же уволить.

Я быстро набираюсь опыта. Люди покупают больше по утрам, а это время и надо нажимать. Самая податливая публика — бизнесмены, но они не любят покупать у женщин. По служебным телефонам лучше не звонить.

Однажды я не набираю номер, записанный на карточке. Вместо этого я звоню одному лауреату Нобелевской премии из Калифорнийского университета.

«Говорит доктор Глейзер». Секретарша немедленно соединяет меня с ним. Голос у него удивленный. Я рассказываю ему о своих злоключениях.

— О, да, да...

— И вы считаете, что это правильно? — я уже кричу.

Рядом со мной все затихли. Я обрушиваю на лауреата поток слов. Из своей комнаты выходит мистер Холт. Он кладет мне руку на плечо. Я стряхиваю его руку и кричу в трубку:

— Значит, по-вашему, так и должно быть? В таком случае вся ваша система моральных ценностей требует пересмотра.

Вечером того же дня я звоню другому лауреату Нобелевской премии. Трубку поднимает его жена.

— Говорит доктор Глейзер. Я потеряла работу в университете в прошлом году.

— Вы должны молиться богу, — отвечает она. — Вы должны найти работу — собирать фрукты или убирать квартиры...

Теперь я уже пишу свои статьи довольно быстро, подложив под бумагу русский перевод моей работы «Термохимия сталеплавильных процессов»*. Мне удается продать десяток статей и заработать 395 долларов.

Я получаю письмо.

«Дорогой друг, — читаю я, — с радостью сообщаем вам, что мы рассматриваем вопрос о включении вашего имени в девятое издание справочника «Кто есть кто среди американских женщин». От имени редакции разрешите мне поздравить вас с достижениями, которые сделали возможным рассмотрение вопроса о включении вашего имени в это издание».

— Мэм, — говорит клерк в библиотеке Калифорнийского университета, — ваш читательский билет просрочен.

Чтобы возобновить его, нужно 10 долларов.

Я автор четырех технических монографий и 10 статей по моей специальности. Имея двадцатилетний стаж научной работы, я зарабатывала несколько меньше, чем школьный учитель, пользовалась трехнедельным отпуском один раз в год, могла быть уволена через две недели после предупреждение, не имела прав на пенсию и социальное обеспечение. У меня нет такого чувства, что я задолжала университету эти 10 долларов.

Неужели ничего нельзя поделать? Я пересекаю лужайку и захожу в здание физического факультета. Спрашиваю разрешения позвонить из приемной декана. Звоню Гленну Сиборгу**. Его секретарша сочувственно вздыхает. Может быть, Сиборг зачислит меня в свой штат, предлагаю я, и не будет мне платить, а я смогу тогда получить бесплатный читательский билет? Еще несколько сочувственных вздохов. Входит секретарша декана — средних лет, краснолицая, потная.

— Вы занимаете наш телефон.

— Одну минутку.

— Нам нужен телефон. Поскорее. Ну, вешайте трубку!

Я направляюсь к двери. Но, по ее мнению, я иду недостаточно быстро. Она хватает меня за руку и тащит к выходу.

— Как вы смеете меня трогать! Я подам в суд за нападение! — кричу я.

Полицейский офицер Пеппер без всякого энтузиазма выслушивает мою жалобу.

— Я разберусь, — обещает он.

Через час он звонит мне. В голосе его звучат успокаивающие нотки.

— Сегодня очень жаркий день, — говорит он. — И все-таки вы ведь ослушались ее. Неужели вы хотите, чтобы мы обвинили пожилую женщину в нападении?

— Я хочу, — отвечаю я мрачно, — получить бесплатный читательский билет в библиотеку.

Возвращаясь домой, я прохожу мимо клуба своего факультета. Я давно уже не видела никого из коллег. Останавливаюсь, потом вхожу.

— Я пришла, чтобы взорвать это заведение, — бросаю я клерку, сидящему у входа.

Захожу в столовую, беру чашку кофе и подсаживаюсь к группе немолодых профессоров. Они обсуждают проблему растворимости металлов в силикатных шлаках.

— Нет, — говорю я, — температура плавления вольфрама на 2500 градусов. Вольфрам плавится при температуре свыше 3000 градусов.

В разговор вступают все собравшиеся. Для меня освобождают местечко поуютнее. Я снова у себя дома.

Входят два здоровенных полисмена. Один опускает свой и без того низко расположенный центр тяжести на стул рядом со мной. Другой усаживается напротив.

Наступает неловкое молчание.

— Мэм, — обращается ко мне один из них, — можно поговорить с вами минутку на свежем воздухе?

Он вынимает записную книжку.

— Вес?

— Девяносто восемь фунтов.

— Рост?

— Пять футов.

Еще им нужно знать девичью фамилию моей матери.

— Нас вызвали потому, что вы грозились взорвать это заведение, — говорит он. — Но я вас знаю. Гуляйте себе по улицам вместе с другими бездельниками. А сюда вам больше нечего соваться.

Я получаю письмо из Американского общества по изучению металлов. В нем — корректура титульных листов двух моих последних книг. Том первый: «Избранные величины термодинамических свойств элементов». Том второй: «Избранные величины термодинамических свойств бинарных сплавов».

Звонит знакомый — он нашел для меня исследовательскую работу в школе здравоохранения. 2 доллара 87 центов в час. За ланчем знакомлюсь с новыми коллегами: Майк — молодой доктор медицины, Крис — студент последнего курса и профессор, возглавляющий проект. Каждый из нас должен провести восемь четырехчасовых бесед и составить отчеты. Майк полон энтузиазма. Я замечаю, что они просто еще не начали стареть.

Неожиданное молчание. Майк спрашивает, сколько мне лет. Сорок восемь. На его лице написана искренняя радость. У него больше шансов, чем у меня. Ланч окончен, и я оказываюсь в затруднительном положении. Приходится заплатить один доллар десять центов.

Когда мы являемся в офис, секретарша профессора приходит в ужас.

— Ни в коем случае нельзя брать на работу этих! — широким взмахом руки она указывает на нас. — Ведь нужно встречаться с людьми, наладить рекламу! А эти — один чикано, другой черный...

Я делаю отчаянные попытки устроиться на работу. Везде лгу. Говорю, что мне тридцать восемь лет, а не сорок восемь, что я не доктор наук. Я решаю покрасить волосы. Серия телефонных звонков. В компании «Аэромет», «Стауффер кемикл» и уже третий раз в «Стандард ойл».

Никакого толку.

Дописываю свою последнюю статью.

— Мэм, — говорит клерк в университетской библиотеке, — ваш читательский билет просрочен.

Опять нужно 10 долларов, чтобы возобновить его.

Я поворачиваюсь и решительными шагами пересекаю зеленую лужайку перед церковью. Колокол звонит к полуденной службе. Отовсюду спешат на обед студенты. Я стою около факультетского клуба.

— Подайте 10 центов на читательский билет безработному доктору наук...

Кое-кто подает. Одна седая старушка с добрым лицом говорит своим приятельницам:

— Давайте поможем ей.

Она вручает мне доллар. Останавливается профессор с моего факультета:

— Да я вас знаю!

Двадцать пять центов переходят из его руки в мою. Проходит меньше десяти минут. Я подсчитываю деньги. Два доллара 65 центов. Быстро прикидываю в уме. Я не получала столько за 10 минут, когда работала химиком.

Но больше я не могу выдержать. Ухожу. Останавливаюсь у Северных ворот, сажусь на каменные ступеньки. Будущее выглядит очень туманным.

— Что-нибудь случилось? — старческий голос выводит меня из оцепенения.

Мне сорок восемь лет. Прошло уже более трех лет с тех пор, как я потеряла работу. Доктор Уилсон, профессор в отставке, вежливо выслушивает меня. В конце [illegible] разводит руками и вздыхает. У него уже [illegible].

— Попробуйте обратиться в «Стандард ойл».

Американский журнал «Харперс»

* В Советском Союзе работа М. Глейзер (в соавторстве с профессором Д. Эллиотом и В. Рамакришной) была выпущена в 1969 году издательством «Металлургия».

** Известный американский ученый-физик, лауреат Нобелевской премии.

ПО ВЕЛЕНИЮ ДОЛГА И СЕРДЦА

НА ДАЧЕ Цолы Драгойчевой. Родопы. Они всегда неожиданны. Напротив нас две горы, как крылья гигантской птицы, расправляемые для полета. И воздух, напоенный горами и лесом, мгновенно снимающий усталость. На лице Цолы Драгойчевой такое выражение, будто она, как и мы, впервые видит эти крылатые горы. В мир природы она входит свободно, с открытой душой, точно так же, как входит она в мир книг, музыки, живописи, зодчества. Ее общественно-революционная и политическая работа неотделима от эстетических переживаний. Потому каждое ее выступление перед народом не только волнует умы, но и потрясает сердца.

Восторг от соприкосновения с миром прекрасного, как мы видим из книги ее воспоминаний «По велению долга» *, поддерживал, укреплял ее волю к революционной борьбе и в самые трагические минуты ее жизни.

...Мне хотелось поговорить с Цолой Драгойчевой о ее дружбе с Андреем Николаевичем Туполевым.

Туполев умер в конце декабря 1972 года, а в начале января 1973 года я получила от него письмо, посмертное письмо. Потрясенная, я не верила своим глазам. Оказывается, незадолго до смерти, лежа в больнице, он читал мою книгу «На Старой Планине». В те дни ему хотелось прочесть, услышать о Болгарии — так велика была его любовь к этой стране.

Письмо Туполева мне прислала его внучка Юлия Владимировна Иржевская с такой припиской:

«Пересылаю Вам письмо, написанное Андреем Николаевичем Туполевым за несколько дней до смерти, ошибочно помеченное ноябрем. Возможно, это одно из его последних писем».

Вскоре в болгарской газете «Работническо дело» (13 января, 1973) появилась статья Николая Антонова «Реквием академику Туполеву». Антонов пишет о любви Туполева к Болгарии, о том, что каждый болгарин вправе гордиться этой любовью, повышающей его революционно-патриотическое самосознание. Цитируя письмо Туполева ко мне, Антонов опускает слова, посвященные Цоле Драгойчевой: «Чрезвычайно приятно было прочесть в Вашей книге о Цоле Драгойчевой, нашем большом друге и замечательном человеке».

Почему же эти слова были опущены? Потому что в письме Туполева было упомянуто имя Цолы Драгойчевой, а она попросила не выделять себя.

Благородство скромности, присущее ей в полной мере, характерно и для ее книги «По велению долга».

Дружба Андрея Туполева и Цолы Драгойчевой была дружбой самого высокого интеллектуального накала. Я это поняла по отдельным ее словам, по тону, деталям ее рассказа.

...Когда мы мчались по причудливым извивам родопских дорог, возвращаясь от Цолы Драгойчевой обратно в Софию, мне не давали покоя ее слова, которым раньше я не придала особого значения:

— Туполев, представляя меня своим друзьям, рассказывал им, что я была приговорена к смертной казни, что около семи месяцев этот приговор висел надо мной.

Это было сказано таким тоном, каким говорят о милых чудачествах бесконечно уважаемого, дорогого человека. Теперь мне стало ясно, что отнюдь не случайно вспоминал Туполев об этом смертном приговоре. Он знал биографию Цолы Драгойчевой, знал, как она вела себя перед лицом смерти, и был вправе гордиться своим другом. В книге есть сцена военно-полевого суда в городе Пловдиве.

Суд происходил в Военном клубе 15 июня 1925 года, когда монархо-фашистская клика Цанкова решила расправиться с коммунистами и передовыми рабочими.

«Допрос Сони», — пишет репортер пловдивской газеты «Борба», — кассира и главной связной Южноболгарской конспиративной области, вызвал всеобщий интерес. Зал суда переполнен, среди собравшихся преобладают женщины, которые пришли взглянуть на «героиню».

Когда подсудимая выходила из машины и со связанными руками направлялась в суд, за ней следила огромная толпа, блокировавшая вход Военного клуба...

Появление в зале подсудимой, которая считалась центральной фигурой процесса и о которой рассказывают множество историй, вызвало большое оживление среди публики.

Подсудимая, тонкая, высокая, с прической а-ля гарсон, одетая в бежевый костюм, вошла в зал с высоко поднятой головой и встала перед судейским столом... Она старается быть спокойной, берет на себя большую часть предъявленных обвинений. Давая показания, Соня держалась чересчур невозмутимо, а в конце допроса даже начала смеяться, за что суд вынужден был сделать ей замечание...»

Так вела она себя после нечеловеческих истязаний в Маразлийской тюрьме, прозванной домом инквизиции. Она знала, что ее ждет виселица, и все же у нее хватило душевной силы рассмеяться в глаза судьям и встретить с улыбкой смертный приговор.

Откуда эта фантастическая стойкость, эта чудотворная внутренняя сила?

На этот вопрос, а он невольно возникает у каждого, автор мемуаров отвечает с присущей ей живой искренностью:

«Я знала, что меня ожидает, я сознавала значение каждого своего жеста, каждого сказанного слова. Я отдавала себе отчет, что любое проявление слабости или колебания перед судом, перед этой надменной и злоязычной публикой равносильно моральному и политическому самоубийству. Все, что угодно, но только не смирение, все, что угодно, но только не бессилие, не говоря уже о выпрашивании милости или пощады. Суд здесь, в зале Военного клуба, не столь важен — его приговор предопределен и проштампован. Мы знаем этот приговор и воспринимаем его как неизбежность. Иной суд имеет для нас подлинное значение — суд за стенами этого зала, суд народа. Этот процесс разыгран с целью развенчать и оклеветать каждого из нас как личность, дискредитировать нас морально, разгромить нас политически, прежде всего руководителей, а через нас и всю нашу организацию, все дело, которому мы служим. Сознание этого придавало мне мужество взять на себя большую часть вины своих товарищей, дало мне силы даже рассмеяться в глаза судьям, хотя сердце мое разрывалось...»

Ей было тогда всего двадцать семь лет, она была красива, всесторонне образованна, обладала глубоким чувством прекрасного и колоссальной энергией жизнелюбия и все же бесстрашно глядела в глаза смерти, чтобы защитить честь революционера, достоинство революции.

Искренность и скромность — вот основная тональность ее воспоминаний. Цола Драгойчева обладает даром, вспоминая свою жизнь, создать образ эпохи, «историю в человеке», соединить в неразрывное целое свое, индивидуальное с общим, свое поведение с поведением друзей-товарищей по революционной борьбе. «Я» и «мы» у нее нераздельны.

На свой последний, как тогда казалось, бой Соня и ее товарищи шли, по ее словам, «как идут на свадьбу». Недаром она пишет: «Сколько правды в народной песне о гайдуке Стояне, который сказал, стоя у виселицы: «Пусть на мне белеет рубашка, а кудри мои пусть треплет ветер»! Эти слова я поставила бы эпиграфом к книге «По велению долга», потому что она написана не только по велению долга, но и по велению горячего, вечно молодого сердца».

Эпический, исторически достоверный рассказ о революционной борьбе Болгарской коммунистической партии по подготовке и проведению в жизнь Сентябрьского антифашистского восстания 1923 года в книге «По велению долга» сливается воедино с лирической песнью торжествующего жизнелюбия и человеколюбия, с безудержной силой гайдуцкой отваги.

В настоящее время Цола Драгойчева — член Политбюро ЦК БКП и председатель Всенародного комитета болгаро-советской дружбы. Она — лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», большой и почитаемый друг нашего народа. Советское правительство наградило ее орденом Ленина и орденом Дружбы народов.

Б. БРАЙНИНА

* «По велению долга (воспоминания и размышления)». Издательство политической литературы. М. 1974.

* Партийное имя Цолы Драгойчевой в годы подпольной борьбы.

500 лет со дня рождения великого итальянского скульптора, живописца, архитектора и поэта

Завтра исполняется 500 лет со дня рождения Микеланджело Буонарроти. Эта дата будет широко отмечаться по решению ЮНЕСКО. Мы публикуем сегодня статью Андрея Вознесенского и его переводы стихов великого художника. Это часть большой подборки, которая печатается в третьем номера журнала «Иностранная литература». Перевод «Мадригала» выполнен специально для «Литературной газеты».

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОЙ МИКЕЛАНДЖЕЛО

КИНЖАЛЬНАЯ строка Микеланджело... Мое отношение к творцу Сикстинской капеллы отнюдь не было платоническим.

В рисовальном зале Архитектурного института мне досталась голова Давида. Это самая трудная из моделей. Глаз и грифель следовали за ее непостижимыми линиями. Было невероятно трудно перевести на язык графики, перевести в плоскость двухмерного листа, приколотого к подрамнику, трехмерную, а вернее, четырехмерную форму образца!

Линии ускользали, как намыленные. Моя досада и ненависть к гипсу равнялись, наверно, лишь ненависти к нему Браманте или Леонардо. Но чем непостижимей была тайна мастерства, тем сильнее ощущались ее притяжение, магнетизм силового поля.

С тех пор началось. Я на недели уткнулся в архивные фолианты Вазари, я копировал рисунки, где взгляд и линия мастера, как штопор, ввинчиваются в глубь бурлящих торсов натурщиков. Во сне надо мною дымился вспоротый мощный кишечник сикстинского потолка.

Сладостная агония над надгробием Медичи подымалась, прихлопнутая, как пружиной крысоловки, волютообразной пружиною фронтона.

Эту «Ночь» я взгромоздил на фронтон моего курсового проекта музыкального павильона.

То была странная и наивная пора нашей архитектуры. Флорентийский ренессанс был нашей Меккой. Классические колонны, кариатиды на зависть коллажам сюрреалистов слагались в причудливые комбинации наших проектов. Мой автозавод был вернецией на тему палаццо Питти. Компрессорный цех имел завершение капеллы Пацци.

Не обходилось без курьезов. Все знают дом Жолтовского с изящной лукавой башенкой напротив серого высотного Голиафа. Но не все замечают его карниз.

Старый маэстро на одном и том же эскизе набросал сразу два варианта карниза: один — каменный, другой — той же высоты, но с сильными деревянными консолями. Конечно, оба карниза были процитированы из ренессансных палаццо.

Верные ученики, узрев в этом новаторство, следуя букве мэтра, восхищенно перенесли оба карниза на смоленское здание.

Так на Садовом кольце появился дом с двумя карнизами.

...И вот сейчас мое юношеское увлечение догнало меня, воротилось, превратясь в строки переводимых мною стихов.

Вероятно, инстинкт пластики связан со стихотворным.

Известно грациозное перо Пушкина, рисунки Маяковского, Волошина, Жана Кокто. Недавно нашумела выставка живописи Анри Мишо.

И наоборот, один известнейший наш скульптор наговорил мне на магнитофон цикл своих стихов. Прекрасны стихи Пикассо и Микеланджело.

Последний наизусть знал «Божественную комедию». Данте был его духовным крестным. У Мандельштама в «Разговоре о Данте» мы читаем: «Я сравниваю, значит я живу», — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания — а где взять другое? — только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение».

В Микеланджело, корчась, рождалось барокко. В нем умирал Ренессанс. Мы чувствуем томительные извивы маньеризма — в предсмертной его «Пьете Рондонини», похожей на стебли болотных лилий, предсмертное цветение красоты.

А вот описание магического Исполина:

Ему не нужен поводырь.
Из пятни, жалтой,
как желтой,
малишись гневом,
мои волдырь,
горел единственный
зрачок!

Не только Петрарка, не только неоплатонизм были поводырями Микеланджело в поэзии. Мощный дух Савонаролы, проповедника, которого он слушал в дни молодости, — ключ к его сонетам: таков его разговор с богом.

Безнравственные люди поучали его нравственности.

Их коробило, когда мастер пририсовывал Адаму пуп, явно нелогичный для первого человека, слепленного из глины. Недруг его Пьетро Аретино доносил на его «лютеранство» и «низкую связь» с Томмазо Кавальери. Говорили, что он убил натурщика, чтобы наблюдать агонию, предшествовавшую смерти Христа.

Как это похоже на слух, согласно которому Державин повесил пугачевца, чтобы наблюдать предсмертные корчи! Как Пушкин ужаснулся этому слуху!

Не случайно в «Страшном суде» святой Варфоломей держит в руках содранную кожу, которая — автопортрет Микеланджело. Святой Варфоломей подозрительно похож на влиятельного Аретино.

Смеркающийся Микеланджело — ужаснувшийся встречей со смертью, в раскаянии и тоске провывший свой знаменитый сонет «Кончину чую...».

«Увы! Увы! Оглядываюсь назад и не нахожу дня, который принадлежал бы мне! Обманчивые надежды и тщеславные желания мешали мне узреть истину, теперь я понял это.. Сколько было слез, муки, сколько вздохов любви, ибо ни одна человеческая страсть не осталась мне чуждой.

Увы! Увы! Я бреду, сам не зная куда, и мне страшно...» (Из письма Микеланджело).

Когда не спасали скульптура и живопись, мастер обращался к поэзии.

В итальянских стихах рифмуется все со всем. Переводить их адски сложно. Например, мадригал, организованный рефреном: O Dio, O Dio, O Dio!

Первое попавшееся: «О боже, о боже, о боже!» — явно не годится из-за сентиментальной интонации русского текста. При восторженном настрое подлинника могло бы лечь: «О диво, о диво, о диво!». Заманчиво было, опираясь на католический культ Мадонны, перевести: «О Дева, о Дева, о Дева!»

Увы, и это не подходило. В строфах идет ощущаемое почти физически преодоление материала, ритм с одышкой. Поэтому следует поставить тяжеловесное слово «Создатель, Создатель, Создатель!» с опорно направляющей согласной «д». Ведь идет обращение Мастера к Мастеру, счет претензий их внутрицехового порядка.

Понятно, не все в моем переложении является буквальным слепком. Но вспомним Пастернака, лучшего нашего мастера перевода:

Поэзия, не поступайся
ширью,
храни живую точность,
точностью тайн,
не занимайся точками
в пунктире
и зерен в мере хлеба
не считай!

Сам Микеланджело явил нам пример перевода одного вида искусства в другой.

Скрижальная строка Микеланджело.

Рисунок В. МЕДВЕДЕВА

«Я ИСТИННУЮ ВИЖУ КРАСОТУ...»

Кончину чую. Но не знаю часа.
Плоть ищет утешенья в мутежа.
Жизнь плоти опостылела душе.
Душа зовет отчаянную чашу!
Мир заблудился в непролазной чаща
средь ядовитых гадов и ужей.
Как черви, лезут сплетни из ушей.
И Истине сегодня — гость редчайший.
Устал я ждать. Я верить устаю.
Когда ж взойдет, Господь, что ты посеял!
Нас в сраму застанет смерти час.
Нам не постигнуть истину Твою.
Нам даже в смерти не найти спасенья.
И отвернутся ангелы от нас.

Любовь мое, как я тебя люблю!
Особенно когда тебя рисую.
Но вдруг я тебе в полюбил другую!
Вдруг я придумал красоту твою!
Но почему ж и друзьям тебя ревную!
И к мрамору ревную, и к углю!
Вдвойне люблю — негде тебя леплю,
втройне — когда я точно зарифмую.
Я истинную вижу Красоту.
Я вижу то, что существует в жизни,
чего не замечает большинство.
Я целюсь, как охотник на лету.
Ухвачено художнической призмой,
божественное ставит божество!

Уста твои встречаются с цветами,
когда ты их вплетаешь в волосы.
Ты их поцеловь, стебли вороша.
Как я ревную и вашему свиданью!
И грудь твое, затянутое тканью,
волнуется, свете и хороша.
И кисея коснется щек, шурша.
Как я ревную и каждому касанью!
Напоминая чувственные сны,
сжимает стан твой локте поясов
и обладает талией твоей.

Нежней объятий в жизни я не знаю...
Мои объятья в тыщу раз нежней!

Я удивляюсь, Господи, Тебе.
Поистине — кто может, тот не хочет».
Тебе милы, кто добродетель корчит.
А в ню умащаюсь в их толпе.
Я твой слуга. Ты свет а моей судьбе.
Так связан с солнцем не рассвете кочет,
дурак над моим подвигом хохочет.
И небесе оставили в беде.
За истину борясь, ищу отдушки.
Давний я хочу, а не словес.
Тебе ж милее льстец или доносчик.
Как небо к моим жертвам равнодушно —
так я плюю на милости небес.
Сухое дерево не плодоносит.

Когда в созидаю на леше,
поднев рукой пневмодробильный молот,
тот молот об одном лишь счастье молит,
чтобы мое не дрогнула рука.
Тем молот Господа наверняке
мир создавал при взмахе гневных молний.
В Гармонию им Хаос перемолот.
Он прототец земного молотка.
Чем выше поднят молот в небесе,
том глубже он врубается в земное,
становится скульптурой и дворцом.
Мы в творчестве выходим из себя.
И это называется душою.
Я — молот, направляемый Творцом.

Ответ Буонаррото

Блаженство — спать, не ведать злобы дня,
не ведать свары вашей и постыдства,
в неведении каменном забыться...
Прохожий! Тсс... Не пробуждай меня.

Здесь с кольями кресты святые сходны,
кровь Господа здесь продают в разлив,
благие чаши а шлемы препаратив.
Кончается терпение Господне.
Когда б на землю он сошел сегодня,
его б вы окровавили, схватив,
содрали б кожу с плеч его святых
и продали бы а первой подворотня.
Мне не нужны подачки лицемера,
творцу преуспевать не надлежит.
У новой эры — новые химеры.
За будущее чувствую в стыд:
иная, может быть, святая вера
опять всего святого нас лишит!

Конец
Ваш Микеланджело в Туретчине

Эпитафии

1.

Я счастлив, что я умер молодым.
Земные муки — хуже, чем могила.
Навеки смерть меня освободила
и сделалась бессмертием моим.

2.

Я умер, подчинившись естеству.
Но тыщи душ в моей душе вмещались.
Одна из них погасла — что за малость!!
Я в тысячах оставшихся живу.

Мадригал

Я пуст, в стандартен. Себе в утратил.
Создатель, Создатель, Создатель,
Ты дух мой похитил.
Пустынне обитель.
Стучу по груди пустотелой, как дятел:
Создатель, Создатель, Создатель!
Как на сердце пусто
От страсти бесстыжей,
Я вижу Искусством,
А сердцем — не вижу.
Где я обнаружу
Пропевшую душу!
Наверно, все выкипела наружу!

Джованни Строцци на «Ночь» Буонаррото

Фигуру «Ночь» в мемориале сне
из камня высек Ангел или Анжела.
Она жива, верней — уснула заживо.
Оклинии — и пробудится Она.

ЧИТАЯ ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

ЖИВ «САТАНА»

«Хелтер скелтер» — назвали свою книгу, недавно вышедшую в США, юрист Винсент Бульози и писатель Керт Джентри. В переводе ато означает — страшный беспорядок, почти хаос. «Хелтер скелтер» не только популярная песня битлов, но и зловещее послание, которое убийцы супруг. ов Ла Бианна начертали на дверце холодильника в их доме, перед тем как покинуть место преступления. Убийство Лено и Розмари Ла Бианна было совершено на другой день после аналогичного по «почерку» убийства актрисы Шарон Тейт в Лос-Анджелесе в августе 1969 года. В книге Бульози и Джентри, имеющей подзаголовок «Подлинная история банды Мэнсона», раскрывается не менее загадочный, чем само преступление, механизм расследования. Когда Бульози назначили главным обвинителем по этому делу, он не представлял себе с каким хаосом следственных провалов, небрежностей и ошибок ему придется столкнуться (название книги поэтому имеет двоякий смысл). Авторы утверждают, что Мэнсона можно было арестовать на основании прямых улик задолго до того, как Сьюзан Аткинс, одна из его ближайших помощниц, указала на него как на инициатора совершенного злодеяния. Например, слова «хелтер скелтер», которым полицейские детективы не придали значения, были известны многим жителям Лос-Анджелеса. Мэнсон девиз Мэнсона, стремившегося стать «властелином мира», в результате «ха... Во время и после суда главарем шайки, подчеркивает Бульози, «семья» пополнилась новыми членами, которые с тех пор совершили еще несколько убийств. Сейчас убийцы Шарон Тейт и Ла Бианна отбывают пожизненное заключение (поскольку в 1971 году смертная казнь в Калифорнии была отменена). Но вполне вероятно, замечают Бульози и Джентри, что в 1978 году они могут быть выпущены под честное слово.

«Имеет ли смысл публикация подобной книги?» — спрашивает на страницах журнала «Тайм» рецензент Пол Грей. Конечно. «Хелтер скелтер» — не детектив, и не триллер. И не вина авторов в том, что их главным героем не стал благородный полицейский или хитроумный сыщик, а вся история, полная «загадочных» фактов, окрашена в весьма мрачные тона, противопоказанные развлекательному чтиву. С точки зрения канонов «массовой культуры» на вопрос, поставленный журналом «Тайм», следует ответить отрицательно. Но с точки зрения истины книга Бульози и Джентри безусловно полезна, ибо она не может не вызвать тревогу по поводу растущего числа преступлений, перед которыми пасует буржуазное «правосудие».

ПОБЕДА ДОСТАЛАСЬ МЛАДЕНЦУ

Известному зарубежному карикатуристу Шульцу принадлежит своеобразный рекорд: в английском журнале «Обсервер» он выступил в качестве автора самого короткого фильма-рассказа о знаменитом вампире графе Дракуле, который уже давно числится одним из королей в кинематографии кошмаров и ужасов. В «фильме» Шульца всего четыре кадра: из первых из них девочки посменявшись над малышом, прищедшим на луг со своим одеяльцем. Но стоило мальчику завернуться в это одеяло и провозгласить себя графом Дракулой, как насмешницы обратились в паническое бегство.

Создатели более многометражных фильмов о Дракуле рассчитывают, однако, всегда не на отпугивающую, а на «притягательную» силу этого имени. Недавно оно вновь появилось на рекламных щитах европейских и американских кинотеатров. Новый фильм «Кровь для Дракулы» американского режиссера Пауэля Морриссея снят в Италии. Дракула в нем предстает жертвой своеобразного «энергетического кризиса»: он никак не может обеспечить себя достаточным количеством крови девственниц, необходимой для его существования. Основные события происходят в разорившейся аристократической итальянской семье, где на руках у отца и матери четверо дочерей. В качестве соперника вампира выступает слуга, который уже тайно добился благорасположения двух красавиц. Дракула едва не погибает в страшных конвульсиях при попытке насытиться их кровью. В битве с лакеем несчастный вампир теряет руку и ноги.

Французский критик Жорж Шаренсоль на страницах еженедельника «Нувель литерер» упрекает создателей фильма в том, что им не хватает остроумия и легкости, которые позволили бы рассматривать эту картину как забавную пародию на фильмы ужасов.

Граф потерпел фиаско и на только что закончившемся фестивале фантастических фильмов в Авориазе. Бывалого вампира здесь обошел новорожденный младенец, главный герой-монстр в фильме «Чудовище-живуча», получившем специальную премию жюри. В искусстве «сеять ужас и смерть», как пишет тот же еженедельник, Дракула остался позади.

Но, может быть, теперь без одной руки и ног, став еще страшнее, он лучше сможет постоять за честь своего грозного имени! Чудовище-живуче и приносит доходы.

И. ВЛАДИМИРОВ

Новый плащ Дракулы...

КТО, ГДЕ, КОГДА

Новый роман Кая Путрамента

Известный польский писатель Кай Путрамент недавно закончил работу над новым романом «Акрополь», навеянным его пребыванием в Греции в 1947 году в качестве члена комиссии Совета Безопасности ООН. Сейчас Е. Путрамент работает над новым романом «Двойники», действие которого происходит в Польше в послевоенном десятилетии.

На сцене «Вигсинхаз»

Большим событием в театральной жизни Венгрии стала постановка на сцене театра «Вигсинхаз» в Будапеште пьесы Максима Горького «Варвары». Режиссер Иштван Хорвай. Исполнители главных ролей Эрика Сегеди (Надежда), Рудольф Шомодьвари (Цыганов) и Габор Конц (Чернум).

На снимке: сцена из спектакля «Варвары»

Приз югославской певице

«За Ваши чудесные перевоплощения в операх Верди город Парма присуждает Вам традиционный приз «Золотой Верди». Такую телеграмму получила недавно югославская певица Лилиана Молнар-Таланч, вокальное искусство которой в операх Верди «Трубадур» (партия Леоноры), «Аида» (партия Аиды) и др. получило широкое мировое признание.

Юность Тельмана

На снимке: кадр из нового цветного художественного фильма «О моем детстве» (производство киностудии «Дефа»), посвященного юности Эрнста Тельмана. В основу сценария положены недавно опубликованные в ГДР автобиографические записи Тельмана. Авторы сценария — Вера и Клаус Кюхенмейстер и Фольнер Кепп, постановка режиссера Бернгарда Стефана.

ГОСТИНЫЙ ДВОР «КЛУБА ДС»

СЕКРЕТ МОЛОДОСТИ

Любовь ИВАНЧУК

КТО НЕ ВИДЕЛ меня лет пять, удивляется:

— И как это вам удалось так сохраниться?

Каждой женщине приятно такое слышать. Даже в моем возрасте.

А все дочки, спасибо им, помогли. Где-то в начале мая приехала ко мне старшенькая моя, Галочка, и внучат с собой привезла.

— Еду, — говорит, — мама, на курорт. А за детками вы уж доглядите, а то в яслях совсем они извелись. Одни косточки.

Я не сказала бы, что это так, но родной матери виднее.

— Так вы, — говорит, — уж постарайтесь, чтобы без сметанки не обходилось. Свеженькую они у меня любят. Да еще масло тоже свеженькое. Такое, как я когда-то любила, — они оба в меня пошли. И еще одно, мамочка. У Вовки аппетит не очень-то, все нервы изведешь, пока накормишь. Любит, чтобы перед ним кто-то танцевал, тогда только и втиснешь ему ложку в рот. Телевизора у вас нет, так сами попробуйте. Это ж всего четыре раза в день.

Ну, коли надо, так надо. Когда-то же я плясала и гопака, и «Метелицу».

Не успела Галю проводить, как Надюша с чемоданчиком и внучком заявилась. И вроде недовольна:

— Уж эта Галька—повсюду первой успевает!.. Выбили это с Васькой путевку туристскую, а потом еще за свой счет возьмем. А дитя куда же? Не потяну ж я его к свекрови. Она разве так присмотрит, как вы! Разве будет она каждое утро гоголь-моголь делать!..

А самая младшая пару близнецов мне привезла и чуть не плачет:

— Ишь как возле тех вы выплясываете, чуть не падаете! А мои что, не дети? Ну, не знала я...

— Где трое, там и пятеро, — говорю.

Расцеловала меня доченька.

— Они смирные, — успокаивает, — на руках если их весь день держать, так они и не пискнут, не будете жаловаться.

И действительно на жаловалась — времени не было. Еще темновато, а я корову подою, на выгон ее, и скорей бегу-лечу домой. Одному сметанки свеженькой, другому гоголь-моголь, третьему кашки... А как начинаю кормить, вся округа сбегается. Детвора соседская чуть в окна не лезет. И чего они не видали? Сидят мои внучата-близнята на кровати, а я вытанцовываю перед Вовкой. Покачалу это я пробовала полегоньку, только ногой притоптывать, да где там!.. Дети теперь хитрые. Говорит: «Подымай, бабушка, ногу так, как тетя в телевизоре...» И чтобы в длинной белой юбке была, а иначе и не показывай сметану.

А дети соседские заливаются, кричат:

— Баба Ковалиха партию Джульетты разучивает. Когда премьера, бабуля?

А премьера каждый день. И, верите, уж и не думала что дочерей дождусь. Приехали они, вокруг меня хмелем вьются и удивляются:

— Мама, да что с вами! Фигура у вас — куда нам! Ходите — земли не касаетесь. Мама, поделитесь секретами.

Отвечаю им:

— Все само собой придет. Поживите с мое, вырастите таких дочек, как я вырастила, тоже такими станете.

Потому и советую тем, кто ныне еще молод: не хотите стареть — своевременно позаботьтесь, чтобы внуки были.

Перевел с украинского Ян ОСТРОВСКИЙ

Девичник клуба ДС

ПЕРЕВОДЫ

Вильям ДЖЕЙ СМИТ (США)

Песенка под банджо

Стук! Стук! Стук! Стук!
У мака есть в чулане сундук.

Стук! Стук!
В сундуке том я запер жену
и держу ее в душном плену.

Стук! Стук!
— Эй, открой-ка сундук, душегуб!
— Пусть сначала остынет твой суп.

Стук! Стук!
— Отпусти, а не то будет хуже!
— Разве так обращаются к мужу!

Стук! Стук!
Жен держать в сундуках — тяжкий грех.
Это ясно, конечно, для всех.

Стук! Стук!
Я все выдумал это, мой друг.
Загляните ко мне вы в сундук:
там лишь ветошь да драный сюртук.

Стук! Стук!
Стук! Стук!
Стук!

Перевела с английского В. ИГЕЛЬНИЦКАЯ

ФРАЗЫ

● *Долг чести он возвращал только по исполнительному листу.*

И. ДОРОНИН
МИНСК

● *Если все будут жениться на умных, то что же делать с красивыми?*

● *Женитьба — это ли не серьезная причина для развода!*

Данил РУДЫН
ОДЕССА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● ПРОИСШЕСТВИЯ

Необычный случай произошел с жителем поселка Заливное И. Дроновым. Он перепутал 8 марта с 1 апреля.

● ПУСТЯЧОК, А ПРИЯТНО

Если вы хотите сделать приятное жене, то подарите ей тридцатирублевый складной зонтик. Приобрести его можно за 40 рублей у гр. Ивасюк, которая ежедневно останавливается передохнуть у второй двери по третьей линии первого этажа ГУМа.

● ИХ НРАВЫ

Анна Чензари все вечера проводит в барах. Но, как выяснилось, она не пьет, не курит, не скандалит, а просто ищет своего мужа Жака Чензари.

● ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ ОТКРЫТКА

Дорогая администрация! Поздравляю тебя с нашим общим международным праздником 8 Марта и желаю тебе успехов в личной жизни и счастья в труде.

Твой Еег. САЗОНОВ

КОММЕНТИРУЕТ Евг. САЗОНОВ

ДАВАЙТЕ НЕ БУДЕМ!..

Недавно авиапочта доставила в «Клуб 12 стульев» брошюру, текст которой составлен в стенах Ташкентского политехнического института доктором философских наук, профессором А. Артыковым. Брошюра называется «Нравственное поведение студента». Она рекомендована в качестве 4—6-часовой лекции для студентов первых курсов в цикле «Введение в специальность». В ней, если говорить без шуток, речь идет о вопросах серьезных и важных. Но форма разговора, избранная автором, стиль изложения — весьма и весьма спорны. Именно поэтому мы сочли полезным соответствующим образом отозваться на эту брошюру.

Маститый людовед и философ «Клуба ДС» Евг. Сазонов любезно согласился прокомментировать главу «СТУДЕНТКА ДОЛЖНА ОБЕРЕГАТЬ СВОЮ ДЕВИЧЬЮ ЧЕСТЬ». Итак, к делу!

ПРОФЕССОР А. АРТЫКОВ. Умный сознательный, культурный, образованный человек независимо от возраста, пола, социального положения, всегда, везде, во всем обязан оберегать свою девичью целомудренность, женскую честь, мужское достоинство.

Евг. Сазонов. Красиво сказано!

ПРОФЕССОР. Только легкомысленные, недалекие, ветреные, пошлые, низкие люди полагают, что понятия целомудрия, девичьей и мужской чести устарели... В зависимости от того, насколько глубоко, умно, разборчиво, проницательно понимает, оберегает свою девичью честь студентка, да и не только она, зависит ее авторитет...

Евг. Сазонов. Насчет авторитета — это конечно!

ПРОФЕССОР. Девичью честь растаптывает, оскверняет, а сама лично теряет авторитет та девушка, которая разрешает мало знакомому или пусть даже хорошо знакомому парню целовать себя на глазах людей. Надо полагать, что такая девушка потеряла свою девичью честь...

Евг. Сазонов. Пусть земля горит под ногами у таких хорошеньких девушек!

ПРОФЕССОР. Наши парни, особенно девушки, ни в коем случае так легкомысленно не должны смотреть на интимную близость. Кто так смотрит, тот расположен, склонен к распутству...

Евг. Сазонов. Нельзя так смотреть на интим, надо на него закрывать глаза.

ПРОФЕССОР. Девушка, потерявшая свою честь, следовательно, свое целомудрие, женственность... непременно лишается внутреннего обаяния.

Евг. Сазонов. Хотя внешне ей, быть может, цены нет!

ПРОФЕССОР. Девушка не должна навязывать свою любовь точу парню, который дружит с другой. Иначе она утрачивает девичью гордость, даже свою честь.

Евг. Сазонов. Не путайте коллега, форму с содержанием!

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ «КЛУБА ДС». Мы благодарим почитателей «Клуба ДС», приславших нам брошюру профессора А. Артыкова. Тем не менее поздравляем всех читательниц, и особенно студенток, с праздником. В большом философском смысле.

Татьяна НОЙОНЕН

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «КЛУБА ДС»

КОГО БЕРЕЧЬ?

Дорогая администрация, по долгу своей службы я занимаюсь социологическими исследованиями: «Роль женщины в жизни человека». Сделав уже некоторые неожиданные выводы. Оказывается, женщина все-таки нужна человеку и обществу в целом, хотя в настоящее время и стираются грани различий между мужчиной и женщиной. В частности, женщина нужна мужчине на трудоемких работах, а на легких ее с успехом заменяет мужчина. Женщина нужна человеку для исполнения женских ролей в спектаклях.

Мои исследования привели меня к неразрешимому вопросу: кого же теперь беречь? Мужчин или женщин?

Социолог
В. А. КУКАНОВСКИЙ

ОТ АДМИНИСТРАЦИИ

Вопрос, поднятый нашим читателем, давно витает в воздухе. Действительно, женщину можно встретить всюду: на улице, в помещении, на работе, в компании и т. д. Так что же с ней делать! Беречь или нет! Не поступивший в редакцию вопрос отвечает известный специалист Танечка Нойонен.

РАЗЪЯСНЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА

Кого беречь? Давайте прикинем — кто обходится обществу дороже: мужчина или женщина?

Соблюдая этикет, осмотрим сначала женщину. С головы до ног.

Первое — ГОЛОВА.

Бигуди железные дневные, со щеточками внутри, бигуди пороломоновые ночные, бигуди —скороварки на кипятке. Заколки будничные и праздничные. С бабочкой или с розочкой. Как сейчас модно. Чепчик прозрачный. С кружевчиками, чтобы на стадионе в мусоропровод не вышли. Краски ратные. Лаки. Фен. Я уж не говорю про бальзамы, сохраняющие блеск, убирающие треск, наводящие лоск и придающие матовость, игривость, вкрадчивость и т. п.

Далее — ШЛЯПЫ.

Летняя от вспышек, зимняя — от холода, осенняя, чтобы ресницы не разъезжались. И еще шляпа, от которой должна умереть лучшая подруга.

Так. Теперь возьмем ЛИЦО. Вот тут при подсчетах ломаются даже ЭВМ. К стоимости лице подступиться даже страшно. Это просто песнь песней о загубленных миллионах. Маски витаминные, лосьоны душистые, кремы для сухой и жирной кожи. Пудры рассыпчатые. Пудры окаменелые. Пушок. Помада.

Во сколько влетает расстояние от головы до ног — предлагаю подсчитать самим. Кстати, о руках: сейчас уж очень моден лак. Перламутровый и без. Не забудьте пеньюары, пляжные комплекты, отдушки для ванн, тапочки.

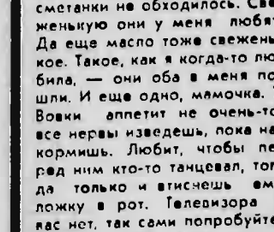
А еще подсчитайте расходы на питание, недели голодания, на дай бог цветы, а также расходы на повышение их, женщин, культурного уровня (сигареты и кагор в лучшем случае). Прибавьте далее сумму, во сколько обходится обществу временная нетрудоспособность мужчин-специалистов, попадающих под накал флюидов, сводящих на нет его КПД. Прибавляйте, голубчик, не стесняйтесь. И когда вы все вычислите, то у вас получится такое ИТОГО, такие космические цифры, что после этого даже близко к вашим изыскиям не подступится мысль о бережном отношении к ней, то есть к женщине. Оказывается, даже при самых примитивных подсчетах на передний край выплывает вопиющий факт: женщин беречь нерентабельно! Математика — наука точная, она и дает окончательный приговор.

А что нужно для жизни мужчине!

Да ничего.

Кроме женщины...

ЧУДАКИ

Произведения неизвестного товарища

И. МАКАРОВ

В. ИВАНОВ и В. СКРЫЛЕВ

—ТОЛЬКО тихо! — сказал Он. — Двери заперты? Окна закрыты? Чужих нет?

— Нет, — ответили мы с женой.

Он сел на стул посреди комнаты, прижимая к груди продуктовую сумку, и спросил:

— Вы знаете, кто перед вами?

Человеку, знакомому с детства, глупо отвечать на такой вопрос, и я только кашлянул.

— Гений! — сказал Он. — Перед вами гений! «Джоконду» Леонардо да Винчи, конечно, помните? — сказал Он. — Мону Лизу? Чему она улыбается столько веков, спрашивается? Сотни томов написано — никто не понял! А я это буду знать точно. О чем, интересно, болтал Рафаэль с дочерью булочника Форнариной, когда она ему позировала для «Сикстинской мадонны»? Понятия никто не имеет. А я узнаю! Рублев, Мемлинг, Брейгель-мужицкий — все они у меня заговорят, как миленькие! У меня тут ключ к любой творческой кухне!..

И Он, как кошку, погладил продуктовую сумку, лежавшую у него на коленях.

— Браво! — сказала жена, стараясь держаться от него подальше.

— Могу немедленно продемонстрировать, — Он взглянул на нас подозрительно. — Двери закрыты? Чужих нет? А то налетят сейчас искусствоведы, настрапают диссертаций, а ты ни при чем!

— Он достал из сумки аппарат, непохожий ни на что. — Хорошо бы мне сейчас что-нибудь действительно древнее. Кисти Чимабуэ или, по крайней мере, Джотто.

Мы огладели стены своей квартиры.

— Прости, — виновато сказала жена, — у нас только вчера ремонт кончился.

— Ремонт! — неожиданно оживился Он. — И стены красили?

— Красили, красили, — успокоил я его. — Чудесные были маляры. Душевные люди. По рекомендации. Видишь, стены как новые и почти задаром.

Но Он уже наводил дуло своего невероятного прибора на стенку. Аппарат сначала загудел, словно внутри его билась плененная навозная муха, а затем оттуда послышался голос:

— Второй раз крыть не будем. И так сойдет!

НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Это был голос старшего маляра.

— А если хозяин шум поднимет? — спросил младший маляр.

— Не поднимет. Он в этом деле ребенок! За те деньги, что он нам отвалил, всю квартиру золотом можно было отделать. Наливай!

Было отчетливо слышно, как маляры сглотнули, крякнули и шумно задышали.

— А заливного судака хозяйка не умеет делать! — сказал младший.

— Господи! — воскликнула жена. — А я-то кошку выдрала! Думала, это она!..

Выключив аппарат, наш приятель скромно улыбнулся:

— Ну, как? А, между прочим, устройство не сложнее патефона. И как эта идея никому в голову не пришла! Ведь краски не высыхают сразу. Невидимо для глаза они уплотняются под действием звуковых колебаний. Так что любая картина — это что-то вроде граммофонной пластинки, на которой застыло все, что звучало, пока краски сохли. Остается только эту пластинку прослушать. Вот для чего мной изобретен этот аппарат. Ваши стенки выполнены, так сказать, техникой «Алла прима», то есть в один прием. С картинами, конечно, сложнее. Там подмалевок, прописи, лессировки. И я не могу ручаться, что Веласкеса мы услышим так же отчетливо, как ваших маляров. Но услышим!

...Это Он объяснял нам, уже стремительно идя по залам музея.

— Вот как раз то, что нам нужно!

Мы стали разглядывать полотно, на котором обнаженный парень делил компанию с какими-то натрезвыми стариками.

— Бессмертное творение Веласкеса «Бахус»! Написана триста пятьдесят лет назад!— Он взял аппарат наизготовку. — Страшно подумать, какой будет переворот! Все отпадет: сомнительные гипотезы, вульгарное толкование шедевров. Ох, и завидую я всяким там искусствоведам и экскурсоводам!..

Аппарат зажужжал. Веки, видно, все же сделали свое черное дело, и голос, который наверняка принадлежал самому художнику, донесся вдвое слышно.

— Устал я... — сказал художник. — Устел, высунув язык, бегать по городу в поисках хотя бы одной приличной кисти. Не делают их теперь, что ли?

— Безобразие! — прошептала моя жена. — Кистей не могли ему выдать! Что они там — не понимали, что талант без кистей, как без рук!

Я покосился на приятеля.

— Что вы хотите? Семнадцатый век! — пожал Он плечами. — Счастье еще, что Рубенс потом дал ему несколько кисточек. А то бы мир так и не увидел ни знаменитого «Распятия», ни «Сдачи Бреды»...

— А краски? — донесся из глубины веков голос художника. — Где взять настоящие краски? Я же пишу колесной мазью! А потом скажут, что у какого-нибудь там Теотокопули палитра богаче!

— Просто не хочется верить, — сказал я, — что такие мелочи могли мешать творчеству в те века.

— Сто раз это слышали!— вдруг раздался из аппарата далекий голос женщины. — Надоело. Лучше помоги мне увязать этот тюк!

— Может быть, повременишь? — спросил художник.

— Может, все еще как-то склеится?..

Мы вздрогнули. Веласкес, несомненно, беседовал с супругой.

— Нет, с меня хватит! — сказала жена художника. — Одиннадцать раз я возвращалась к тебе, надеясь, что что-то переменится.

— Скатерть не забудь, — сказал художник. — Ты всегда забываешь ее. А мне тут не до пиров.

— Все вы, художники, почему-то вбили себе в голову, что женщины обожают неудачников. Чушь это! Неудачников никто не любит! — сказала жена художника. — Я подругам стесняюсь сказать, за кем я замужем. В твои годы люди уже имеют все, начиная от имени и кончая зимним загородным домом. А ты, кажется, до ста лет останешься подающим надежды. Ни одна женщина столько не продержится!

— Но послушай, — сказал художник, — у меня же физически не было возможности взяться за настоящее дело! Весной я работал на какие-то чертовы туфли, без которых ты не могла ступать по земле. Летом тебе приспичило посмотреть Скандинавию. И на это тоже пришлось зарабатывать. Осенью тебе стал необходим этот золоченый саркофаг из Египта...

— Ты про спальню! — сказала жена художника. — Что ж такого, если мне захотелось спать по-человечески! Кстати, спальню ты все равно не осилил. А эта мазня, над которой ты корпишь сейчас! Сколько за нее заплатят! Опять мне зимой без норковой шубы!

— Говорят, в этом году зима будет мягкая... — сказал художник. — Но если уж шуба нужна позарез, я найду еще одну халтуру... Я ведь делаю для тебя все, что могу. Я даже отрастил усы, хотя они и мешают мне есть.

— Видишь? — сказала жена художника. — Настоящий талант, согласись, не стал бы угождать женским капризам! А ты разменял себя! Ну, скажи сам, разве интересно женщине жить с таким человеком? Нет, уж лучше бы я вышла замуж за друга детства!..

— Дрянь! Какая дрянь! — прямо в гудящий аппарат выкрикнула моя жена. — Так терзать! Такого человека!..

В этот момент издалека послышалось шарканье большой экскурсии. Возле нашего «Бахуса» остановилась целая рота солдат под водительством девушки-экскурсоведа. Мы понимающе переглянулись. Что может знать о Веласкесе эта девчонка? Азбучные истины!

— Перед вами, — сказала девчонка, — картина знаменитого испанского художника дона Диего де Сильва Веласкеса, которую наш музей приобрел всего месяц назад. Подлинник этой картины находится в музее Прадо в Мадриде. А перед вами — копия, выполненная одним местным молодым художником-копинстом!..

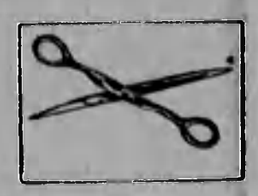
Удар был жесток, и мы старались не смотреть друг на друга. Только сейчас мы сообразили, что нам не пришлось переводить слова «великого испанца». Веласкес говорил не русском языке...

УСМЕШКА МОНЫ ЛИЗЫ

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ПРИМЕТЫ

Супруге Евг. Сазонова

Этот рисунок В. ПЕСКОВА, остальные — В. ТИЛЬМАНА

МОНОЛОГИ «КЛУБА ДС»

КРАСАВЕЦ

Л. ИЗМАИЛОВ

Я ЧАСТО думаю: почему меня женщины так любят? Ну правда, красивый я. Этого у меня не отнимешь. Глаза — как бездонная прорва. Профиль — как у древнеримских греков. Стан — как у горного козла. Иной раз не улице гляну на какую-нибудь и вижу: мороз у нее по коже. Иная с мужем даже идет. И не дай бог ей метре на три от него отделиться. Все. Моя. Два метра еще ничего. Еще успеет он ее за руки-ее схватить. А если на три, то уже все, с концами, как в воду. Пропала. Бежит ко мне. Вещи бросит и бежит. А если пальцем поманю, трактором не удержишь. Некоторые, как посмотрят на меня на улице, на другую сторону перебегают. Страшно становится.

Что делать, просто не знаю. Одевается пробовал похуже. Простенько, но со вкусом. В этом не могу себе отказать. Галстук неброский, из японского кимоно. Очки не пол-лица, одни уши торчат. И все равно все женщины без ума. Чуть-чуть со мной повстречаются — на всю жизнь зарубка.

С одной два раза в жизни виделись. Замуж она тут же вышла за инженера. И я ее по-человечески понимаю. Спокойнее так. Хозяйство, дети. А со мной всю жизнь терзайся, как бы не отбил кто. И что характерно. Я же знаю: с ним живет, обо мне думает. Позвонил ей через год.

— Помнишь, — говорю, — меня?

— Никогда, — говорит, — не забуду.

И я ее понимаю. Фотографию ей свою послал. Так и вижу, вечером в ванную зайдет, из ридикюля вынет. Поплачет надо мной, поубивается и опять к постылому.

А на работе что творится! У меня начальник — женщина. Влюблена по уши. Как на меня глянет — все у нее из рук валится.

На днях вызвала к себе, говорит:

— Не доводите до греха. Уйдите, — говорит, — лучше. Зарплату повысим, только уйдите.

И тут, конечно, дело не только в красоте. Разговор поддержать могу. Про любую киноактрису сутками рассказываю. От кого у кого муж. Кто кого бросил, кто подобрал. Они ведь сами не знают, что у них в жизни творится.

Или такой случай был. Познакомился с одной. 35 лет. Штангистка. Нецелованная. Пару слов сказал, чувствую, пропала. Сжалился. Дай, думаю, поцелую. Такие страсти в ней проснулись. Задрожала вся. А как же не дрожать, подарок-то какой на голову свалился! Схватила меня в объятья. Дальше не помню ничего. Помню раму выбил и лечу.

Нет, мне что-нибудь попроще. Поспокойнее. В больницу даже не пришла. С такой физподготовкой до пенсии замуж не выйдешь. Вот ведь до чего моя красота людей доводит. Ну, просто не знаю, что с собой делать, изуродовать себя, что ли? Чтобы уж никому не достался. Так ведь не поможет. Истинную красоту не задрапируешь. Интеллект все равно не спрячешь. Его за версту видать.

ФОТОАТЕЛЬЕ

— Что бы это значило?
Фото В. ХАСЯНОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУВОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30.

Зак. 194

А—01016

ИНДЕКС 50007